

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Slav 4341.15.381

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Bought with the income of
THE KELLER FUND

Bequeathed in Memory of
JASPER NEWTON KELLER
BETTY SCOTT HENSHAW KELLER
MARIAN MANDELL KELLER
RALPH HENSHAW KELLER
CARL TILDEN KELLER

Fr. Augustin Senner.

П. П. ГНѢДИЧЪ.

СЕМНАДЦАТЬ РАЗСКАЗОВЪ.

П. П. ГНѢДИЧЪ.

СЕМНАДЦАТЬ

РАЗСКАЗОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. А. ЛЕВЕДЕВА, Невскій пр., д. № 8.

1888.

Slav 4341.15.381

О Г Л А В Л Е Н И Е .

	СТР.
Черепь	1
Легенда нашихъ дней	19
Соловьи	45
Римскій прокураторъ	55
Весною	75
Изъ лѣтняго альбома:	
I. Странная женщина	107
II. Въ лѣсу	119
Святочные огни	131
На рельсахъ	139
Кулисы:	
I. Тѣнь отца Гамлета	151
II. Статуя Командора	169
Мертвецы моря	195
Обитель	207
Изъ старыхъ сказаній	217
Тайна Юлія Федоровича	229
Ораторы.	241
Въ трясиныѣ болотной	255

ЧЕРЕПЪ.

Изъ записокъ галлюцината.

Pulvis et umbra sumus...
Horatius.

I.

такъ, я — человѣкъ ненормальный. Они рѣшили, что я ненормаленъ. Мой мозгъ боленъ. Да, я знаю, въ немъ есть что-то, какая-то точка, маленькая, чуть замѣтная, черненькая точка. Обыкновенно она бываетъ крохотная, — какъ уколъ булавки. Но за то бываютъ времена, когда она начинаетъ раздуваться. Какъ мыльный пузырь, она растеть, растеть, крутится, — потомъ займетъ всю голову, весь мозгъ, вытѣснить все изъ головы, — и тогда, — ахъ, какъ тяжело тогда бываетъ! Ничего больше нѣтъ — ни мысли, ни звука, а одна пустота, мрачная, зловѣщая...

Они говорятъ, я ненормаленъ. Они — это доктора. Они меня увѣрили въ этомъ — и я повѣрилъ. Но въ чемъ-же моя ненормальность? Одностороннее упомишательство? На чемъ? Я ни на чемъ не сосредоточенъ, я все сознаю. Я не бѣснужу, я всегда спокоенъ и тихъ. Я ничѣмъ не занимаюсь, — да, это правда, —

но что-же дѣлать, я не могу заниматься именно потому, что не могу сосредоточиваться. Ужасно не это,—ужасно сомнѣніе. А знаете, въ чемъ я сомнѣваюсь? Въ томъ, именно въ томъ самомъ, здоровъ-ли я. Это ужасно. Мнѣ иногда ясно кажется: «ну, конечно, сумасшедшій, безспорно...» Но порою другой голосъ говорить: «Да нѣтъ-же, нѣтъ-же, ты здоровъ, они безумцы!»

А было время, вотъ еще недавно, совсѣмъ недавно, когда я этому повѣрилъ. Я повѣрилъ, что мой мозгъ испорченъ, у меня были на это данныя. Теперь ихъ нѣтъ, но они были. А были они вотъ почему.

Мнѣ непріятно вспоминать, но я все-таки припомню, припомню всѣ мелочи и детали. Пусть я переживу это все снова, какъ оно ни ужасно. Можетъ быть легче тогда рѣшить этотъ вопросъ. Я расскажу.

У меня на письменномъ столѣ лежалъ черепъ. Обыкновенный человѣческій черепъ, такой гладкій, лоснящійся, бѣлый. Лежалъ онъ всегда подъ лампою, поэтому на него свѣтъ сверху падалъ. Костяной пузырь, шишковатый такой, весь въ буграхъ. Глазныя впадины совсѣмъ круглыя, какъ у совы; зубы совсѣмъ свершныя, кривые. И онъ не улыбался. Вѣдь черепъ всегда скалятся и смѣются, а этотъ—нѣтъ. Бугорки такіе были у него надъ бровями, шли къ верху и къ серединѣ, и отъ этого такое страданіе было разлито по всей фізіономіи... И у черепа есть фізіономія, ужасная, отчаянная фізіономія. Какая карикатура, злая карикатура, насмѣшка надъ человекомъ! И я любилъ смотрѣть на эту пародію. Я щелкалъ ногтемъ ему по лбу и говорилъ:

— Что, братъ, попался...

Мнѣ казалось, что онъ задумывался отъ моихъ

словъ. Конечно, это была фантазія, — ни о чемъ онъ не могъ думать, потому что былъ пустой и издавалъ отъ моего щелчка такой сухой и короткій звукъ, совсѣмъ мертвый, глухой. Одинъ разъ отъ сильнаго щелчка нижняя челюсть сдвинулась на сторону. Я помню, какое получилось выраженіе, — въ родѣ оскала зубовъ у бульдога, когда онъ собирается впитъся. Мнѣ въ этотъ мигъ показалось, что онъ глядитъ на меня. Въ глубинѣ глазныхъ отверстій зіяли узкіе, черные прорѣзы, и смотрѣли, смотрѣли прямо мнѣ въ лицо. Была секунда, когда я ощутилъ мысль: а вдругъ онъ сорвется со стола и вцѣпится мнѣ зубами въ шею? Я даже вскочилъ со стула. Какъ глупо это, что за пошлость, за ребячество! Но послѣ этого я пересталъ его щелкать. Это было тоже ребячество. Надъ чѣмъ я потѣшался? Надъ чѣмъ-то невѣдомымъ, надъ какою-то таинственною загадкою. Загадку я потомъ разрѣшу, да и всѣ мы разрѣшимъ ее со смертью. Но зачѣмъ-же, зачѣмъ-же раньше времени, теперь?..

II.

Я смотрѣлъ часами на этотъ костякъ. И такою злобою отзывалась иногда его гримаса. Ему не нравилось, что я смотрѣлъ на него. Впрочемъ, нѣтъ, это вздоръ... Ему не могло это не нравиться. Я все сиделъ представить себѣ: какъ это онъ былъ обросши кожей, какая тогда у него была фізіономія? Вѣдь не правда-ли, это вопросъ интересный? Вотъ только эти впадины глазныя, смущаютъ почему-то онѣ меня. Вы знаете, вѣдь это отверстіе ведетъ не прямо въ пустоту черепа, нѣтъ: глазная впадина — это такой костяной мѣшокъ,

и на днѣ его отверстія, а черезъ отверстія выходятъ изъ мозга въ глазъ зрительные нервы. Я смотрю на этотъ мѣшокъ, на эту впадину, и какъ они бѣсятъ меня! Бѣсятъ потому, что и у меня, въ моей головѣ, есть такая-же впадина, только прощупать я ее не могу, потому что все это покамѣстъ заросло какимъ-то жиромъ, мускулами, и кровь покамѣстъ еще течетъ тамъ: потѣмъ течъ не будетъ. А вѣдь вотъ тутъ, въ этихъ самыхъ глазныхъ дырахъ, были глаза,—и глаза, и вѣки, и рѣсницы, и гладѣли они, и моргали. Конечно, это было, иначе какъ-же бы лежалъ этотъ черепъ вотъ здѣсь, на столѣ у меня! А какого цвѣта у него глаза были, это неизвѣстно, и никто можетъ быть этого не знаетъ, а если кто и зналъ, тотъ забылъ. А зубы остались... Кривые какіе...

Прежде за ними языкъ былъ, и говорилъ вѣдь, говорилъ навѣрно... Какъ глупо это, что за больная мысль? Конечно, если есть черепъ, то былъ и языкъ... Но что онъ говорилъ, что?.. Нѣтъ, этого нѣтъ, этого не сохранилось, оно исчезло... И когда эта мякоть, этотъ мозгъ еще сидѣлъ въ костяхъ, тогда онъ помнилъ все: какая-то извилинка, и чортъ ее знаетъ какая, помнила это, въ ней все было записано и нарисовано... И вдругъ эта самая извилинка, этотъ завитокъ мозга, началъ разлагаться, и пошелъ самый невозможный, возмутительный, смердящій запахъ. Клѣточки рассыпались, а съ ними рассыпалась и мысль. Гдѣ она? Всѣ воспоминанія, все, что наслоилось годами, это уничтожилось, улетѣло куда-то въ пространство. Вонъ браминны говорятъ, что ни одна мысль не пропадаетъ, все существуетъ, и все можно вызвать, если захотѣтъ... Нѣтъ, не надо объ этомъ думать, не надо!..

Я написалъ гамлетовскую фразу. Онъ все повторяетъ:

«Не надо думать!» а сама все думаетъ. Да, вѣдь, я отлично знаю,—даромъ, что мой мозгъ ненормаленъ, и все, что я пишу, это тоже ненормально, потому что это плодъ какого-то болѣзненнаго напряженія,—я вѣдь отлично знаю, что всѣ мои мысли существовали раньше, и другіе люди, какіе, я ихъ не знаю, можетъ прадѣды и прапрадѣды мои, думали тоже, и также на черепъ смотрѣли, и мучались и терзались невѣдомою тайною, и такъ-же, какъ я, ночью, при свѣтѣ лампы, въ полной тишинѣ, сознавали, что все тлѣнъ, все прахъ, и нѣтъ въ мірѣ ничего, кромѣ одной общей, связующей, невѣдомой идеи, какой — мы не знаемъ. Эта идея — лампада, свѣтъ жизни, и кто-же, кто зажечь эту лампаду?

Ахъ, тяжело! Тяжела земная скорлупа. А сбросить ее — нельзя сбросить, это малодушіе, все рвешься впередъ, рвешься къ чему-то, и не знаешь къ чему.

Магдалину съ черепомъ рисуютъ. Это и тривіально, и тонко, художественно тонко. Безпредѣльный развратъ — евангеліе, обнаженная грудь и черепъ... Какое неотразимое впечатлѣніе на эту Марію произвелъ черепъ, послѣ всего, что она видѣла. Интересно, интересно, что въ душѣ было у нея. Никто не знаетъ, никто и не знаетъ; если знали, то забыли. Только художникъ чувствуетъ... Чувствуетъ-ли? а можетъ ему сказали!..

III.

А вотъ черепъ,—онъ все-таки интересенъ. И главное: мучаетъ мысль, чѣмъ онъ былъ, и гдѣ тѣло. Въ самомъ дѣлѣ: гдѣ же тѣло? Онъ отдѣленъ отъ туловища, онъ одинъ, онъ составляетъ мою, мою неотъемлемую собственность. Я заплатилъ за него фельдшеру

въ влиниѣ три рубля, и я—владѣтель. Три рубля! Какъ дешева, какъ бесконечно дешева человѣческая голова у насъ, теперь, въ девятнадцатомъ вѣкѣ. А фельдшеръ ее варилъ, эту голову, варилъ въ поташѣ, чтобы запаха не было. Что-же, и меня также будутъ варить, или нѣтъ?

Мысль не безынтересная, — правда? Ну, а если вдругъ меня положить въ котель, и начать варить? Гмъ... подло! Нѣтъ, не можетъ быть, я человѣкъ состоятельный. Это только плебеевъ, только разночинцевъ черепа попадаются въ такую передрагу. Наши черепа если не въ склепахъ, то гдѣ-нибудь въ очень почтенныхъ гробахъ будутъ тлѣть, не иначе. Въ самомъ дѣлѣ, наша основа, нашъ скелеть, такихъ милыхъ и воспитанныхъ людей, какъ мы,—ужели онъ можетъ попасть въ чьи-нибудь гнусныя лапы? О, нѣтъ!—онъ сдѣлается достояніемъ червя, и только. Я вотъ теперь думаю и что-то такое, чортъ его знаетъ что, работаетъ во мнѣ, а потомъ это будетъ гниль и мысли никакой не будетъ, а вмѣсто ея будетъ червь склизкій и гнусный, который начнетъ копошиться въ головѣ и поползетъ по сгнившимъ извилинамъ мозга. Онъ будетъ исполнять какое-то назначеніе, какіе-то законы природы. Этого червя нѣтъ, онъ еще не родился, и не скоро еще народится. Можетъ быть, лѣтъ черезъ сорокъ, но я сознаю, что онъ будетъ существовать, и это сознание ужасно, ужасно! И ничего не будетъ: ни этого стола, на которомъ я пишу, ни пера этого, ни свѣта... все это исчезнетъ куда-то... Нѣтъ, право не надо думать.

Теперь на очереди еще вопросъ: ну, а жизнь, то-есть то самое нѣчто, что искрою теплилось въ этомъ черепѣ,—гдѣ она? разлетѣлась она по пространству, или частица ея еще осталась въ костяхъ? Кости варили.

Но развѣ жизнь можно выварить или выпарить? элементъ ея какой-нибудь все же остался вотъ хоть здѣсь, возлѣ ушной дыры;—тутъ такой поздреватый, губчатый островокъ. И сидитъ она, часть этой прежней потухшей души, въ этомъ островкѣ..

Ну, а если, если душа только спитъ въ этомъ костякѣ, если возможно ее пробудить, снова вызвать въ жизни? Если... о, что мнѣ въ голову пришло! Если я набрелъ на одну идею...

Можно заставить неодушевленные предметы двигаться силою воли. Я знаю это, и всѣ знаютъ. Ну, а когда я сосредоточу всю силу на черепѣ, что если тогда...

IV.

И вотъ, я пятую ночь подъ-рядъ, запершись, тщательно завѣсивъ замочную скважину, чтобы кто не увидѣлъ, сижу и магнетизирую черепъ. Порою мнѣ кажется, что глупо это, безконечно глупо, но порою я сознаю, что можно кое-чего достигнуть, и сознаю это я вотъ почему.

Иногда я ощущаю, и очень ясно, что между мною и черепомъ есть нѣкоторая связь—неуловимая, тонкая. Я чувствую, какъ часть моей силы переходитъ въ него, и отъ того я чувствую утомленіе. Я знаю, я навѣрно знаю, что и онъ это чувствуетъ, но не можетъ и не смѣетъ показать. Ему страшна мысль, — какъ опять выйти изъ этого затишья, изъ этой спокойной, безмятежной, вѣчной спячки. Онъ, какъ жаба, притворяется мертвымъ, боясь чего-то, — а чего? — жаба и сама не знаетъ: она чувствуетъ грозящую опасность. И этотъ костякъ, — онъ тоже превосходно ощущаетъ, что ему грозитъ нѣчто, и нѣчто ужасное: возвратъ въ жизни.

И я возвращу его,—я въ этомъ увѣренъ. Вся моя сила, весь мой нервный механизмъ, весь на него устремился. Я, живой, здоровый человекъ,—я все свое передаю этой мертвечинѣ,—и я заставлю ее жить.

Но какъ это трудно, какъ трудно... Пять дней прошло—и никакихъ результатовъ. Временами, ночью, когда я засыпаю, мнѣ кажется—кто-то говоритъ. Пока шаркну спичкою, зажгу свѣчу,—все успокоится, хотя какой-то проходящій, замирающій звукъ еще чувствуется въ воздухѣ. Я знаю, если бы можно было все освѣтить сразу, и особенно этотъ черепъ, — а онъ всего въ трехъ аршинахъ отъ меня на столѣ, — я бы увидѣлъ кой-что такое, о чемъ я теперь только догадываюсь.

Я купилъ потайной фонарь. Онъ всю ночь горитъ у меня на столикѣ у изголовья, онъ совсѣмъ закрытъ,—но чуть мнѣ что покажется,—я надавливаю пружинку, и рефлекторъ сразу озаряетъ черепъ. Но онъ тихъ и спокоенъ... Отчего же эти звуки?.. Отъ того, что мой мозгъ ненормаленъ?

Сны такіе все странные, смутные. Да еще бы имъ не быть странными: постоянное мозговое напряженіе. Я отлично чувствую, что нѣкоторые завитки въ моемъ мозгу ослабли и не работаютъ какъ прежде. Они просто не хотятъ работать. Я чувствую, какъ они сжимаются. О, это совершенно особенное, возмутительное чувство. Понимаете: внутри головы,—это ужасно, это такъ невозможно-ужасно!..

А задачу свою я выполняю...

Что это?.. Я взялъ сейчасъ въ руки его, и мнѣ показалось, что онъ прилипаетъ къ рукамъ: точно налетомъ какимъ онъ покрылся, точно потъ выступилъ на немъ. И онъ весь покраснѣлъ: онъ сталъ такимъ

розовымъ. Ужели это? . Ага, вотъ когда надо работать: я, значить, на прямой дорогѣ.

V.

Да, да,—я на прямой дорогѣ! Онъ видоизмѣняется, онъ обростаетъ чѣмъ-то, чѣмъ-то такимъ жирнымъ. По угламъ скопляются какіе-то жировые пузырьки. Онъ все краснѣетъ, а на вискахъ является какая-то синева.

Когда я протягиваю къ нему руки, я чувствую, что между нами сейчасъ же образуется токъ. Изъ меня точно онъ вытягиваетъ силу, и именно изъ моей головы. Оставлять его уже нельзя днемъ на столѣ: могутъ замѣтить. Надо прятать. И я прячу въ шкапъ, далеко-далеко запрятываю въ уголь, и только когда дверь на замѣ, и замочная севажина завѣшана полотенцемъ, тогда только я его вынимаю...

Глазныя впадины теперь уже не костяные мѣшки. Нѣтъ, они наполняются чѣмъ-то безформеннымъ, какою-то массой, чѣмъ-то сѣроватымъ, студенистымъ...

Значить я уловилъ и поймалъ нѣчто новое, небывалое, великое. О, да это несомнѣнно было и прежде извѣстно. Я убѣжденъ, что въ Индіи эти брамины, сидя въ своихъ пестрыхъ пагодахъ, совершали такія таинства, что нашъ мозгъ засохъ-бы при одномъ разсказѣ о нихъ. А въ Египтѣ, эти александрійскіе маги, великіе астрономы, державшіе ключи величайшихъ знаній,—они развѣ не знали этого? Я только смутно воскрешаю давно забытую науку,—я одинъ, безъ знаній, вооруженный силою воли, иду на встрѣчу необъяснимому, и результатъ будетъ...

Я просиживаю и дни, и ночи надъ этимъ круглымъ

краснымъ и тепловатымъ, да, тепловатымъ шаромъ. Теперь онъ уже не тотъ холодный востякъ, нѣтъ: я не ощущаю ни теплоты, ни холода, когда прикасаюсь къ нему: температура его повысилась.

Домашніе смотрятъ подозрительно, добиваются узнать, чтò такое я дѣлаю, чѣмъ занимаюсь: интересно имъ это. Да, если-бы они знали правду...

Онъ еще весь красный, но надъ глазами стали показываться рѣдкіе черные волосы бровей. На вискахъ тоже закрутились три-четыре сѣдоватыхъ волоска. Зубы точно плёнкою какою затянулись сверху и снизу. Плёнка эта не совсѣмъ сходится, и тамъ, гдѣ долженъ быть ротъ, тамъ разрѣзъ образовала.

И все это совсѣмъ не гадко, не отвратительно, это только ужасно по впечатлѣнію, а никакъ не по сущности. Мнѣ даже порою кажется, что ничего этого не существуетъ, что это только отраженіе чего-то, что находится гдѣ-то, что это обманъ и зрѣнія, и ощущенія...

VI.

Но зачѣмъ же эта кожа, нарастающая слоями, вся въ морщинахъ? Зачѣмъ эти старческія губы такъ плотно сжаты, съ такою болѣзненною, удручающею впечатлѣніе складкою? Глаза закрыты; черепъ голый, только на затылкѣ и на вискахъ сѣдые вьющіяся пряди. Лицо не красное, нѣтъ, оно лимонно-пепельнаго цвѣта. Кожа мягкая, совсѣмъ мягкая, какъ сырое тѣсто. Щеки обвислыя, обрюзгшія. Отчего же это стариль? Вѣдь это молодой былъ черепъ?.. Вѣдь зубы у него молодые?..

Глаза закрыты. Когда я употребляю всю силу воли на то, чтобы они открылись, въ вѣкахъ чувствуется

дрожаніе. Рѣсницы слабо вздрагиваютъ, иногда щеку сводить судорога, но глаза остаются закрытыми. Я пробовалъ приподнять ихъ... А, я понялъ отчего они не открываются: еще нѣтъ глазъ, одинъ бѣлокъ. Когда я надавливалъ вѣку, изъ нея показалась капля: чистая, прозрачная слеза. Она скатилась по носу, на секунду остановилась возлѣ губъ и соскользнула на листъ бумаги. Когда она засохла, образовалось желтенькое пятнышко, какъ всегда отъ слезъ...

И опять то-же представленіе. Когда темно, и я лежу въ постели, а черепъ на столѣ, мнѣ все кажется, что онъ смотритъ. Но какъ же онъ можетъ смотрѣть, когда глазъ нѣтъ?

Онъ мой! Онъ мое созданіе! Я перелилъ въ него часть себя: вѣдь вотъ какой я сталъ блѣдный, сѣрый, какъ состарился. Мнѣ даже кажется, когда я смотрю на себя въ зеркало, что становлюсь на него похожимъ; глаза безжизненные, подъ ними круги, губы безкровныя, тонкія, сухія...

Иногда мнѣ кажется, что я сплю, что проснусь и увижу, что черепъ голый, и нѣтъ ничего, а все по старому. Но нѣтъ, я живу, живу къ ужасу своему! Все вокругъ меня реально. И домашніе мои, и обѣды, и завтраки, и гости. Вотъ я одинъ теперь въ комнатѣ, часы на столѣ тикаютъ, сквозь окно слышно, какъ во дворѣ выколачиваютъ ковры. Въ сосѣдней комнатѣ полотеры натираютъ полъ. А у меня, какъ разъ на столѣ, въ аршинѣ отъ лица, лежитъ этотъ черепъ,—нѣтъ не черепъ, а голова...

Да,—за послѣднее время началась уже новая фаза ея развитія, и фаза ужасная...

VII.

Я началъ замѣчать, что губы шевелятся, ротъ слегка открывается, словно дышетъ. А по ночамъ опять начались звуки, только уже не такіе, какъ прежде, а какіе-то глухіе, точно подавленный стонъ. Протяжно такъ, ноюще...

Этого я не могъ выдерживать. Я выдержалъ ночь, другую, — но всему есть предѣлъ. Вѣдь я еще живой человѣкъ, мои нервы двигаются, ходятъ, я не могу этого вынести. Я заперъ его въ шкафъ.

Но и тамъ, и оттуда долетаютъ эти ужасные стоны. Правда, чуть слышные, какъ слабый отзвукъ чего-то, но я-то ихъ слышу, слышу всѣмъ своимъ существомъ, всѣмъ организмомъ.

Я готовъ былъ бѣжать, я сходилъ съ ума. Онъ стонетъ и днемъ, съ закрытыми глазами, съ искривленнымъ лицомъ. Я закутываю его въ одеяло, прячу въ дальніе углы, забрасываю вещами, заставляю хламомъ. Нѣтъ,—все стонетъ, стонетъ... Кровь стынетъ въ жилахъ, въ головѣ все спуталось...

Я боюсь, что его услышать, что всё узнать. Что я скажу, да и что это такое вообще. откуда это?..

Нѣтъ, это невыносимо. Надо уничтожить. Я создалъ, я и разрушу. Я собираю всю силу воли, я хочу, чтобы вся эта матерія уничтожилась, но сила воли исчезла во мнѣ, я не могу ее сосредоточить на одномъ предметѣ, она какъ-то расплывается, разбѣгается по сторонамъ.

Я лежалъ ночью, мучимый и бредомъ, и адскимъ видѣніемъ, и этимъ стономъ. Онъ стоналъ въ эту ночь непрерывно. Надо было покончить.

Я вскочилъ, вынулъ его изъ шквала, бросилъ на столъ и засвѣтилъ фонарь.

У меня надъ кроватью на коврѣ, среди оружія виситъ сабля, еще дѣдовская, въ узорныхъ ножнахъ, восточная. Я выхватилъ ее. Я рѣшилъ разбить его, разнести въ куски. Я зажмурился и ударилъ, что было силъ.

Сабля врѣзалась въ столъ: ударъ соскользнулъ, черепъ, подпрыгнувъ, упалъ грузно на полъ и остановился.

Я схватилъ его, не помня себя, швырнулъ на столъ, придержалъ лѣвою рукою, чтобы онъ опять не спрыгнулъ, и замахнулся. Глаза его въ этотъ мигъ открылись.

Это были сѣрые глаза, старческіе, рѣшительно ничего не выразившіе, кромѣ какого-то смутнаго отдаленнаго страха. Но мнѣ ужъ было все равно—и я сталъ съ остервенѣніемъ наносить удары...

Какую-то рѣзкую физическую боль почувствовалъ я, или мнѣ это показалось. Фонарь опрокинулся и погасъ. Было темно. Не знаю, что я рубилъ. и зачѣмъ. Помню, что въ потьмахъ добрался до постели и повалился на нее безъ чувствъ.

VIII.

Я очнулся отъ острой боли. Было свѣтло. Я взглянулъ и ужаснулся. Вся кровать моя была въ крови. На лѣвой рукѣ были двѣ глубокихъ раны, она вспухла, вздулась. Подъ столомъ валялась сабля и куски разбитаго черепа.

Да, это былъ черепъ. Простой желтый костяной пузырь, и нигдѣ ни слѣда мяса или жира. Я подобралъ правою рукою обломки, спряталъ; спряталъ и саблю. Боль была мучительна, невозможна.

Далѣ мысли мои путаются, и бредъ, и боль, и запахъ хлороформа. Доктора въ черныхъ сюртукахъ и передникахъ. Консилиумы, таинственное покачиванье головою, и непреложное рѣшеніе: нужна ампутація.

Первая горячка, и ужасная операція—отнятіе руки, и весь этотъ ужасъ физическихъ и нравственныхъ страданій—все это я перенесъ. Перенесъ и всталъ съ кровати бодрѣе, полнымъ новыхъ силъ.

Я слышалъ, что шептали доктора моимъ домашнимъ, Во время такихъ болѣзней слухъ изощряется поразительно. Я слышалъ все, что говорилось за три комнаты отъ меня. Увѣрили, что я освобожусь отъ своей меланхоліи, что моя ненормальность быть можетъ пройдетъ подъ вліяніемъ минувшихъ страданій.

Когда я всталъ, я первымъ долгомъ пошелъ къ шкапу, гдѣ лежали осколки разбитаго черепа. Они лежали такъ, какъ я положилъ ихъ нѣсколько недѣль назадъ, завернутые въ газетную бумагу. И на нихъ, и на бумагѣ была кровь. Но видно было, что это я дотрогивался до нихъ своими окровавленными пальцами. Кости были совсѣмъ сухія, гладкія—никакого признака того, что чудилось мнѣ столько времени..

И я согласился съ докторами, что у меня начиналось сумасшествіе и получило благополучный исходъ. Это меня измѣнило къ лучшему: я повѣрилъ, что моя черненькая точка пропала. Пустота замѣнилась какимъ-то полнымъ біеніемъ жизненнаго пульса, а моя исторія съ черепомъ—это безуміе.

Какое было бы великое счастье, если бы эта увѣренность осталась. Но не могла она остаться.—правда должна была восторжествовать, и она восторжествовала. Я не былъ безумцемъ, и все это была не галлюцинація.

IX.

Разсмотрѣвъ зарубины на столѣ, я вспомнилъ о саблѣ. Я ее ни разу не видѣлъ съ того самаго утра. Я вынулъ ее изъ ноженъ; она была вся въ темныхъ пятнахъ. Это была кровь. Кровь эта, конечно, моя, потому что я два раза зарубилъ свою руку.

Я внимательно сталъ ее осматривать. И тутъ я увидѣлъ, что кромѣ крови есть и еще кое-что, и кое-что ужасное. По всей длинѣ ея были приставши какіе-то кусочки, давно подсохшіе, но ихъ много было. Въ одномъ мѣстѣ даже сохранился прилипшій кусокъ кости, съ какою-то желтоватою массою на исподней сторонѣ.

У меня въ виски забило. Опять эта точка стала расти, расти, раздуваться, и заняла все. Что же это, опять галлюцинація. опять старое?

Но я рѣшилъ себя провѣрить. Я уже не довѣрялъ себѣ. Я взялъ кусокъ этой кости въ коробочку, обернулъ его ватой и поѣхалъ въ знакомому доктору.

Мнѣ необходимо было микроскопическое изслѣдованіе. Оно должно было рѣшить все, рѣшить мою участь, мое душевное спокойствіе, настроеніе моего внутренняго міра. Оно было произведено, это изслѣдованіе, и результатъ его былъ ужасенъ. Вотъ что сказалъ докторъ:

— Откуда это у тебя? Это кость и кусочекъ головного мозга.

Довольно! Этого было довольно! Ничего ужаснѣе нельзя было сказать. Такъ вотъ онъ, мое сумасшествіе, такъ вотъ отъ чего меня лѣчатъ! Они считали меня ненормальнымъ. Если я расскажу кому, что было со

мною,—надо мною стануть смѣяться, мнѣ не повѣрять .

Ну, и пусть я буду галлюцинировать и безумецъ. Но за то я знаю, чего никто не знаетъ. Это мое достоиніе. А если не я, а всѣ другіе безумцы, что тогда? Если я только шагнулъ дальше другихъ, шагнулъ въ тотъ міръ, который прочимъ недоступенъ? .

А впрочемъ, нѣтъ, говорить объ этомъ не надо, и пусть меня считаютъ галлюцинантомъ.

1886 г., Май.

ЛЕГЕНДА НАШИХЪ ДНЕЙ.

«...Наши дни—дни чудесъ. Что ни день, то новое открытіе. Психіатрія идетъ гигантскими шагами впередъ, и безформенная могучая сила облекается въ научную оболочку...»

Изъ трактата о сомнамбулизмѣ.

I.

Непривѣтное, холодное, свинцовое море шумѣло глухимъ осеннимъ шумомъ, и катило куда-то вдаль свои хмурья волны. Сѣрое влажное небо висѣло такъ низко, и по немъ неслись разодранные клочья облаковъ. Вѣтеръ пронизывалъ насквозь, забирался подъ рукава, трепалъ флаги, игралъ лентами и шарфами пассажировъ и пѣлъ свою заунывную пѣсню, тамъ, высоко, между снастей скрипѣвшей мачты. Было такъ сыро и неприглядно на этомъ большомъ красивомъ пароходѣ, и нигдѣ не было слышно ни смѣха, ни шутокъ, ни веселья. Молча сидѣли на широкихъ диванахъ каюты, прижавшись другъ къ другу, немногіе путешественники, сидѣли бучками, какъ стадо, застигнутое непогодю.

Молча прислушивались они къ лязгу цѣпей, къ однообразному гулу воды, что пѣвилась подь красными лопастями колесъ, къ глухимъ ударамъ волны, столкнувшейся съ крутымъ бортомъ судна. И было всѣмъ какъ-то жутко, безпокойно, тоскливо.

Изъ одного полутѣмнаго угла, гдѣ сидѣли, плотно сжавшись, двѣ женскія фигуры, смотрѣли удивительные глаза. Они были такіе большіе, черные, бездонные, съ такими длинными рѣсницами. И потому они такъ странно горѣли, съ такою мощью и силою, что все лицо было безкровное: совсѣмъ сребристое, матовое. Точно крови не текло подь этою кожею, а развѣтвлялись нервы, сплетались въ узлы и опять разсыпались вереницею нитей, пронизывая въ каждую пору.

Ея ручка, блѣдная, мраморная, холодная, сжала теплую, мягкую руку сестры. А это сестра ея, навѣрно. Тѣ-же глаза, но не такіе лихорадочные, болѣе спокойные. Они устали горѣть, а въ прежнее время, должно быть, тотъ-же огонь теплился въ нихъ, и погасалъ, и сверкалъ такъ-же ярко. Теперь они точно заволоклись туманною дымкою, какое-то безотчетное безпокойство чувствуется въ нихъ, они такъ часто застилаются слезами, особенно когда останавливаются на понурой головкѣ сестры. А головка эта такъ довѣрчиво прильнула къ ея плечу и не шевельнется.

— Зоя, ловко тебѣ? спрашиваетъ она.

Зоя слабо, едва замѣтно, пожала ея руку, и въ этомъ пожатіи такъ и чувствовался отвѣтъ: «да, да, очень ловко, ты не безпокойся, милая».

— Ногамъ не холодно? Можетъ, хочешь пледомъ покрыть?

— Нѣтъ, отвѣтило. за нее слабое покачиваніе головы.

Вокругъ сестерь, не смотря на грустную монотонность, все-таки чувствуется жизнь. То пройдетъ мальчикъ съ подносомъ дымящагося пунша, то толстый морякъ зашелеститъ газетою, то старушка начнетъ копать въ плюшевомъ мѣшечкѣ, а онѣ сидятъ какъ надгробныя статуи, недвижно, величаво, спокойно.

— Ахъ, если бы только онъ былъ въ городѣ! вдругъ тихо, еле пошевелинувъ губами, сказала Зоя.

Сестра вся такъ и насторожилась, стараясь поймать едва слышный звукъ ея рѣчи.

— Если мы проѣхались понапрасну, продолжала Зоя. — Это... это я не знаю, что бы такое было.

— Онъ дома, онъ въ городѣ, навѣрно, утѣшала сестра.

— Онъ мнѣ необходимъ, онъ одинъ, онъ одинъ мнѣ поможетъ. Знаешь, если мы застанемъ его, мнѣ сразу станетъ лучше; если-же нѣтъ его... Тогда берись: я не знаю, что со мною будетъ.

— Что ты, Богъ съ тобою!

— Я себя знаю, я знаю себя, Антонина. Ты эти три года не жила съ нами, ты не знаешь, что со мною дѣлается. Тебѣ говорила мама подробно? Да не одни тутъ нервы, нервы бы ничего, — хуже со мною бываетъ.

— Что хуже? Я не знаю...

— Хуже, милая, только нѣтъ, говорить объ этомъ не надо. Нѣтъ, не могу я, и не надо, и рассказывать тебѣ объ этомъ не слѣдуетъ...

— Зючка, говори: ты пугаешь меня.

— Чего пугаться... Пугаться нечего. А я вотъ обрадую тебя. Конецъ этому скоро будетъ, скоро. Я чувствую, что сегодня или завтра, но исцѣленье будетъ! И какое исцѣленье!

— Ну, значить застанемъ.

— Да, хотя и сомнѣваюсь я, а все-же внутри меня точно голосъ какой-то говорить: хорошо кончится. Я вѣрю въ это, Нина. А ты вѣришь?

— Вѣрю, родная моя.

— Вѣдь онъ святой, Нина? Ты знаешь, я во снѣ его видѣла. Онъ весь сѣдой и отъ лица свѣтится даже. Ты увидишь, ты вотъ увидишь, что онъ именно такой.

Глаза у нея загорѣлись еще сильнѣе, они такъ и вспыхивали и сіяли. Точно видѣла она передъ собою этого старичка, таинственнаго, исцѣляющаго. Она спустила ноги, встала со скамьи. Когда она встала, сосѣди какъ-то странно покосились на нее. Она была небольшого роста и горбатая...

Она уже привыкла къ своему уродству, она не скрывала его, не обращала на него вниманія. Она равнодушно посмотрѣла вокругъ и опять сѣла возлѣ сестры, уместившись удобнѣе.

— Такъ что-же съ тобою еще дѣлается? спросила та.

Но Зоя ничего не отвѣчала, только крѣпко прижалась къ ея плечу. Она не прерывала больше молчанія, и такъ мертвенно тихо было вокругъ, только слышался лязгъ цѣпей, да за бортомъ шумѣли волны...

II.

Имъ отвели въ городѣ небольшой, но чистый номеръ съ широкою постелью. Пока онѣ доѣхали до гостиницы, стало совсѣмъ темно. Къ вечеру стало холоднѣе, и даже на одномъ стеклѣ появились прозрачные лепестки

морознаго узора. Слуга принесъ свѣчи и полотенца. Незнакомая, новая обстановка непріятно давила ихъ. Зоѣ было хуже. Ей стало хуже послѣ печальной встрѣчи, при вѣздѣ въ городъ. Только-что онѣ, въ сгущавшихся сумеркахъ, сѣхали съ пристани, и колёса, мягко прокатившись по деревяннымъ доскамъ, застучали по камнямъ, имъ на перерѣзъ изъ улицы появилась погребальная процессія. Факелы смутно мерцали, колыхаясь надъ широкими шляпами и вапюшонами. Черныя лошади ступали тихо и какъ-то неслышно. Бѣлый гробъ коегдѣ искрился блестящими точками, да изрѣдка потряхивалъ пышными, качающимися кистями. За гробомъ шель старикъ въ шубѣ, съ открытою лысою головою, и два гимназистика, тоже безъ фуражекъ. Сзади не было больше никого — ни людей, ни экипажа.

— Какъ ты думаешь, кто она? спросила Зоя, прижимаясь къ сестрѣ и пугливо глядя на черныя силуэты проходящаго кортежа. — Это нѣмка должно быть. .

Факелы уходили въ глубь сумерекъ, перебѣгая, какъ блуждающіе огоньки, путаясь между собою и опять разлучаясь.

— Зоя, какъ не стыдно, полно! Ты, кажется, готова расплакаться.

Она заглядывала ей въ лицо, а та отворачивалась, не хотѣла, чтобы сестра уловила ея выраженіе.

И теперь, пріѣхавъ въ номеръ, она все еще была полна этою встрѣчею. Ей было такъ холодно и непривычно. Она куталась въ большой платокъ до самаго носа, говорила, что ничего не хочетъ, ни ѣсть, ни лежать. Она смотрѣла въ окно на незнакомую пустую улицу, по которой свободно гулялъ вѣтеръ. Иногда она останавливалась задумчиво у высокой конторки, зачѣмъ-то притѣнutoй возлѣ двери, и, положивъ на нее

локти и подперевъ подбородокъ, стояла такъ, о чемъ-то все думая, что-то соображая. Сестра долго смотрѣла на нее, полулежа на диванѣ.

— Зоя, скажи ты мнѣ, въ чемъ дѣло? спросила она наконецъ.

Зоя оглянулась, подошла къ ней и остановилась у стола.

— Зачѣмъ тебѣ знать это? Зачѣмъ?

— Зоинька, вѣдь ты мнѣ сестра, вѣдь люблю я тебя. Мнѣ тяжело, мнѣ такъ тяжело смотрѣть на твои муки. Что съ тобою?

Она схватила ее за руки.

— Я знаю, ты его потеряла, — ну, вѣдь это ужасно, конечно. Но у тебя есть, кромѣ того, что-то.

— Есть.

— Ну, скажи; тебѣ легче будетъ, если ты сбросишь съ себя этотъ грузъ: вѣдь онъ тяготитъ, онъ давитъ твою душу.

— Нѣтъ.

Она вырвала руки и опять заходила по комнатѣ.

— Я одно тебѣ скажу: я больна, больна ужасно. Доктора не вылечатъ меня: если отецъ Алексѣй мнѣ не поможетъ, мнѣ не поможетъ никто.

— Что-же болитъ у тебя?

— Все. Сердце болитъ, дыханья нѣтъ. Нѣтъ покоя, нѣтъ силъ жить. И никому я не скажу, что со мною, ни тебѣ, ни даже ему.

— Зачѣмъ-же тогда намъ было ѣхать сюда?

— Можетъ быть, молитва его поможетъ. Если онъ духовидецъ, онъ и безъ моихъ словъ все пойметъ и узнаетъ, а если онъ простой обыкновенный человѣкъ, то и знать ему это незачѣмъ.

Зоя подошла къ дивану, опустилась на колѣни и положила голову на грудь сестры.

— Ахъ, тяжело, тяжело мнѣ! прошептала она, чувствуя въ себѣ конвульсіи слезъ.—Поскорѣ бы, скорѣ увидать его! Вотъ, если бы онъ сейчасъ былъ тутъ, я бы выплакалась передъ нимъ, и такъ бы хорошо и легко бы мнѣ стало: именно теперь онъ бы понялъ меня.

— Хочешь, я пойду за нимъ?

— Нѣтъ, онъ все равно не пойдетъ теперь, да вѣдь и сказали тебѣ, что онъ только къ вечеру вернется въ городъ. Ты пойди ко всенощной, оставь меня, а я отдохну здѣсь... Я не спала, ужъ теперь и не помню, сколько ночей. Меня такъ и шатаетъ, когда я хожу. Мнѣ надо, мнѣ надо отдохнуть. Нина, зачѣмъ эти три года ты не была со мною? Я отвыкла теперь отъ тебя. Ты вѣдь такая хорошая, ты такая прелестная, милая. Если бы была ты всегда возлѣ меня, повѣрь, въ тяжелыя минуты къ тебѣ я пришла бы... А мама?.. Ты знаешь маму! Развѣ она можетъ понять это...

Сестра дотронулась до ея головы, она горѣла. Даже пряди волосъ, что спускались на лобъ, и тѣ были такія теплыя, до странности сухія.

— Ты бы легла, раздѣлась, сказала Нина, — а я все устрою, пойду и сдѣлаю.

— Да, я можетъ быть лягу, сказала Зоя.

Она поднялась, подошла, шатаясь, къ кровати, и стала разстегивать и развязывать платье.

— Да, мнѣ лучше лечь, повторяла она.

III.

Зоя заснула глубокимъ, мертвымъ сномъ, подъ шумъ и трескъ топившейся печки, смотря на красный, теплый свѣтъ, лившійся изъ полуотворенной заслонки. Когда Нина возвратилась и попробовала разбудить ее, она не могла этого сдѣлать. Зоя лежала, плотно сжавъ губы и соменувъ рѣсницы, тихо дыша, разметавъ по подушеѣ пряди волосъ. Она не встала къ чаю, не встала къ ужину. Она сквозь сонъ сказала, что ничего не хочетъ, ничего не будетъ ни ѣсть, ни пить.

Нина, не раздѣваясь, только разстегнувъ корсетъ, прилегла рядомъ съ нею. За занавѣскою тускло горѣла свѣча. Печка мало нагрѣла комнату, и онѣ обѣ покрылись пледомъ.

— Когда-же онъ будетъ? вдругъ спросила Зоя.

Сестра вздрогнула, такъ неожиданно она заговорила.

— Въ пятомъ часу онъ служить заутреню.

— А! Я пойду.

— Не ходи, я одна все устрою.

— Нѣтъ, я пойду. У меня теперь есть силы, ты не бойся за меня.

А голова у нея все также горѣла.

— Нина, вдругъ какимъ-то страннымъ, глухимъ голосомъ заговорила она. — Можно тебя спросить... только ты не пугайся, пожалуйста не пугайся...

— Ну? съ какимъ-то томящимъ предчувствіемъ спросила та.

— Что... кромѣ насъ, никого нѣтъ въ этой комнатѣ?

— Никого, что́ это ты спрашиваешь?

— Только двое... а... а третьяго нѣтъ?

Нина чувствовала, какъ дрожь пробѣжала по ея спинѣ, какъ внезапно сердце словно остановилось биться.

— Третьяго, прошептала она, — какъ третьяго?

— Ты не пугайся... Мнѣ все кажется, что тамъ на стулѣ сидитъ кто-то...

Въ томъ углу, куда показывала она рукою, было совсѣмъ темно, смутно, неопредѣленно. Что-то такое словно колыхалось, что-то шевелилось тамъ. Нина боялась голову повернуть; она чувствовала, что ее охватываетъ со всѣхъ сторонъ что́-то новое, неизяснимое. Вокругъ стояла тишь; она слышала, какъ кровь бьется въ ней.

— И безъ тебя мнѣ это все казалось; кто-то такой бѣлый, недвижный сидитъ, и только голову слегка поворачиваетъ ко мнѣ.

Нина хотѣла говорить, и не могла — языкъ не шевелился. А Зоя прямо такъ и смотрѣла своими большими глазами въ этотъ уголь.

— Я часто это вижу, и не знаю что́ это такое. Даже не вижу, а чувствую. Иногда я чувствую, что кто-то какъ разъ сзади меня стоитъ. Это еще ужаснѣе, и не вижу, и это гораздо хуже: мнѣ все кажется, что онъ меня за шею возьметъ.

Вѣтеръ въ трубѣ жалобно взвизгнулъ и загудѣлъ выше, куда-то вверхъ по стѣнѣ.

— Перестань, шептала Нина, — перестань, не говори этого.

— И ты знаешь, продолжала Зоя, — иногда я руку на плечѣ чувствую, или на лбу. Холодная, холодная рука. Опустится ко мнѣ на лобъ и давить, давить.

Это во снѣ. Я проснусь, и все ее чувствую. Вотъ, когда тебя не было, два раза она у меня на лбу была. Милая, ты боишься, я напугала тебя. Ты прости меня; прости, моя радость...

Она вдругъ кинулась къ сестрѣ, стала цѣловать ея открытыя плечи и шею, стала цѣловать и въ голову, и въ глаза, и въ щеки...

— Ахъ, все это послѣ того стало дѣлаться... Послѣ этой болѣзни. Ты знаешь... да нѣтъ, ты не знаешь ничего.

IV.

— Я вѣдь уродъ: горбъ у меня, да вѣдь горбъ-то какой! Онъ совсѣмъ вдавилъ мнѣ голову въ плечи. Глаза, говорятъ, хорошіе у меня, умные. А что глаза... Говорятъ, всѣ горбатыя умны. А умна-ли я—я не знаю. Я несчастна, вотъ это такъ,—я совсѣмъ несчастна. Съ дѣтскихъ лѣтъ я такая. Завистливая я, а умныя развѣ бываютъ завистливы? Я чувствую, что не такая я, какъ всѣ. Выйду въ садъ: солнце свѣтитъ, цвѣты вокругъ, нчѣлы летаютъ, кротъ роется. Это все какъ надо, все такъ и должно быть. А сама я, я не подхожу къ этому всему. Я уродъ. Я исключеніе. Зачѣмъ же? Зачѣмъ же я, вотъ именно я—такая? Вѣдь всѣмъ одинаково дано всего поровну, а меня обидѣли. Такъ обидѣли: душу вынули. Нянька маленькую уронила. Выскользнула я изъ рукъ у нея. Я много думала именно объ этомъ: вотъ о томъ, какъ я изъ ея рукъ упала. Вѣдь ты пойми, ты пойми, что это такое. Она, можетъ, и не виновата была, да я даже увѣрена, что не виновата. Рука у нея дрогнула,—ну, судорога просто случилась, потянулась она за чѣмъ-нибудь, а я этимъ временемъ

перевалилась, и перевалилась именно на тотъ бокъ, на который нельзя было переваливаться. Кувырнулась я, и если бы просто на полъ, на коверъ кувырнулась— и это ничего. А то тутъ какъ разъ уголь шкапа, не самый шкапъ, а уголь, и я со всего размаха хребтомъ объ него... Ну, успѣй она меня подхватить, поймать, секунда какая-нибудь, и все хорошо, и вся жизнь какъ надо. А тутъ отъ одного взгляда, отъ одного движенія руки, что она не успѣла сдѣлать, отъ этого вся жизнь испорчена, поломана, разбита. Ты не думай,—это не спину мою, это жизнь мою сломали! И ты вѣдь чувствуешь: тутъ нѣтъ злой воли. Злая воля, говорятъ, это худшее, что есть на землѣ. Будь злая воля, я согласна буду со всѣмъ, съ чѣмъ хочешь. А то вѣдь случай, и даже не случай. Рука дрогнула, развѣ случай это? Это случайность, и какая гадкая, отвратительная, гнусная! Вмѣсто жизни прозябанье, тоскливое, сумрачное.

Зоя приподнялась на кровати, оперлась локтемъ на подушку, и наклонилась надъ лицомъ сестры.

— Я вѣдь тебѣ какъ завидовала, когда ты выѣзжала на балы, на вечерá, когда толпою ухаживали за тобою. Ты знаешь, я никогда не показывала этого, но въ душѣ ненавидѣла я тебя. Я ненавидѣла, потому что знала, что ты хороша собою, что ты стройна, граціозна. Я вѣдь считала себя куда умнѣе тебя, да и лицомъ куда красивѣе. Меня считали злою, говорили, что у меня скверный характеръ, меня боялись, и я рада была, я рада была, что отъ меня какъ отъ дьявола бѣжали. Я змѣею проползала иногда, напрашивалась на довѣріе, а потомъ жалила. Ты помнишь, какъ мужъ твой еще до свадьбы всѣми силами избѣгалъ меня. А я хотѣла, я хотѣла непременно его поссорить

и съ тобою, и съ мамою, и со всѣми. Къ счастью, это не удалось, къ счастью... Что ты такъ смотришь на меня? Ты, кажется, не вѣришь мнѣ. Я теперь могу признаваться открыто въ этомъ: я ужъ не такая. Много я испытала, и теперь я ужъ не та.

Она опять откинулась на подушку.

— И вдругъ, Нина, и вдругъ со мною случилась невѣроятная вещь: ты знаешь что: я влюбилась. Да вѣдь какъ влюбилась-то! Такъ, какъ тебѣ никогда не любить! Всѣмъ существомъ, до послѣдней фибры, до послѣдней капли крови! Ты знаешь въ кого, ты видѣла его портретъ. Онъ жилъ въ деревнѣ у насъ. Въ деревнѣ, каждый день, съ утра до ночи вмѣстѣ. Ты знаешь, я умѣю говорить, и онъ такъ любилъ разговоры со мною. Цѣлыми днями гуляли мы, и читали, и говорили. Умница былъ онъ, чуткое сердце. Пѣлъ онъ какъ хорошо! Что за голосъ былъ у него... И такъ онъ всегда ко мнѣ тепло относился. Посмотрить такъ любовно, глаза ласковые такіе: «Славная, говорить,—вы дѣвушка». Ну зачѣмъ, ну зачѣмъ онъ это дѣлалъ?

Она просунула руку подъ шею сестры и охватила ее крѣпко-крѣпко.

— Онъ на меня должно быть и смотрѣлъ-то не такъ, какъ на женщину смотреть.. Только все же надо было догадаться ему, что-ли, да ужъ не такъ себя держать. А вѣдь вотъ мужчины, они часто женщинъ осуждаютъ, говорятъ: кокетки. А это не кокетство съ ихъ стороны, если сидятъ днями возлѣ, говорятъ, что итти больше никуда не охота, что они такъ бы тутъ цѣлый вѣкъ и сидѣли? Хорошо это? честно? Вѣдь это тоже кокетство, если еще не хуже въ тысячу разъ.. Я привязалась къ нему, вся вотъ тутъ, готова съ нимъ уйти куда хочешь, хоть на край свѣта. А онъ... онъ,

знаешь, что сдѣлала? Ты только слушай... Гуляла я съ нимъ разъ, вечеръ такой душистый былъ, да прозрачный. Дошли до ручья, переходить надо: онъ въ сапогахъ высокихъ, а мнѣ какъ? Ничего, говорить, я перенесу васъ. Схватилъ въ охапку, и знаешь, вотъ какъ на нѣмецкихъ картинкахъ рисуютъ: такъ по водѣ на другую сторону и перенесъ. Спустилъ онъ меня на землю, а меня всю шатаетъ, какъ пьяную, стоять не могу, душа къ нему рвется, бажеться кинулась бы къ нему на шею... Смѣшно, вѣдь, правда? Что жъ ты не смѣешься, Нина?.. Я сама смѣюсь — смѣшно, ужасно смѣшно. Какъ же вдругъ, съ чего это я въ нѣжныя чувства ударилась? Все цѣлый вѣкъ ехидничала, а тутъ на-ко,—растаяла. Характерецъ-то у меня есть, все-таки я сдержалась, вида не показывала. Онъ спрашиваетъ: «что съ вами?» Я хохочу; «съ непривычки», говорю. Такъ онъ посмотрѣлъ на меня странно, ничего не сказалъ.

Она положила голову на грудь сестры, та тихо начала гладить ея растрепавшіяся пряди.

— И вотъ тутъ-то, тутъ-то я и сдѣлала ошибку, ошибку невозможную, непоправимую! На другой день это было. Ночь я всю не спала передъ этимъ: жжетъ подушка, въ виски стучить, воздуха мало, бѣжала бы куда-нибудь, такъ и полетѣла бы! На утро выхожу на балконъ, — онъ одинъ тамъ, — не сошлись еще, всѣ по своимъ комнатамъ. Я не чувствую, что дѣлаю что говорю, подхожу къ нему. Онъ спрашиваетъ:

«Что вы блѣдная?»

«Ночь не спала».

«Отчего?»

«Все думала».

«О чемъ?»

Я подняла на него глаза, онъ съ участіемъ такимъ на меня смотритъ.

«О васъ думала».

Онъ удивился.

«Обо мнѣ?»

«О васъ. Я ни о чемъ не могу, какъ только о васъ, думать».

Вижу, смутился онъ, губу закусилъ. «Неужели?» спрашиваетъ, и такимъ страннымъ голосомъ. Я отвернулась, смотрю въ сторону, говорю: «Что же тутъ страннаго, я люблю васъ»... Сказала, а сама боюсь взглянуть на него. А онъ не шевелится, окаменѣлъ, точно замеръ. И молчитъ, хоть бы слово въ отвѣтъ. Я чувствую, подо мною земля уходитъ—все кружится. «Вы слышали, что я сказала?»—спрашиваю у него, а сама думаю: «вотъ-вотъ сейчасъ упаду»... Онъ подошелъ ко мнѣ, взялъ тихонько за руку, и говоритъ: «Зоя, ошиблись вы»... Какъ сказалъ онъ это, все завертѣлось у меня передъ глазами: какъ, я, я сама сказала, призналась въ томъ, въ чемъ ни одна женщина не должна первая признаваться, а мнѣ въ отвѣтъ чуть не въ лицо смѣются! Это съ моею-то гордостью, съ самолюбіемъ сатанинскимъ!.. Я смотрю на него: «А! говорю, такъ!» да навзничъ на полъ; гребенка бѣлая косяная у меня была въ волосахъ—та въ дребезги, на мелкіе куски...

V.

— Полгода я больна была. И отчего? Все отъ дьявольскаго самолюбія. Ты думаешь, любила я такъ сильно? О, и съ этимъ бы я примирилась. Но прими-

риться съ тѣмъ, что я сама себя ему выдала—съ этимъ, нѣтъ, нельзя примириться съ этимъ, нельзя! Ты скажешь, что исторія-то это старая, неинтересная. Ахъ, какъ интересно это, Нина,—для меня по крайней мѣрѣ. Повѣрь, то и интересно, мимо чего всё проходятъ и вниманія не обращаютъ. Онъ вѣдь испугался моей любви, понимаешь, испугался: какъ, дескать, я горбунью любить буду. Можетъ она и умна, и глаза у нея такіе, но вѣдь я показаться съ нею никуда не могу: вѣдь на нее чуть не пальцами тычутъ. А нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ краснѣть за близкаго! Да, вѣдь я уродъ, ну какъ урода полюбить—ну развѣ возможно, ты скажи, скажи сама?..

Она остановилась: вдали глухо прозвучалъ ударъ колокола,—въ ночной тишинѣ онъ прокатился такъ плавно, такъ торжественно. Стѣкла слегка звякнули въ окнахъ. Воздухъ наполнился этимъ гуломъ,—звонъ застылъ въ морозномъ воздухѣ и мѣрно дрожалъ на одной нотѣ.

— Заутрени это,—сказала Зоя,—мы пойдемъ съ тобой,—и пойду я непременно. Такъ вѣдь вотъ видишь, я понимаю его, хорошо понимаю. Чтò же ему въ самомъ дѣлѣ, не брать же меня, коли ничего онъ ко мнѣ не чувствуетъ. Избѣгать онъ меня началъ. Вотъ ужъ это не хорошо. Просто избѣгаетъ. Какъ будто случайно уходитъ, если вдвоемъ останемся, боится, чтобы я опять того прежняго разговора не возобновила. Это я-то,—слышишь! Да еслибъ, вѣдется, умиралъ онъ у моихъ ногъ, такъ и тогда я бы ему слова любви не сказала. Разъ оттолкнули меня,—ужь въ другой разъ не пойду, не поклонюсь, и къ себѣ не подпущу. И самъ онъ началъ замѣчать потомуъ это. Сломилъ я себя, пересилила. А только-каково это досталось!.. При той постоянной

мысли, что и горбунья ты, и отрѣпя какія-то человѣчества, карикатура, — да еще такъ насмѣяться. Да и не онъ насмѣялся, а судьба, и жестоко, скверно насмѣялась. Вотъ съ того времени и припадки у меня появились: истерика, всякая всячина. Онъ уѣхалъ на югъ, — нарочно, кажется, отъ меня сбѣжалъ, совѣсть замучила. А мнѣ, какъ онъ уѣхалъ — хуже стало. И все мнѣ кто-то грезится бѣлый. Вотъ и теперь: говорю я, а ты думаешь я позабыла его? Я знаю: вотъ онъ тутъ, у самыхъ подушекъ сидитъ, на кровати. Я вѣдь чувствую его. Ты не пугайся: онъ добрый, онъ не тронетъ, — только руки холодныя у него. И ты не подумай, что я сумасшедшая, и что мнѣ всякая дрянь мерещится! Я серьезно тебѣ говорю, что здѣсь трое. Если ты не видишь его, это не значитъ, что его нѣтъ. Ты на свои чувства не очень надѣйся: вѣрь мнѣ, что это такъ. Видишь, я не боюсь. Мнѣ страшно предъ его появленіемъ, — я вѣдь чувствую, когда придетъ онъ. Я знала, что будетъ онъ здѣсь, оттого и дергало меня такъ, какъ пріѣхали сюда...

VI

Когда они вышли на улицу, мятель разыгралась во всю. По холоднымъ камнямъ мелъ сухой рѣзкій снѣгъ и стлался зубчатыми струйками по мостовой. Вѣтеръ вылъ и стучалъ въ окна и подъѣзды. Газъ судорожно метался въ фонаряхъ, слабо освѣщая темные дома. Сѣвозъ частую сѣтку косаго снѣга, здѣсь, на улицѣ, еще торжественнѣе гудѣлъ колоколь собора. Вокругъ безлюдно было, словно вымерло все, и ихъ только двое — двѣ женщины въ чужомъ, незнакомомъ

городѣ. Нѣтъ ни извозчиковъ, ни дворниковъ, ни сторожей...

— А вѣдь онъ сзади, какъ разъ сюда, за нами по пятамъ,—шепнула Зоя. Нина только шаги ускорила.

Но городъ не былъ такъ мертвъ, какимъ казался съ перваго взгляда. Чѣмъ ближе подходили онѣ къ церкви, тѣмъ сильнѣе чувствовалось движеніе. Нужды нѣтъ, что реветъ осенняя буря, и на морѣ, тамъ, на окраинѣ города, бѣснуются сѣдые валы. Нужды нѣтъ, что непроглядная мгла вокругъ, что теперь самая пора отдыха и сна. Какая-то невѣдомая сила подняла этихъ людей съ ихъ постелей, и повела сюда, къ освѣщенному входу, гдѣ толпа нищихъ ждетъ ихъ подачки. Тамъ, за этими дверями, совершается таинство великое. Тамъ есть нѣчто, что сумѣло привлечь къ себѣ всю эту толпу, заставивъ ее мыслить и думать одно и то-же.

Церковь низкая, мрачная, длинная, словно древне-христіанская катакомба. Воздухъ спертый, задхлый, насыщенный всякими испареніями этой сѣрой толпы. Все спины, спины. А тамъ дальше, въ туманѣ дыма, среди слабого мерцанія свѣчей, въ полутѣнномъ алтарѣ мелькаетъ смутно какая-то фигура, все наклоняется, выпрямляется опять. Неужели это онъ?

Сестры протискиваются дальше и дальше въ самый передъ. Ихъ пропускаютъ, но смотрять точно съ какимъ недоумѣніемъ: зачѣмъ онѣ тутъ, въ этихъ модныхъ шляпкахъ и перчаткахъ? Вотъ впереди онѣ, и видать теперь, ясно видать, что это онъ, чудесный цѣлитель.

Лицо его блѣдно и устало. Это не случайная временная усталость — это изнеможеніе многихъ мѣсяцевъ и лѣтъ. Онъ всю жизнь молится безъ перерыва: онъ — воплощеніе молитвы. Порою глаза его закрываются. Смыкаетъ-ли ихъ усталость, или наплывъ мыслей за-

ставляетъ его опускать вѣки? Движенія его порывисты, все сухое тѣло нервно двигается; мокрыя пряди волосъ прилипаютъ къ щекамъ, свѣшиваются на лобъ. Онъ избѣгаетъ взглядовъ и самъ ни на что не смотритъ. Когда онъ быстро идетъ въ толпу, къ тому аналою, что стоитъ среди церкви, толпа также быстро отступаетъ, и въ той струѣ воздуха, что раздвинетъ онъ и что пахнѣтъ на ближайшихъ чувствуется какая-то особенная, какая-то странная сила. А самъ онъ точно не идетъ, а плыветъ по воздуху, словно не чувствуетъ шаговъ подъ собою.

Порою онъ улыбается, и съ улыбкою смотритъ вверхъ. Порою хмурится, и тогда его лицо строго. Правая рука поднимается съ укоризною верху, голосъ крѣпнеть, звучитъ ветхозавѣтнымъ гнѣвомъ, и какой-то трепетъ пробѣгаетъ тогда по этой толпѣ.

Возлѣ Зои стоитъ мѣщанинъ, подслѣповатый, сѣденькій, съ сапогами, отъ которыхъ несетъ варомъ, и такъ все заглядываетъ на нее.

— Не здѣшная? спрашиваетъ онъ.

Она точно повинуется чьей-то волѣ. Ахъ, здѣсь нѣтъ въ этой церкви своей воли, здѣсь всѣ какъ-то дѣйствуютъ механически, всѣ подавлены чѣмъ-то. Она не можетъ не отвѣтить, она знаетъ, что это такъ и нужно, чтобы у нея спросили.

— Не здѣшная,—отвѣчаетъ она.

— Къ отцу Алексѣю пріѣхали. Въ первый разъ его видите?

— Да.

— Вотъ онъ теперь съ пяти часовъ утра и до десяти безъ перерыва служеніе совершаетъ. А потомъ до часу молебны служить.

И Зоѣ это не кажется страннымъ. Онъ именно и можетъ это сдѣлать. Ничего тутъ такого нѣтъ.

— Восторгъ на него нападаетъ,—продолжаетъ ея собесѣдникъ,—въ ангельскомъ онъ восторгѣ отъ службы. И вотъ, тутъ-то, въ это время, коли кто исцѣленія просить, тутъ къ нему и притти...

Зоя смотритъ на отца Алексѣя, смотритъ такъ пристально, точно всего хочетъ пронизать своими большими глазами. И чувствуетъ она, какъ кружится голова ея, отъ спертаго-ли воздуха, отъ ладона-ли...

А въ смутномъ тѣмномъ алтарѣ совершается великое таинство. Онъ лежитъ въ ногахъ передъ престоломъ и что-то тихо про себя читаетъ. Это не дѣлаютъ другіе священники: она знаетъ службу. Какъ-то особенно странно блеститъ крестъ и евангеліе, и какая-то свѣтлая полоса идетъ сверху внизъ, какой-то снопъ лучей... И не кажется это ей, а она отлично видитъ. Она видитъ, что отецъ Алексѣй охваченъ этимъ свѣтомъ, что онъ струится вокругъ него, колышется. Онъ стоитъ, какъ видѣніе передъ нею.

— Зоя, тебѣ дурно? слышится голосъ сестры.— Пойдемъ отсюда, пойдемъ, здѣсь душно.

— Непривычны,—сурово говоритъ мѣщанинъ, подхватывая ее съ другой стороны рукою. И толпа имъ почтительно даетъ дорогу.

— А того, бѣлаго, нѣтъ съ нами въ церкви; онъ ждетъ насъ на улицѣ,—думаетъ Зоя.

VII.

Зоя недвижно лежала на кушеткѣ, запрокинувъ голову, когда слуга торопливо заглянулъ въ дверь и полуниспуганнымъ шепотомъ сказалъ:

— Отецъ Алексѣй.

Нина такъ и рванулась ему навстрѣчу. Но для Зои уже поздно: она не можетъ пошевелиться.

— Батюшка! несвязно лепечетъ Нина, — вотъ мы прѣхали, прѣхали съ сестрою... Посмотрите, что съ нею... Помолитесь надъ нею.

Но отецъ Алексѣй не торопится. Онъ положилъ свою руку на голову Нины и ласково смотритъ на нее.

Странное какое это прикосновеніе, точно искра по всему тѣлу пробѣжала! Эта маленькая, худая рука, что слегка надавила темя, что въ ней такого дивнаго и могучаго? А она чувствуетъ себя во власти, въ полной власти этого худенькаго священника въ синей шелковой рясѣ, съ большимъ нагруднымъ крестомъ.

— Помолиться о здоровіи можно, такъ же ласково шепнулъ онъ, мелькомъ взглянувъ на Зою.

Онъ подошелъ къ ней, она открыла глаза и такимъ широкимъ взглядомъ посмотрѣла на него. Онъ также ласково и ей улыбнулся.

— Нездоровы?

— Да.

— Ну вотъ помолимся...

Онъ совсѣмъ изнеможенный опустился на стулъ.

— Усталъ я, проговорилъ онъ, опуская голову и кладя руки на колѣни.

Пока приносили воду въ мискѣ и полотенце, его не тревожили, онъ сидѣлъ недвижно. И только словно изъ приличія спросилъ у Нины:

— А вы изъ далека?

— Изъ Кіева.

— Замужемъ тамъ, сюда навѣстить своихъ прѣхали? Такъ должно быть?

«Почемъ онъ знаетъ? подумала Нина.—Впрочемъ, это такъ возможно, такой вопросъ обыкновенный»

— Да, батюшка.. А вотъ сестра...

— Она дѣвица,—утвердительно сказалъ онъ.—Вижу, что больна. Ну, приступимъ.

Онъ взялъ Зою за руку.

— Встаньте!

Она опять открыла глаза:

— Я не могу.

Онъ положилъ ей руку на голову, она вздрогнула, румянецъ вдругъ заигралъ на ея щекахъ.

— Встаньте!

Сколько силы, сколько мощи, сколько увѣренности въ этомъ «встаньте»! Тутъ нѣтъ сомнѣній, тутъ нѣтъ возможности не подчиниться.

И подъ строгимъ взглядомъ священника, она приподнимается съ дивана. Она судорожно оперлась рукою, сдѣлала сильное, порывистое движеніе и—встала.

Она стояла, точно подняла ее не своя сила, а та, что влилась въ нее отъ рукоположенія. Она стояла, какъ во снѣ. Но она понимала, что надо молиться, и она молилась.

Тотъ же голосъ, что разносился по церкви, раздался теперь тутъ, въ этой маленькой, тѣсной комнатѣ. И опять почувствовалась сила, какая-то совсѣмъ неземная, нечеловѣческая сила въ этомъ служеніи. Онъ знаетъ, что значитъ вѣра, онъ знаетъ, что значитъ «стучите и отворится». Онъ проситъ со всѣмъ пламенемъ вдохновеннаго порыва, онъ проситъ «объ исцѣленіи недужной», онъ вѣритъ, что исцѣленіе дастся, вѣровать только надо, вѣровать только твердо. «Чтобы общность въ молитвѣ была», какъ сказалъ онъ. Надо,

чтобы всё, всё, кто тутъ въ комнатѣ желали одного, и того же. И исцѣленіе будетъ.

И чѣмъ дальше служба, тѣмъ больше восторга въ отцѣ Алексѣѣ: онъ въ экстазѣ, въ полномъ экстазѣ. Онъ не здѣсь; онъ гдѣ-то далеко отсюда. Онъ порывисто, сильно погружаетъ крестъ въ воду, и онъ знаетъ, онъ хорошо знаетъ, что отъ этого вода получить цѣлебную силу. И мокрымъ крестомъ онъ благословляетъ молящихся, и даетъ лобызать его, и снова возлагаетъ руки на нихъ.

Зоя со стономъ падаетъ къ его ногамъ, но онъ говоритъ: «встаньте», и опять она встаетъ.

Онъ смотритъ на нее, и глаза его заволакиваются какою-то дымкою.

— Тяжело вамъ было,—говоритъ онъ,—тяжело терять, что мы имѣемъ, но это все преходяще...

И еще грустнѣе дѣлаются его глаза.

— Батюшка,—говоритъ Нина, провожая его,—батюшка, чѣмъ же это все кончится?

— Никто, какъ Богъ;—отвѣчаетъ онъ, дотрогиваясь до ея головы, и опять этотъ токъ, этотъ страшный токъ пробѣгаетъ...

Онъ ушелъ, и вся комната наполнилась тою же таинственную силою. Кажется, самыя вещи, до которыхъ онъ дотрогивался, и полотенце, и этотъ стулъ, на которомъ онъ сидѣлъ, все это точно жжется, точно искры выдѣляются... Что это? Откуда это?..

* * *

Опять море, опять волны, еще грознѣе, еще угрюмѣе, чѣмъ вчера. Голова горитъ, лихорадочная дрожь. Зоя хорошо доѣхала до парохода, твердо вошла въ каюту. Но чѣмъ дальше подвигаются онъ, тѣмъ бо-

ЛЕГЕНДА НАШИХЪ ДНЕЙ.

лѣе слабѣють силы. Глаза закрылись, уста недвижны, мертвенная блѣдность разлилась по лицу. Пассажиры хлопчуть: говорятъ, что надо будетъ тотчасъ по приѣздѣ достать варту. Что же это: конецъ, или кризисъ, поворотъ къ лучшему?..

Трудно сказать, но во всякомъ случаѣ исцѣленье..

1885 г., ноябрь.

СОЛОВЬИ.

Изъ весеннихъ сказокъ.

Такая дружная весна пришла ранняя, теплая. Живо стаяли снѣга, сбѣжали вниз по гранитнымъ уступамъ прибережныхъ скалъ. Старый мохъ заблестѣлъ на солнцѣ. А солнце горячее, радостное, ласкающее. Старья сосны и ели тихо бормочутъ что-то про себя,—и не разберешь, рады онѣ или не рады веснѣ. Зато рябины, березы, тополи, клѣны, липы—тѣ живутъ всѣмъ существомъ своимъ: расправили въ тепломъ воздухѣ вѣтви и покрылись, какъ пухомъ, золотисто-зелеными прозрачными листьями.

Подъ крутыми обрывами утесовъ еще лежатъ твердые льдины: солнечный лучъ не можетъ добраться до нихъ, согрѣть, призвать къ жизни этотъ уголокъ; здѣсь пахнетъ сыростью, склепомъ, могилою. А наверху цвѣты, яркіе, пестрые, на верху поютъ птицы, наверху жизнь кипучая, молодая.

Часто на камнѣ, у самой воды, сидятъ молодые монашки и задумчиво смотрятъ на безконечную гладь озера. Вода не шелохнетъ—ни струйки, ни всплеска.

Далеко къ горизонту убѣгаетъ широкое раздолье; изъ за горизонта вьется какой-то, едва замѣтный, дымокъ. Жемчужныя тёплыя тучки таютъ въ воздухѣ. Вѣтерокъ съ запада набѣжитъ передъ закатомъ, свѣжій такой, влажный. Кровь движется скорѣе, глаза ярче; даже у стараго игумена, на его морщинистыхъ щекахъ, заигралъ не то загаръ, не то румянецъ. Томленіе какое-то охватываетъ всѣхъ, безотчетное безповойство.

Монастырь купается въ весеннемъ, солнечномъ разливѣ. Кресты, какъ свѣчи, теплятся надъ куполами. Живопись словно ярче стала, веселѣе, и даже тѣ черти, что намалеваны по бокамъ главныхъ воротъ, даже они словно переижились къ лучшему, и какъ-то добродушнѣе поджариваютъ нераскаянныхъ грѣшниковъ. И въ главный соборъ пробрались золотые лучи и озарили его мрачную внутренность. Мощи угодниковъ, покоющіеся въ чудесныхъ ракахъ, тоже пригрѣлись, хотя и лежать также сурово, торжественно, какъ и зимою. Порою черезъ открытое окно хлынетъ молодая струя полного сиренью воздуха, шевельнетъ золотыми покровами, и замретъ, будто испугавшись своей игривости, своего веселья въ этомъ таинственномъ углу собора, гдѣ спятъ священные останки чего-то давно отжившаго, пропслага.

Вокругъ, по островамъ, какое веселье! Олени, колыкая своими рогами, бродятъ по тѣнистымъ полянкамъ. Лисица, какъ золотисто-бурый мячикъ, быстро прокатывается въ высокой травѣ на своихъ низенькихъ лапкахъ, изрѣдка замирая и хищно-ласковымъ взоромъ поглядывая на простодушныхъ птицъ, слишкомъ низко отъ земли усѣвшихся на кустъ калины. Иногда изъ-подъ куста выпрыгнетъ заяцъ и помчится, высоко вскидывая заднія ноги, куда-то въ лѣсъ. Въ травѣ жур-

чанье и стрекотъ, въ листьѣ—безпрерывное пѣнье... И всѣ живутъ полною, живою жизнью, держатся другъ возлѣ друга, опьяненные истомою весны, справляютъ ея чудный праздникъ, не стѣсняясь тѣмъ, что эти острова святые, что уставъ здѣсь строгій, неуклонный..

* *
*

Къ веснѣ игуменъ дѣлается всегда строже, взыскательнѣе. Онъ дольше остается на молитвѣ. Изъ-за высокихъ кустовъ сирени, что насажены у него въ садикѣ передъ кельею, долго-долго по вечерамъ можно видѣть черезъ окно, передъ лампадою, его приподнятый профиль, закрытые глаза, слегка вздрагивающую сѣдую бороду. Иногда голова пропадаетъ на нѣсколько мгновений,—онъ творить земные поклоны. Потомъ снова онъ появляется въ окнѣ, и опять, въ прежнемъ положеніи, беззвучно шевеля губами, стоитъ на томъ-же мѣстѣ.

Душно. Цвѣты какъ-то сильнѣе пахнутъ, чѣмъ всегда. Ночь сѣверная, свѣтлая, дымчатая, голубовато-прозрачная. Золотисто-пурпурный отблескъ зари и въ полночь сіяетъ надъ озеромъ. Только въ сѣромъ ароматномъ лѣсу темно, и не спитъ онъ: слышно, что каждый кустъ, каждое дерево, каждая трава кипитъ мириадами живыхъ существъ,—они и плодятся, и любятъ, и умираютъ; битва жизни отчаянная, упорная. Зато какъ въ обители тихо!

Кончилъ молиться архимандритъ, склонилъ свою усталую голову на подушку, вытянулъ свое старческое тѣло на жесткомъ ложѣ. На его тихій окликъ проворно скользнулъ въ горницу бѣлобрысый послушникъ прибрать одежды и взять обувь. Мальчикъ не заспанный, не сонный, какъ зимою, когда его еле-еле можно было докликаться. Онъ за дверью давно уже ждетъ этого

зова: ему такъ хочется на воздухъ, подышать на свободѣ, уйти изъ кельи, едва задремлетъ владыко.

Онъ повѣсилъ рясу на гвоздикъ въ сѣняхъ; бросилъ въ уголь сапоги, и надвинувъ черную шапочку на брови, выбѣжалъ въ садикъ. Хорошо, привольно...

А давно-ли зимняя вьюга гуляла по этому саду, мела сухимъ снѣгомъ по открытой равнинѣ озера; давно-ли волки стаями перебѣгали по льду съ далекаго берега и вили по ночамъ на сосѣднихъ островахъ? Нѣсколько недѣль всего прошло, а какая разница!

За рѣшеткою, на выступахъ каменныхъ погребовъ, условное мѣсто свиданій послушниковъ. Они вполголоса бесѣдуютъ другъ съ другомъ, постукивая хитровырѣзанными палочками о камни. Вспоминается дѣтство, и домъ, и семья, вспоминаются тѣ преданія и легенды, что когда-то рассказывались при нихъ; какимъ-то особеннымъ чувствомъ бьются ихъ сердца, что-то чарующее, прекрасное...

— Николай, слышишь? вдругъ сказалъ одинъ, и сжалъ руку бѣлаго.

— Что? отозвался тотъ и прислушался.

— Поеть... Ишь ты.

Все замерли. Точно:—поеть. Робко, осторожно, но трель выводить...

— Откуда онъ? не было у насъ ихъ раньше...

Разговоры затихли.

* * *

Душно архимандриту, сна нѣтъ. Такъ, какіе-то неясные обрывки мыслей, однообразные, смутные. Тò приходитъ въ голову мысль о библіотекѣ, что надо каталогъ составить, тò думается о казначей, что дряхль онъ сталъ, перемѣнить-бы надо, да обидится старикъ.

Тѣ мечты честолюбія внезапно приходятъ на умъ,— его любимое, завѣтное мечтанье: вдругъ прійдетъ въ монастырь Государь и Наслѣдникъ, и останутся на нѣсколько дней... И дадутъ ему орденовъ и возвеличатъ...

Окна открыты. Сирень цвѣтеть. Въ комнатѣ пахнетъ лампадкою, но сирень все заглушаетъ. Вдобавокъ служка поставилъ на столъ у самой кровати букетикъ ландышей. На монастырскихъ островахъ ими покрыты цѣлыя десятины. Ихъ серебрянные колокольчики ночью совсѣмъ одуряютъ...

Съвозъ полусонъ почудилось что-то старцу. Онъ открылъ глаза, прислушался, оперся на локоть. Потомъ весь приподнялся, спустилъ ноги съ кровати и подошелъ къ окну.

Нѣтъ, ничего не слышно. Онъ жадно прислушался. Конечно, все тихо... Онъ крикнулъ служку. Никто не отозвался. Старикъ вздрогнулъ, поднялъ глаза на ликъ Богоматери, и опять сталъ на молитву.

* * *

Утромъ почтенный, хотя и очень полный, отецъ намѣстникъ зашелъ съ обычнымъ утреннимъ поклономъ къ архимандриту.

— А ночью-то у насъ пѣвецъ объявился,—оповѣстилъ онъ.

Опять вздрогнулъ игумень: не почудилось, значить, ему

— Не слыхалъ я что-то,—возразилъ онъ: вздумалось почему-то ему покривить душой.

— А я твои шаги, отче, надъ головою слышалъ; казалось мнѣ, ты въ окну подходилъ.

— Не слыхалъ. Какой-же такой пѣвецъ?

— Соловей. Какъ есть настоящій.

— Нѣтъ у насъ соловьевъ, и не было никогда, и не слыхано, чтобы они озеро перелетали.

— Анъ перелетѣль должно быть. Почирикаль-то онъ не долго, такъ минутъ съ десять. Послушники говорятъ, что въ роцѣ и раньше что-то подобное слыхивали, дней уже съ пятокъ, а только къ монастырю не подлеталъ онъ.

— Можетъ такъ что-нибудь...

— А вотъ эту ночь узнаемъ. Какъ облюбовалъ наши вусты, такъ ужъ тутъ и жди его постоянно.

Посмотрѣлъ на говорившаго игумень, ничего не сказалъ, только бороду погладилъ.

* * *

По вельямъ вѣсть ходила: "соловей прилетѣль. Много птицъ у нихъ жило по островамъ, но соловья лѣтъ за сто не запомнятъ. Да и какъ ему черезъ озеро, такое пространство?.. Прилетѣль, да мало того, — подъ окномъ архимандрита запѣлъ! Намѣстника обезпокоилъ, всю ночь тотъ не спалъ. Среди братіи волненіе произошло. Всѣ вечера стали ждать, да вѣдь какъ! Точно что особенное, необычайное готово свершиться. Работа спорится живѣе, служба идетъ стройнѣе, лица веселѣе, оживленнѣе. Все горитъ въ праздничномъ блескѣ. Какъ на грѣхъ случилась суббота—служба большая, предпраздничная. Гудитъ и воеетъ огромный колоколь, что повѣшенъ на срубѣ передъ соборомъ (на колокольню и не поднять его); весь воздухъ налитъ могучими дрожащими его волнами, на берегу звонъ серебристѣе, бархатнѣе, а съ озера, издали, онъ кажется мелодичнымъ, мягкимъ.

Солнце закуталось въ лиловую дымеу, отразилось

золотымъ столбомъ въ озерѣ, и кануло за горизонтъ, свергнувъ на прощанье малиновою звѣздочкой. Небо стало сѣрѣть, розовыя нити облаковъ потускли на западѣ. Опять ночь, такая-же влажная и душистая.

Давно время иновамъ ложиться. Но точно передь Пасхою въ заутреню, — сна нѣтъ ни у кого. Даже древніе старцы — и тѣ выползли на воздухъ. Никого нѣтъ въ кельяхъ. Всѣ двери и окна настезь. У всѣхъ нервы напряжены, всѣ ждуть.

И онъ запѣлъ. Онъ опять запѣлъ какъ разъ подь окномъ игумена, въ густой акаци. И какъ запѣлъ! затрещалъ, заился — будто съ жизнью разстался. Иноки остановились, замерли, замолкли. Весь монастырь замеръ. Всѣ насторожили уши, всѣ слушали.

И вдругъ, точно эхо, изъ сосѣдней рощи донеслась такое-же точно пѣніе. Ихъ двое? Не одинъ прилетѣлъ? Сказочное царство—тò царство; гдѣ царевна, уколовъ руку веретенкомъ, погрузила въ сонъ весь свой теремъ, теперь во-очію изображалось братією. Кто гдѣ былъ, такъ тамъ и остановился, и точно статуею сталъ.

Рядъ картинъ, рядъ грѣзъ, сновидѣній возстали передь ними. Сколько лѣтъ они и не думали о существованіи этой птички, и забыли про нее. Она сама себя напомнила; прилетѣла, да и закрикала тутъ, въ святой обители, у самаго собора, у мощей угодниковъ, запѣла про любовь, про наслажденіе, про мірскую скорбь и мірскія радости. Запѣла—и вмѣстѣ съ этимъ пѣніемъ возстало все прошлое: и молодость, и любовь, и счастье, тò возможное счастье, которое все-же дано людямъ...

А къ двумъ пѣвцамъ присоединились еще и еще голоса,—цѣлый хоръ, цѣлый концертъ соловьевъ загре-

СОЛОВЬИ.

мѣлъ вокругъ, — съ каждою минутою все громче, одушевленнѣе, томительнѣе...

По сухимъ желтымъ щевамъ игумена катились слезы, но этого никто не видѣлъ: онъ стоялъ подъ густою черемухою.

Апрѣль, 1886 г.

РИМСКІЙ ПРОКУРАТОРЪ. -

ивній, зыбучій туманъ началъ рѣдѣть. Онъ сталъ колыхаться, растягиваться, все больше и больше дѣлаться прозрачнымъ, наливаясь и пурпуромъ, и золотомъ, и тепломъ. Край неба на востокъ вспыхнулъ яркимъ божественнымъ пламенемъ, и могучій солнечный шаръ тихо началъ всплывать и возноситься надъ великимъ городомъ востока.

То наступалъ чудеснѣйшій и величайшій день міра: никогда,—ни прежде, ни потомъ не было такого дня,—да онъ и не могъ повториться!

Иерусалимъ зашевелился на встрѣчу молодому ясному блеску. Въ воздухѣ пахло весной,—южною, страстною, благоухающею весной. Сады, полные ночной росой, стояли какъ дымкой закутанные въ ласковое сіяніе утра. Каменные башни были не бѣлыми какъ всегда, а ярко-алыми, точно ожили онѣ, и теплая кровь билась подъ ихъ нѣжною мраморною оболочкой. Золотыя крыши храмовъ сверкали какъ малыя солнца. Холодные фонтаны журчали въ водоёмахъ; ослы давно ре-

вѣли на базарныхъ площадяхъ; стада барановъ, вздымая пыль, тянулись куда-то по узкимъ улицамъ. И все больше и больше прибавлялось оживленія, и пестрыя толпы густѣли все больше.

И день начался какъ всегда. Какъ всегда, наканунѣ великаго праздника, было шумно и оживленно въ городѣ. Какъ всегда, всѣ торопились покончить съ своими дѣлами заранѣе, чтобы къ закату солнца освободиться и спокойно, съ чистой совѣстью ѣсть свою пасху. Между евреевъ виднѣлись греки, римляне, египтяне, индусы. Порою спѣшно проходилъ куда-то хмурый фарисей или иродіанинъ въ блестящей одеждѣ,— и толпа съ почтеніемъ давала имъ дорогу. На мулахъ проѣзжали съ полузакрытыми лицами женщины; раза два мелькнулъ кое-гдѣ римскій паланкинъ; арабъ на высокомъ верблюдѣ покачивался надъ толпой и гремѣлъ бубенцами.

Негръ, сидѣвшій на ступеняхъ мраморной лѣстницы дворца, черный негръ, съ жемчужнымъ оскаломъ зубовъ и въ короткой оранжевой туникѣ,—не особенно былъ взволнованъ приближеніемъ цѣлаго сонмища евреевъ, которые вели Кого-то по высокому Тиропеонскому мосту. Было, правда, рано,—но мало-ли какая нужда могла встрѣтиться у евреевъ къ прокуратору Рима. И негръ болталъ на ломаномъ латинскомъ языкѣ съ бритымъ воиномъ, что опершись на мечъ, въ шлемѣ, панцирѣ, съ узорнымъ щитомъ стоялъ тутъ-же на стражѣ, прислонившись спиной къ колоннѣ. Онъ смѣялся и скалилъ зубы; смѣялся и воинъ; но смѣялся сдержанно, какъ римлянинъ. Это не былъ жалкій наемщикъ, преторіанецъ, который пошелъ за ничтожную плату на службу къ ненавистнымъ деспотамъ. Это былъ кровный сынъ Рима,—онъ прибылъ сюда съ про-

кураторомъ въ числѣ немногихъ для поддержанія славы и чести перваго въ мірѣ народа. И если негръ спокойно глядѣлъ на приближавшуюся толпу, то онъ смотрѣлъ на нее презрительно, какъ и подобаетъ смотрѣть властелину.

— Что нужно? грубо спросилъ онъ, видя, что толпа валить прямо на портикъ и готова въ изступленіи осевернить своими пятами мозаичный полъ дивнаго зданія. Улыбка сбѣжала съ его губъ, углы рта опустились, брови сдвинулись. — Что нужно?

Изъ остановившейся толпы выступилъ священникъ въ широкой одеждѣ, съ окутанной по закону головой, обвѣшанный кистями и амулетами.

— Къ прокуратору, — заявилъ онъ на чистомъ римскомъ діалектѣ. — Приведи преступника. Очень слѣшное и важное дѣло.

Негръ проворно вскочилъ, мягко переступая босыми ногами по плитамъ, пробѣжалъ портикъ и только-что собрался отворить кедровую тяжеловѣсную дверь, какъ на встрѣчу ему показался коротко остриженный писецъ прокуратора.

И онъ, этотъ писецъ, также строго взглянулъ на толпу, и головой даже не кивнулъ, хотя и видѣлъ, что предъ портикомъ стоятъ почтенные сѣдобородые члены синедріона.

Священникъ гордо поднялъ голову.

— Къ прокуратору, по важному дѣлу, — повторилъ онъ, смѣло глядя въ глаза писцу. — Преступникъ обвиненъ «въ оскорбленіи величества» и осужденъ на смерть. Просимъ прокуратора выйти къ намъ. Мы сегодня по закону войти въ преторію не можемъ.

Писецъ вдругъ какъ-то сгорбился. Самое ужасное преступленіе, вызывавшее дѣлья моря крови въ Римѣ,

привело сюда эту толпу. Онъ слегка поклонился и то-ропливо прошелъ обратно за темную кедровую дверь, которая за нимъ неслышно затворилась.

* * *

Прокураторъ былъ не въ духѣ. Онъ всегда бывалъ не въ духѣ, когда прїѣзжалъ въ Иерусалимъ. Ему казалось, что этотъ великолѣпный дворецъ построенъ на кратерѣ, что здѣсь никогда нельзя ручаться ни за что. Онъ жилъ въ своей Кесаріи, сюда-же прїѣзжалъ только на большіе праздники, когда скоплялось много народа, и скорѣе всего можно было ожидать возстанія. Онъ зналъ этотъ народъ: пронырливый, фанатическій, непримиримый. Онъ ненавидѣлъ евреевъ, а евреи ненавидѣли его.

Когда писецъ вошелъ къ нему, онъ лежалъ на тигровой шкурѣ безъ обуви, со свисткомъ Горація въ рукахъ, прислушиваясь къ неясному гулу толпы, раздававшемуся за стѣнами.

— Не могутъ войти въ преторію! раздраженно крикнулъ онъ, спуская на коверъ ноги:—законъ не позволяетъ! Завтра пасха! Осквернятся если войдутъ! Какая еврейская чистоплотность!.. А смертные приговоры постановлять можно и человѣчно!..

Онъ отшвырнулъ привычнымъ движеніемъ Горація прямо въ большую серебряную вазу, что стояла возлѣ ложа. Его возмущала религіозная самостоятельность евреевъ; они, прикрываясь ею, очень ловко уклонялись отъ римскаго закона. Римъ всегда былъ нейтральнымъ въ вопросахъ религіи; а у евреевъ законъ былъ связанъ неразрывно съ религіознымъ кодексомъ пятикнижія Моисея. Римлянинъ могъ осуждать на смерть, но подвластное ему жалкое племя, — какъ оно могло распоряжаться человѣческой жизнью? Для идеала государственнаго строя пусть гибнутъ миллионы жертвъ, — но это

должны быть осмысленныя жертвы, а здѣсь, у этихъ евреевъ...

— Я къ нимъ выйду! морщась прибавилъ онъ, опускаясь въ кресло и протягивая рабу ноги для обуви.

Пока рабъ, смочивъ въ душистой влагѣ полотенце, осторожно вытиралъ ихъ, въ головѣ прокуратора носились смутныя тяжелыя воспоминанія прошлаго. Онъ уже шесть лѣтъ править Иудеей — и шесть лѣтъ постоянныя столкновенія съ этой ненавистной націей! Онъ вывѣсилъ щиты цезаря Тиверія на портикѣ своего дворца, — вывѣсилъ ихъ изъ почтенія къ властителю міра, — изъ-за этого чуть не возгорѣлся народный бунтъ. Послали доносъ цезарю. Цезарь сдѣлалъ ему выговоръ и велѣлъ щадить религіозную нетерпимость. О, если-бы это была религіозная нетерпимость! Онъ для ихъ-же блага, для чистоты, для освѣженія города вздумалъ устроить водопроводъ, провести въ центръ города по аэведуу воду, устроить фонтаны и бани. При храмѣ была казна, было огромное количество денегъ, на что-же ихъ и употребить, какъ не на эту существенную потребность! Но самъ-же народъ, самъ же народъ заволновался, сталъ протестовать, что священныя деньги идутъ на житейскія нужды. Это былъ открытый мятежъ, открытый бунтъ. И прокураторъ поступилъ варварски, гнусно-варварски. Онъ переодѣлъ своихъ наемниковъ въ еврейскія одежды. и они, сокрывши подъ широкими складками винжалы, рассыпались въ толпѣ. Тайный убійца съ политической цѣлью, — да развѣ это было чуждо Риму? Онъ предложилъ толпѣ разойтись, оставить свои крики, — но крики продолжались. Тогда онъ махнулъ платкомъ, убійцы обнажили мечи, а толпа въ ужасѣ ринулась по домамъ, оставивъ сотни труповъ

на площади... Зачинщиковъ или невинныхъ?—этого Пилать не зналъ, да и не хотѣлъ знать.

И вотъ опять этотъ праздникъ, отъ котораго онъ не можетъ отдѣлаться, какъ представитель римской власти, той власти, которая не имѣетъ права даже внести своихъ серебрянныхъ орловъ, значей своихъ легионовъ, въ покоренный городъ. Опять эта бушующая толпа. Надо быть съ ней сдержаннымъ, не то опять доносъ къ цезарю. Но надо поддержать величiе власти, не слѣдуетъ уступать и пяди своихъ правъ. Кого они еще тамъ судятъ?

Онъ смѣлыми, гибкими шагами пошелъ къ выходу, небрежно набросивъ на плечо красивыми складками драпировавшуюся тогу. Онъ еще не выходилъ сегодня изъ дворца. Яркое солнце охватило его цѣлымъ моремъ лучей. Межъ смоковницъ, тополей и кипарисовъ сада кружились голуби, водометы лили жидкое серебро въ бассейны, — и такая живительная весна вокругъ!

Толпа замолкла при его выходѣ. Смутный гулъ утихъ. Опытный взглядъ прокуратора сразу увидѣлъ нѣчто необычайное: вся знать еврейскаго духовенства была на лицо, и помѣстилась впереди полукругомъ. Она сверкала дорогимъ шитьемъ и дорогими тканями, — и какой это былъ контрастъ съ бушующей, опаленной, грязной толпой, что волновалась тамъ, сзади, что-то покрививая, подымая руки, поеживаясь какъ звѣрь, ожидающій добычи. А между священниковъ стоялъ Кто-то, Тотъ, Кого они привели.

Пилать вздрогнулъ. Простая, полуразорванная одежда, блѣдность, слѣды поруганiй на лицѣ и рукахъ... Но ни робости нѣтъ, ни страха, взоръ спокоенъ и лучистъ. Прокураторъ быстро оторвалъ отъ Него свой взглядъ и перевелъ его на синедрионъ.

— Въ чемъ вы обвиняете этого человѣка? спросилъ онъ.

* * *

Въ первый мигъ синедрионъ смутился. Къ правителю привели Осужденнаго на смерть только для утверждения приговора: самовольно казнить они не могли. А прокураторъ, повидимому, собирался снова Его судить, начать новыя разслѣдованія по дѣлу.

— Когда-бы Онъ не былъ злодѣй,—раздался строгій голосъ изъ сонма священниковъ:—мы-бы не привели Его къ тебѣ.

То было первое оскорбленіе, нанесенное Риму. Такъ дерзко съ властителями не говорятъ. Прокураторъ повернулся, чтобъ итти.

— Такъ и судите Его сами, по вашему закону,—отвѣтилъ онъ, дѣлая шагъ къ двери.

— Мы не можемъ никого приговаривать на смерть,—загремѣло ему вслѣдъ.—Онъ преступникъ: Онъ развращалъ народъ, запрещалъ платить подать цезарю, Онъ царемъ называлъ себя!

Пилать опять встрѣтился взглядомъ съ Приведеннымъ. Онъ тихъ и молчаливъ, точно не ради Его все это бурливое собраніе. Невыразимое отвращеніе къ толпѣ, желаніе не дать ей въ руки ея жертву закипѣло въ римлянинѣ. То не былъ порывъ челоуѣколюбія, то было желаніе властителя показать свою силу, не утвердить приговора. Изъ всѣхъ обвиненій, которыя онъ разслышалъ въ этомъ гамѣ голосовъ, существеннѣе всего былъ крикъ. «царемъ называлъ себя!»—это уже колебанія римской власти...

— Иди за мной! сказала прокураторъ.

Толпа смолкла. По мраморнымъ ступенямъ поднимается Обвиненный. Нога Его ступаетъ по агату и

лапись-лазури. Воинъ пропускаетъ Его въ дверь. Онъ первый разъ во дворцѣ: какъ великаго учителя—Его сюда не допускали, какъ преступника—Его пригласили сюда.

И Онъ идетъ мимо золотыхъ курильницъ, мимо ярко-расписанныхъ стѣнъ, мимо вазъ и чашъ, мимо сказочнаго великолѣпія Рима. Восточные ковры поднимаются для Него и пропускаютъ вслѣдъ за Пилатомъ.

Здѣсь, среди этой роскоши, еще ярче выдѣляется Его бѣдная сельская одежда, выжженная южнымъ солнцемъ, вынесшая тѣ бури и невзгоды, когда головы Ему некуда было преклонить. И еще виднѣе здѣсь слѣды оскорбленій, что нанесли Ему за ночь дерзкіе рабы въ ожиданіи судилища.

* * *

Толпа осталась на солнцѣ.—Зачѣмъ-же прокураторъ увѣлъ Его? О чемъ онъ тамъ будетъ говорить съ Нимъ? Новое разслѣдованіе по дѣлу?—Вѣдь надо непременно покончить съ Нимъ, Который открыто въ храмѣ обличалъ ихъ въ развратѣ.

Они цѣлую ночь судили Его, а если не побили камнями, такъ только потому, что ненавистные римляне не позволяли имъ осуждать на смерть. Эти язычники, эти идолопоклонники, творящіе возмѣненіе Бахусу и Венерѣ,—они сковали игомъ рабства избранный народъ Божій, они не позволяли ему распоряжаться даже со своими лжеучителями! Ихъ смертный вердиктъ не утверждаетъ какой-то римскій губернаторъ, имѣющій надъ ними власть, потому только, что онъ окруженъ римскими наемниками, нанятыми на ихъ-же іудейскія деньги. Ему стоитъ топнуть ногой—и ото всей толпы останется кровавая лужа...

Время идетъ. Негръ вышелъ, и опять присѣлъ на

ступени, и опять сверкаетъ своими зубами, и опять римскій воинъ черезъ плечо смотритъ на синадріонъ. Солнце всё горячѣе. — Сѣдя бороды фарисеевъ держатся всё недовольнѣе. И вотъ опять заколыхалась занавѣска. Взгляды всѣхъ устремились на прокуратора. Лицо его спокойно, недвижно. Онъ обвелъ глазами толпу, и пропуская мимо себя Обвиненнаго ясно и громко сказалъ:

— Я никакой вины не нахожу въ Немъ.

Крикъ изумленія и ярости вырвался у скопища:— толпѣ нужна жертва—зачѣмъ-же съ самаго ранняго утра она бѣснуется въ ожиданіи крови?

— Онъ смутилъ всю Галилею, всю свою родину, Онъ богохульствуетъ, этотъ галилеянинъ...

«Галилея, галилеянинъ!.. какъ все это можно просто и скоро покончить... Надъ Галилеею есть свой владыка: Иродъ Антипа, пусть онъ и судитъ своего преступника»...

И Пилать предлагаетъ священникамъ вести обвиненнаго къ ихъ собственному царю, который могъ утверждать ихъ приговоры. Онъ видѣлъ, что оправданіемъ Подсудимаго недовольны, обвинить Его онъ не могъ и не хотѣлъ. Гораздо лучше остаться въ сторонѣ, тѣмъ болѣе, что наступаетъ время, когда онъ привыкъ въ обществѣ двухъ-трехъ друзей садиться за изысканный столъ... Вдобавокъ съ Иродомъ у нихъ были кой-какія недомолвки, — теперь этимъ знакомъ вниманія Иродъ будетъ польщенъ, и онъ опять сойдется съ нимъ, Его дружба ну хотя-бы обезопаситъ отъ лишняго доноса, — а развѣ этого мало?

Толпѣ все равно—тутъ-ли произнесутъ приговоръ, или въ старомъ Асмонеискѣмъ дворцѣ,--и снова крикъ и угрозы, и снова сонмище валитъ куда-то... Проку-

раторъ смотритъ съ отвращеніемъ ей вслѣдъ; точно ядовитый коллосальный червь съ кровожаднымъ брюхомъ, волнами, конвульсивными движеніями, то напирая на переднихъ, то отставая, ползеть отвратительная процессія.

— Чумныя собаки! — произнесъ имъ въ догонку прокураторъ, и пошелъ въ триклиніумъ, гдѣ его уже дожидались за столомъ.

Ему полилъ на руки воду тотъ-же негръ. Онъ наскоро вытеръ ихъ о расшитое восточнымъ рисункомъ полотенце, и привычнымъ, свободнымъ движеніемъ легъ на среднее ложе. Складка на его лбу не разглаживалась, глаза сверкали недовольно, гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ зрачковъ, теплился какой-то недобрый огонь, готовый спалить дерзкаго, рѣшившагося приблизиться слишкомъ смѣло къ прокуратору. Даже обычные друзья его, лежавшіе на сосѣднихъ ложахъ, — и тѣ не рѣшались заговаривать съ нимъ.

* * *

«Prandium» — полдневный столъ — блистала чудесными яствами и винами. Уже три перемѣны блюдъ уносились рабами, а прокураторъ все не проронилъ ни слова. Онъ не примѣчалъ рыбъ, плававшихъ въ необыкновенныхъ соусахъ, фазановъ, которые какъ живые стояли, съ блестящими глазами, во всемъ блескѣ золотисто-багряныхъ перьевъ на длинномъ хвостѣ, качавшемся далеко гдѣ-то за блюдомъ; онъ лѣниво осушилъ одну чашу вина, разбавивъ ее водою, и бросилъ на дно нѣсколько кусковъ пряностей. Передъ нимъ неотступно стоялъ Тотъ, приведенный къ нему на судъ. Этотъ чистый взглядъ, отгнанный темными бровями, свѣтлые вьющіеся волосы, спокойствіе и благородство въ чертахъ, это такъ мало походить на обычный смуг-

лѣй еврейскій тиць, къ которому всѣ привыкли, который тысячу лѣтъ назадъ такимъ-же изображался на египетскихъ картинахъ, въ ту отдаленную эпоху, когда страна фараоновъ заставляла излюбленный народъ Божій строить язмыскіе памятники. Нѣтъ, — сегодняшній преступникъ имѣетъ нѣчто до того отличное отъ еврейства, столько силы, мощи и выраженья въ чертахъ, что Его нельзя равнять съ этой грубою толпою... И какъ могъ онъ не вырвать Его изъ когтей этихъ гнусныхъ фарисеевъ, зачѣмъ онъ отослалъ Его къ Антипѣ, который, быть можетъ, произнесетъ обвинительный приговоръ?..

Пилать отшвырнулъ чашу. Она покатила по полу, расплескивая остатки вина. Онъ приподнялся на локтѣ.

— Эти псы думаютъ, заговорилъ онъ, что такой порядокъ можетъ долго держаться. Цезарю благоугодно быть терпимымъ. Я преклоняюсь передъ цезаремъ и его волей. Но приметъ власть Рима другой, — и кончится тѣмъ, что въ этомъ Іерусалимѣ не останеся камня на камнѣ. Щадить ихъ нельзя. Такой народъ не щадятъ. Меня обвиняютъ за тайныя убійства. Но не лучше-ли подавить кровью мятежъ въ самомъ зародышѣ. А то опять призывать войска, лить нашу благородную римскую кровь... Весь Іерусалимъ не стоить чаши крови римскаго полководца!

— Зачѣмъ раздражаться, — хладнокровно замѣтилъ его сосѣдъ, лысый старикъ, наѣвшійся и упившійся, внимательно разсматривавшій передъ тѣмъ чеканку маленькаго кубка, который ему не удавалось обвить бѣлой лиліей, изъ числа тѣхъ благоухающихъ цвѣтовъ, что были разбросаны по столу и ложамя. — Ты исполнишь свой долгъ по отношенію Рима и цезаря. Философы говорятъ — долгъ это все. А свои убѣжденія ты

можешь скоронить куда-нибудь подальше, — ну хоть утопить на двѣ той чаши, которой мѣсто скорѣе на столѣ, а не на полу, — а на полу она будетъ лежать до тѣхъ поръ, пока ты не позволишь рабу поднять ее, самъ-же онъ не посмѣетъ этого сдѣлать. — Тебѣ скорѣе надо радоваться.

— Чему? удивился прокураторъ.

— Тому, что у тебя идетъ дѣло въ миру. Я говорю объ Иродѣ.

Пилать поморщился.

— А! я знаю, — продолжалъ собесѣдникъ, что ты его не долюбилаешь. Я знаю, что это не человѣкъ, а подонки человѣка, — такъ, какой-то осадокъ и грязь. Онъ женился на женѣ своего брата...

— Вдобавокъ она ему племянница, добавилъ прокураторъ.

— Да! конечно это кровосмѣшеніе, и кровосмѣшеніе самое гнусное... Такихъ людей надо-бы швырять съ Терпейскаго утеса, потому что это гораздо хуже чѣмъ обольщеніе красавицы-весталки... Но, прокураторъ! Надо вооружиться философіей! О, философія великая вещь! Ты его можешь презирать, ненавидѣть до глубины души, — но ты долженъ ему миролюбиво протягивать руку. Ты можешь не любить своего товарища по легиону, но когда войско идетъ въ битву, ты будешь служить одному съ нимъ дѣлу и помогать ему въ случаѣ опасности. Ты никогда не хочешь отличать личныхъ чувствъ отъ того, что требуетъ государственная служба. Такъ, Люцій?

Третій собесѣдникъ, лежавшій съ закрытыми глазами, внезапно открылъ ихъ, посмотрѣлъ на спрашивавшаго съ тревожнымъ испугомъ разбуженнаго человѣка, и кивнувъ утвердительно головою сказалъ:

— Ты правду говоришь.

Прокураторъ чувствуетъ, что онъ совсѣмъ боленъ. Во рту нѣтъ вкуса, въ головѣ боль и жаръ. Онъ какъ-то смутно спалъ всю эту ночь. Въ мысляхъ все вертятся стихи Горація тѣ, что онъ читалъ по утру — и почему-то все этотъ стихъ:

Post mediam noctem visus quum somnia vera...

И потомъ опять это лицо блѣдное, спокойное...

* * *

Послѣ стола, онъ снова одинъ, тяжело облокотился на подушку, и опять машинально развернулъ свитки... А нездоровье все больше охватываетъ его. — и такъ невыносимо душно въ этихъ залахъ. Хорошо-бы теперь куда-нибудь въ горы, въ тѣнистыя долины, гдѣ ключи бьютъ холодные, кристальные, гдѣ такъ свѣжо и хорошо... Говорять, на сѣверѣ, у скивовъ, раздольныя степи, тамъ, за царствомъ амазонокъ, выше Тавриды, — въ это время только что покрылись цвѣтами, — и эти цвѣты волнуются какъ море: и какъ тамъ свѣжо, прохладно, ароматно...

А тутъ сиди въ этомъ іудейскомъ гнѣздѣ; нельзя: долгъ службы. Великое служеніе Риму...

Глаза смыкаются, смыкаются большимъ сномъ, — и опять смутный, полудремотный слухъ рисуетъ и шумъ и вопли яростной толпы: но это толпа теперь тамъ, передъ Антипой... Чѣмъ-же кончится судъ?.. И какъ хорошо, что онъ больше не увидитъ ни этой толпы, ни голубыхъ глазъ...

Но дремота вновь потревожена. Его будятъ: онъ широко-гнѣвно открываетъ глаза.

— Прокураторъ, — опять фарисеи съ этимъ человекомъ...

Пилать ужаснулся:

— Опять!

Но что за перемѣна? Обвиненный не въ прежней изодранной бѣдной одеждѣ, на Немъ праздничная бѣлая мантия. . Что-же это лукавый царекъ—насмѣялся надъ Нимъ?

Обвиненный не издалъ передъ нимъ ни звука, ни на одинъ вопросъ не отвѣтилъ ни слова. И вотъ, Его опять привели сюда. Страшный судъ долженъ-же быть окончиться. Этотъ кроткій образъ мучилъ Пилата,—и онъ взомель на золотой престоль, на великолѣпную бѣму, и сталъ судить. О, съ какимъ-бы наслажденіемъ онъ разогналъ эту толпу... но онъ долженъ судить.

Солнце поднялось еще выше: воздухъ налился духотю, отъ раскаленныхъ стѣнъ, не смотря на весну, пышетъ жаромъ, птицы замолкли, одни фонтаны журчатъ въ саду. Голова кружится, и по прежнему молодомъ бьетъ въ ней: «*Post mediam noctem...*»

Фарисеи что-то ему говорятъ. Ихъ слова должно быть очень убѣдительно. Но онъ съ трудомъ все это понимаетъ. Изъ хаоса мыслей поднимается и растетъ что-то новое, еще неясное: онъ чувствуетъ, что за это можно ухватиться, и этимъ чѣмъ-то можно спасти Его—Того, кто стоитъ въ бѣломъ. Но оно все ускользаетъ отъ него, онъ не можетъ схватить и понять его какъ слѣдуетъ. Онъ напрягаетъ усилія. Да это ясно: — на Пасху нуженъ для іудеевъ пасхальный даръ—освобожденный узникъ. Такой обычай есть — это несомнѣнно. Правда, онъ можетъ своею властью освободить преступника, но зачѣмъ-же употреблять власть, когда можно все подвести подъ обычай? И онъ рѣшилъ, что онъ именно вотъ это сейчасъ скажетъ.

И вдругъ онъ слышитъ осторожные шаги раба: это

Сципионъ—да. Сципионъ идетъ къ нему, подходитъ смѣдѣ чѣмъ всегда, подымается на бѣму, и наклоняется къ его уху. Какъ онъ смѣетъ такъ подходить? Что нибудь важное онъ скажетъ?

— Господинъ! говоритъ Сципионъ. — Твоя супруга Клавдія Прокула велѣла итти къ тебѣ сейчасъ-же и предупредить тебя: ты судишь праведника. Она знаетъ, что Онъ праведникъ. Она видѣла сонъ...

— Сонъ? въ безотчѣтномъ волненіи произносить прокураторъ.

— Да, сонъ смутный и тревожный. Она предупреждаетъ тебя. Сонъ былъ предутренній — предутренніе сны правдивы...

.. Предутренній...

Прокуратору вдругъ вспомнились сны Кальфурніи, жены Цезаря, въ день его убіенія,—это тоже были пророческіе сны... <Post mediam noctem visus quum somnia vera>... Такъ вотъ почему этотъ стихъ такъ запалъ въ него сегодня! Освободить надо плѣнника, освободить тотчасъ-же...

* * *

И онъ предложилъ народу пасхальнй даръ...

— Отпусти намъ Вар-Авву! раздались голоса. — Вар-Авву намъ, а этого распни, распни!

Воздухъ полонъ этимъ ревомъ,—всѣ руки подняты, всѣ лица искривлены ненавистью и гнѣвомъ...

Отчего-же обвиненный такъ спокоенъ? Какимъ Онъ полонъ царскимъ величіемъ! Прокураторъ глядитъ на Него, и невольно вырывается изъ его устъ восклицаніе:—Это царь вашъ!

Кипѣніе въ толпѣ все сильнѣе. Что-же, ужъ не смѣется-ли надъ ними прокураторъ? Глаза фарисеевъ мечутъ молніи. Угрозы неяснымъ гуломъ долетаютъ до его слуха.

Кровь тяжело поднимается и опускается, стуча въ виски какъ молотомъ.—Распни! Распни Его!..

Прокураторъ съ вызывающимъ видомъ презрительно оглядываетъ толпу:

— Царя-ли вашего распну! возглашаетъ онъ

— Онъ не царь нашъ,—нѣтъ у насъ царя, кромѣ цезаря!.. Если тыпустишь Его—ты врагъ цезарю! Всякій считающій себя царемъ—врагъ его!

Прокураторъ вздрогнулъ. Такъ ясно нарисовалась предъ нимъ стриженная голова Тиверія. Онъ сидитъ тамъ, на Каприи, озлобленный, мрачный, негодующій на весь міръ, а главное—на своего ближайшаго помощника Сеяна,—того Сеяна, черезъ котораго Пилать получилъ мѣсто въ Іудеѣ. А если ему пошлютъ доносы, вотъ эти рыжебородые фарисеи—что тогда? Правда, въ двѣнадцать таблицъ говорится: «не слѣдуетъ слушать безумные крики толпы, когда она требуетъ смерти невиннаго»... Но вѣдь хорошо было децемвирамъ писать законы, а какъ исполнять ихъ?.. Тиверій неумолимъ, Тиверій подозрителенъ, Тиверій беспощаденъ...

А пестрая толпа все реветъ,—а воздухъ все душнѣе и душнѣе...

* * *

...Спасенія нѣтъ, всѣ средства истощены. Всѣ средства, кромѣ одного: смѣло и прямо сказать: я освобождаю этого человѣка!

Но нельзя-же терять санъ прокуратора. Нельзя терять эти виллы, сады, водомѣты... Правда, эта смерть ляжетъ тяжелымъ пятномъ на него, — но вѣдь толпа кричитъ: «кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ!..» Онъ сдѣлалъ все что могъ...

Негръ держитъ кувшинъ, — въ серебряный тазъ льется тонкой кристалльной струей холодная вода,—

прокураторъ подставилъ подъ нее руки, и думаетъ, что она смываетъ съ него кровь. О, не много понадобится для этого воды — всего какіе-нибудь полковша. Толпа затихла — тишина. Слышно, какъ звенить о серебро влага. И всѣ думаютъ тоже: прокураторъ вымылъ руки — значитъ очистилъ себя отъ вины...

И прокураторъ дѣйствительно, казалось, успокоился. Онъ вытеръ руки, всталъ и официальнымъ тономъ проговорилъ:

— Иди на крестъ!

1886—1888 г.

Б Е Ч О Ю.

I.

Александръ Васильевичъ Каденцовъ сидѣлъ въ театрѣ и смотрѣлъ какую-то комедію. Онъ долженъ былъ ее смотрѣть, потому что писалъ рецензіи въ одной большой газетѣ. Съ привычнымъ, небрежнымъ полувниманіемъ улавливалъ онъ тѣ погрѣшности и прорѣхи, которыя помѣстить въ завтрашній отчетъ, пересыпанный обычною солью его остроумія, нѣсколько фельетоннаго свойства. Онъ уже лѣтъ пятнадцать подъ-рядъ писалъ отчеты о пьесахъ и русскихъ, и заграничныхъ. Его отлично знали всѣ за кулисами, а въ редакціяхъ считали за плохаго беллетриста и очень опытнаго театральнаго хроникера. Онъ пользовался уваженіемъ, и ему очень крѣпко жали въ партерѣ руку, можетъ-быть и потому еще, что онъ былъ человѣкъ состоятельный, нанималъ квартиру въ хорошей части города, шилъ платье у лучшаго портнаго и иногда давалъ очень интересные вечера.

Онъ слѣдилъ за всѣми деталями той комедіи, что пестрымъ калейдоскопомъ проходила предъ его глазами.

Но одновременно съ интригой, постепенно развивавшейся на сценѣ, внутри его, совершенно помимо его воли, развивалась и росла цѣлая драма или, вѣрнѣе, предчувствіе какой-то драмы, которая должна совершиться.

У него дома осталась больная жена. Въ тотъ день утромъ ей стало гораздо лучше: она дней пять или шесть тому назадъ захворала тифомъ. Но домашній ихъ докторъ, Переваровъ, очень скоро остановилъ его. Сегодня, осматривая ее, — это было часа въ четыре, — онъ сказалъ, что одно легкое воспалиено и велѣлъ ставить холодные компрессы, увѣряя, что отъ этого боли прекратятся. Онъ очень вразумительно рассказалъ старушѣ-нянѣ, какъ надо положить клеенку, какой величины взять кусокъ ея, и когда переменить мокрыя салфетки. Александръ Васильевичъ посмотрѣлъ на слабо говорившую и тихо-стонавшую жену, и вдругъ почувствовалъ озлобленіе, только не противъ нея, а противъ этой старушки-няни. Онъ ей для чего-то снова повторилъ все сказанное докторомъ и прибавилъ: «да не спутайте по обыкновенію». Въ другое время Анна Ивановна разсердилась-бы, но тутъ она нисколько не обидѣлась, а напротивъ того, очень ласково на него посмотрѣла и только сказала: «да ужъ будьте покойны».

Можетъ быть Александръ Васильевичъ и не пошелъ-бы въ театръ, но онъ самъ себя поймалъ на этой мысли и испугался: «Если я нейдю—значитъ есть опасность, а опасности вѣдь никакой нѣтъ. Ей сегодня лучше. А что она стонетъ, это очень понятно: она женщина нервная, всегда боль переносила нетерпѣливо». Онъ обрадовался такому выводу и началъ всѣми силами напускать на себя спокойствіе. Онъ, какъ всегда

зажегъ пару лишнихъ свѣчъ передъ зеркаломъ въ кабинетѣ и сталъ одѣваться. Вставилъ пуговики въ тугую, отполированную какъ стальная пластинка грудь рубашки, ввернулъ большія запонки въ рукава, вынулъ изъ стола порт-сигаръ и бумажникъ, все это совершенно какъ всегда, нисколько не измѣняя привычекъ. Потому что не-для-чего было измѣнять ихъ. Обдернувъ сюртукъ, онъ прошелъ въ комнату жены и спросилъ у Анны Ивановны:

— Спать?

Та качнула отрицательно головой. Онъ подошелъ къ кровати, нагнулся и поцѣловалъ горячія полу-открытыя губки.

— Я иду въ театръ, — сказалъ онъ, стараясь придать голосу развязность. Ему казалось, что этою развязностью онъ поддержитъ бодрость духа жены. — Не нужно-ли тебѣ чего-нибудь, я могу на обратномъ пути завернуть въ Милютины лавки?

Она слегка повернула голову въ сторону отъ него и сдѣлала слабое движеніе худенькою бѣлою рукой.

— Какое!.. Ты видишь...

— Ну, какъ хочешь, — быстро проговорилъ онъ, опять наклоняясь и осторожно цѣлуя ее. На этотъ разъ она отвѣтила на поцѣлуй, но поздно, когда онъ уже поднял голову.

— А компрессы еще не мѣняли? для чего-то спросилъ онъ.

— Все, батюшка, все сдѣлано, — возразила Анна Ивановна. — Вамъ чай къ половинѣ двѣнадцатаго?

«Вѣдь вотъ и она спрашиваетъ о пустякахъ, о чаѣ, сообразилъ онъ. Вѣдь если-бы была опасность, развѣ ее занялъ-бы такой вздоръ?» И онъ въ самомъ дѣлѣ повеселѣвшимъ голосомъ сказалъ:

— Да, да, какъ всегда, приготовьте пожалуйста.

* * *

Пока онъ шелъ по улицѣ, у него на сердцѣ было довольно спокойно, хотя и дома, и извозчики, и фонари, все было не совсѣмъ такъ какъ всегда, что-то такое стояло между нимъ и всѣмъ окружающимъ. Но когда онъ пришелъ въ театръ, сдалъ знакомому, кланявшемуся капельдинеру пальто и усѣлся на свое обычное кресло, онъ вдругъ почувствовалъ, что ему не по себѣ. Этотъ огромный ярко-освѣщенный занавѣсъ имѣлъ ужь совсѣмъ необычайный видъ. Печать какой-то унылости лежала на всемъ. Онъ не могъ отдать себѣ отчета — казалось-ли ему это, или въ самомъ дѣлѣ подборъ публики былъ таковъ, только не было обычнаго оживленнаго говора, того смутнаго шума, что гудитъ непрерывно въ антрактахъ. Знакомые кланялись ему, жали руку. Никто не зналъ о болѣзни жены. Инымъ онъ говорилъ объ этомъ. Они сожалѣли и успокоительно спрашивали: «Но вѣдь теперь ей лучше?» Наконецъ ему надоѣло говорить всѣмъ объ одномъ и томъ-же, и онъ началъ возмущаться театральными порядками, благо подошелъ къ нему одинъ старый литераторъ. Это была самая модная тема разговора, и скоро къ нимъ присоединился еще одинъ знакомый, нѣмецъ съ жидовскимъ лицомъ, въ пенс-не и съ зеленымъ перстнемъ, тоже какой-то литераторъ. Каденцовъ старался воодушевиться и на минуту дѣйствительно весь отдался интересу разговора. Въ это время подняли занавѣсъ, и пришлось сѣсть на мѣста.

Но когда ему пришлось только слушать что говорятъ со сцены, а самому молчать — тутъ вдругъ со всею ясностью представилось тѣ, что можетъ случиться въ ближайшемъ будущемъ. Онъ началъ припо-

минать послѣднія слова доктора, искалъ, не было-ли въ нихъ намека на явную опасность. Отчего-же этотъ докторъ, его хорошій знакомый, рѣшительно ничѣмъ не подготовлялъ къ возможности катастрофы? Онъ все время говорилъ, что пустяки, и что это можно остановить и предотвратить. Но когда онъ сегодня приложилъ къ ея груди трубку, какая-то тѣнь проскользнула по его лицу. въ глазахъ затеплилось какое-то внутреннее безпокойство, и концы бровей какъ-то странно задвигались. Онъ уѣхалъ довольно поспѣшно, пожалъ руку какъ всегда, ни крѣпче, ни слабѣе, и сказалъ, что будетъ завтра. Вѣдь если ей дѣйствительно плохо, онъ-бы непременно заѣхалъ сегодня?

Сомнѣніе и боязнь чего-то чередовались съ напускнымъ спокойствіемъ мѣрно, какъ приливъ и отливъ. Онъ всѣми силами желалъ, чтобы все обошлось хорошо и благополучно, и начиналъ вѣрить, что такъ и будетъ, именно вслѣдствіе его сильнаго желанія. Порѣю, неожиданно застилая сцену, рисовалась передъ нимъ полутемная спальня съ тремя смятыми большими подушками и малиновымъ огонькомъ лампы въ старинномъ вѣтѣ. И такъ отчетливо вырисовывалось предъ нимъ ея пожелтѣвшее, обострившееся лицо съ прямыми, подрѣзанными на лбу волосиками, которые она не завивала за пять дней своей болѣзни. Онъ видѣлъ ея закрытыя вѣки, и нижнюю, запекшуюся губу, неплотно прикасавшуюся къ верхней, и кружевную кофточку. И такъ это живо и образно стояло передъ нимъ, что онъ въ эти минуты не видѣлъ актеровъ, не слышалъ того, что говорятъ, а смутно смотрѣлъ только на широкую спину какого-то старика, сидѣвшаго передъ нимъ и все поводившаго правымъ плечомъ, словно ему рѣзало подъ мышкой.

Внезапно, совершенно неожиданно, онъ пришелъ къ выводу, что когда наступитъ антрактъ, онъ тотчасъ-же пойдетъ къ доктору и попроситъ его сказать все откровенно. Это его нѣсколько успокоило, онъ началъ анализировать свое ощущеніе: «что-бы это могло быть? Предчувствіе? Существуетъ-ли вообще предчувствіе, или это предрассудокъ?» Онъ вдругъ вспомнилъ, что собаки воютъ передъ покойникомъ,—это бесспорно, это онъ самъ наблюдалъ.

Онъ остановился на словѣ «покойникъ». Странное слово, странно звучитъ, а между тѣмъ такое полное понятіе оно даетъ. «Въ домѣ покойникъ, въ домѣ покойница». Сколько торжественности и таинственности въ этихъ словахъ! Онъ вздохнулъ, опять поймавъ себя на роковомъ вопросѣ.

Въ это время опустили занавѣсъ.

* * *

Однако онъ не ушелъ въ антрактъ. Ему хотѣлось говорить, говорить много, о чемъ угодно, только не о болѣзняхъ.

И онъ началъ говорить о той неловкости, которую позволилъ себѣ, на одномъ литературномъ обѣдѣ, извѣстный адвокатъ Устиновичъ: онъ съ жаромъ доказывалъ, что Устиновичъ не правъ, хотя утромъ въ тотъ-же день защищалъ того-же Устиновича. Онъ говорилъ съ такимъ паѳосомъ, словно дѣло касалось его очень близко и отъ исхода спора зависѣло многое. На него даже стали обращать вниманіе, и толстая дама, сидѣвшая съ краю, въ очень тугомъ корсетѣ, даже въ упоръ смотрѣла на него въ бинокль, словно въ первый разъ видѣла спорившаго человѣка. Каденцовъ, впрочемъ, отлично понималъ, что и тотъ, съ кѣмъ онъ спорилъ, и эта дама съ подпертою грудью—самые обыкновенные

смертные и только. Въ то-же время онъ знаетъ, что онъ выше не только ихъ, но и всей толпы, что шуршала въ партерѣ, выше потому, что теперь, въ данное время, онъ не причастенъ тому будничному интересу, который привлекъ въ залу столько народа. Они всѣ захвачены сутолокой жизни, а онъ смотритъ поверхъ этого, и если еще не видитъ, то чувствуетъ приближеніе того, что носитъ грозное, страшное названіе: смерть.

А повидимому здѣсь, въ театрѣ, все такъ далеко отъ мысли объ этомъ ужасномъ концѣ. Одинъ господинъ надѣлъ даже почему-то фракъ и, шураясь въ монокль, стоитъ у барьера перваго ряда. Онъ думаетъ объ ужинѣ, о тѣхъ дамахъ, что сидятъ съ вѣрами въ бель-этажѣ, о своихъ кредиторахъ, и чортъ знаетъ еще о чемъ, но ужь никакъ не объ умирающихъ. Въ оркестрѣ пискливо ноетъ настраиваемая скрипка. Сверху, порхая зигзагами, медленно падаетъ афиша. И почему-же непременно каждый день кто-нибудь да сброситъ нечаянно афишу съ верхняго яруса? И каждый день тѣ, кто не досмотрѣли за этимъ клочкомъ бумаги, съ пугливымъ безпокойствомъ глядятъ внизъ, а тѣ, къ кому онъ попалъ на колѣни, почему-то улыбаются и радостно смотрятъ вверхъ, довольные такою безобидною случайностью. И вѣдь каждый день, каждый день все это одно и то-же...

Знакомый Каденцову гвардейскій офицеръ, очень близорукій, но очень милый, пожалъ ему съ чувствомъ руку.

— А вы слышали, бѣдный Алябевъ съ ума сошелъ, — сказалъ онъ, переминаясь съ ноги на ногу. — Поѣхалъ къ старику-отцу въ имѣніе и въ вагонѣ сошелъ съ ума.

— Какая-же причина?

— Полагають, недочетъ полковыхъ суммъ. Жаль, жаль, бѣднаго!

По лицу офицера видно было, что онъ жалѣеть потому только, что это такъ принято. Но ему лично, не смотря на близорукость, очень хорошо: и начальство его любить, и сапоги не жмутъ, и въ винтъ онъ выигрываетъ: право, ему не до сожалѣній.

— Гдѣ-же теперъ Алябьевъ?

— Въ сумасшедшемъ домѣ. Представьте, на людей кидается. Старикъ въ отчаяніи: ужъ лучше-бы умеръ.

— Нѣтъ, отчего-же лучше? Тутъ онъ можетъ выздороветь, а вѣдь смерть, это ужъ совсѣмъ...

— А, не говорите: смерть лучше. Всѣ попремъ... Нѣсть ни печали, ни воздыханія...

Въ груди Каденцова опять такъ непривычно жглось. Онъ стиснулъ руку поручика и, сразу рѣшивъ, что теперъ пора, пошелъ къ выходу.

* * *

Капельдинеръ удивился, когда онъ подаль ему желтый билетикъ на грязной веревочкѣ. Онъ ловко растопырилъ предъ нимъ пальто и спросилъ только:

— На балъ изволите торопиться?

Каденцовъ сунулъ ему двугривенный, ничего не сказалъ и вышелъ на подъѣздъ. Фонари попрежнему горѣли. Жандармы, не имѣя надобности отгонять извозчиковъ, тихонько показивали у подъѣзда. Лохматый щенокъ, очевидно заинтересованный чѣмъ-то, смиренно сидѣлъ противъ входной двери, боязливо подергивая ушами. Каденцовъ пошелъ прямо къ Переварову.

— Я его попрошу, и онъ мнѣ все скажетъ,—успо-

коиваль онъ самъ себя.—Потому-что вѣдь нельзя-же такъ продолжать.

Ему сегодня цѣлый день очень ясно представлялись какія-то старушки, умирающія по деревнямъ въ позднее вечернее время. Ему слышался какой-то далекій колокольный звонъ, и такъ жутко дѣлалось

— Нѣтъ, надо нервы лѣчить. Ай, до чего я мнителенъ! думалъ онъ, покачивая головой, и все ускорялъ и ускорялъ шаги. Но дѣктора дома не оказалось.

— Они, кажется, къ вамъ поѣхали! задумчиво сообразилъ лакей, отворявшій двери.

Каденцовъ почувствовалъ словно уколъ въ грудь.

— Какъ? развѣ прислали отъ меня? ‘

— Никакъ нѣтъ-съ. Только будто-бы они сказали, что къ вамъ заѣдутъ.

Каденцовъ сбѣжалъ съ лѣстницы, вскочилъ на перваго попавшагося извозчика и поскакалъ домой.

— Былъ докторъ? спросилъ онъ у швейцара.

— Были, сейчасъ уѣхали.

Онъ, прыгая черезъ три ступени, взбѣжалъ къ себѣ наверхъ въ смутномъ предчувствіи

II.

Оказалось, что дѣктора никто не звалъ. Онъ самъ пріѣхалъ, посмотрѣлъ, спросилъ объ Александрѣ Васильевичѣ, посмотрѣлъ, не подходя даже къ кровати, на спящую больную, и уѣхалъ. Этотъ визитъ ужасно взволновалъ Каденцова. Ему теперь совершенно ясно, осязательно почувствовалась опасность.

— А по вашему какъ? спросилъ онъ Анну Иванову.

— Да все въ томъ-же положеніи.

Эту фразу онъ слышалъ третій день подъ-рядъ, и ему она стала противна. Анна Ивановна нисколько не удивилась тому, что онъ пришелъ изъ театра въ десятомъ часу, какъ будто это такъ и должно было быть. Она его успокоила относительно самовара, сказавши, что сейчасъ все будетъ, и пошла въ столовую, что была рядомъ со спальнѣй. Онъ закурилъ сигару и сталъ тихонько похаживать по спальнѣй. Сперва онъ подумалъ было, что дымъ беспокоитъ жену, но потомъ вспомнилъ, что именно сигарный дымъ очищаетъ воздухъ. Предавшись этой мысли, онъ даже усиленно началъ пускать клубы синяго дыма.

Въ дверяхъ показалась кухарка, толстая и сонная. Она оперлась одною рукой о косякъ и наелонилась жирною грудью впередъ.

— Баринъ, а баринъ, вы-бы меня съ расходомъ отпустили.

Онъ замахалъ ей рукой и вышелъ въ столовую. Онъ сѣлъ на свободный край стола. Скатерть ярко бѣлѣла подъ свѣтлою лампой. На другомъ концѣ стояли подносъ, чайникъ и одинъ стаканъ въ подстаканникѣ. Обыкновенно для барыни ставилась синенькая низкая чашка, но теперь ее здѣсь не поставили...

— Курица-то хороша была за обѣдомъ? спросила Прасковья.

Каденцовъ старался напречь свои мысли и сообразить о курицѣ.

— Да, должно быть хороша,—отвѣтилъ онъ, и началъ пробѣрять поданную книжку.

— Ужь не знаю что и готовить,—недовольнымъ голосомъ продолжала Прасковья, складывая на огромномъ животѣ лоснившіяся, пропитанныя жиромъ руки,—хоть-

бы барыня скорѣе выздоравливала, а то такой разбродъ, что бѣда.

— Да когда она выздоровѣетъ? боязливо спросилъ онъ, вполне довольный ея увѣренностью въ томъ, что все-же можно выздоровѣть.

Но въ отвѣтъ Прасковья не только не поддержала этой надежды, но даже совсѣмъ разрушила ее, глубоко вздохнувъ и вытеревъ грязнымъ передникомъ внезапно наворачнувшіяся слезы.

— Это что-же «рыся—тридцать копеекъ?» спросилъ онъ, тыкая пальцемъ въ книжку.

— Рысь,—объяснила она.

— Ага, рысь,—догадался онъ, и отдалъ ей книжку.

— Какъ-же на завтра къ столу?

— А вотъ вы къ Аннѣ Ивановнѣ обратитесь, она вамъ все закажетъ. Я не умѣю... Или вотъ что: сдѣлайте на второе осетрины отварной съ хрѣномъ.

— А супъ какой?

— Ахъ, нѣтъ, пожалуйста, я сказала, что къ Аннѣ Ивановнѣ, ну, и ступайте.

— Мыло прачка просить выдать.

Онъ всталъ со стула.

— Да отстаньте вы!

* * *

Онъ пошелъ черезъ темную залу. Во всей квартирѣ была такая давящая атмосфера. Лампы горѣли тускло, неровно. Въ его кабинетѣ, на зеленомъ триповомъ диванѣ, была уже послана постель: горничная очевидно не думала, что онъ возвратится такъ рано. Со времени болѣзни жены, онъ, по настоянію доктора, перешелъ сюда. Въ кабинетѣ было холодно. Онъ сѣлъ къ столу и началъ перебирать бумаги. Ему казалось, что онъ спитъ, что его душитъ тяжелый, тяжелый кошмаръ.

Вѣдь не можетъ-же быть, чтобъ это была дѣйствительность?

Онъ былъ женатъ лѣтъ пять. Жилъ онъ съ женой хорошо, но рѣшительно не замѣчалъ этого. Ему такъ естественнымъ казалось, чтобы все было хорошо, онъ другаго ничего и не представлялъ, да и не думалъ ни о чемъ другомъ. Когда онъ выѣзжалъ куда съ женой, всѣ находили, что она очень миленькая. Она хорошо одѣвалась, и онъ любилъ въ ней именно этотъ вкусъ; онъ съ полнымъ сознаниемъ собственника ощущалъ чувство удовольствия, когда на вечерахъ подмѣчалъ какъ молодые люди смотрять на нее. Онъ отлично зналъ, что именно такія женщины и могутъ нравиться мужчинамъ, съ ея полненькими маленькими ручками, мягкими бархатными глазками подъ густыми рѣсницами, съ нѣжною бѣленькою кожей и тихимъ, слабо звенѣвшимъ голоскомъ. Его иногда бѣсила ея добродушная, ясная улыбка, ея удовольствие, спокойствіе. Никогда у нея не было никакихъ порывовъ, проказъ, раскатистаго смѣха. Но и капризовъ не было. Когда онъ говорилъ ей что-нибудь непріятное, она точно и обижалась, уходила къ себѣ въ комнату и принималась за работу. Но едва онъ подходилъ къ ней, опять то-же спокойное сіяніе разливалось отъ нея, и также ровно и спокойно говорила она.

Ему очень хорошо было: кабинетъ такой уютный, и бюсты и книги, и качалки, и восточные диваны. Жена заниматься никогда не мѣшала. Ея и не слышно никогда. Послѣ того какъ она родила мертвую дѣвочку, она стала еще молчаливѣе. Но онъ не жаловался, не тяготился этимъ, хотя не любилъ серьезничанья. Мысль объ ея смерти никогда ему и въ голову не приходила.

По паркету залы застучали когти, и большой сет-

теръ вбѣжалъ махая хвостомъ и внося съ собою свѣ-
жій воздухъ съ улицы. Онъ эти дни тоже не былъ
боевъ какъ всегда, и теперь оживился только почув-
ствовавъ, что хозяинъ дома.

Анна Ивановна догадалась подать чай въ каби-
нетъ.

— Александръ Васильевичъ,—сказала она.—я думаю
хорошо-бы написать ихней маменькѣ про болѣзнь. Ли-
чко осунулось у нея въ вечеру. Я вамъ не доклады-
вала: она сегодня вставала,..

— Какъ вставала?

— Утромъ. Я вхожу, а она у туалета стоитъ. Я
такъ и обмерла. Въ рубашкѣ, кофточкѣ, босоногая.
Потомъ запаталась, запаталась: еле я поддержать
успѣла. Довела, опять уложила.

— Да... ну что-жь, я напишу.

— Да хорошо-бы было за Венигомъ послать.

Анна Ивановна подсказала ему ту мысль, что воть
ужё нѣсколько часовъ не давала ему покоя. Венигъ
былъ старый профессоръ, лѣчившій еще его отца,
практикъ замѣчательный, несмотря на свои годы, цѣлый
день катавшійся въ коляскѣ на разномастныхъ лоша-
дяхъ по городу. Къ Каденцову онъ ѣздилъ охотно,
потому-что ему пріятно было сорокъ лѣтъ подъ-рядъ
встрѣчать въ спискѣ пациентовъ одну и ту-же фами-
лію. Но Каденцовъ тревожилъ его только въ крайнихъ
случаяхъ, полагая, что старику трудно подниматься въ
четвертый этажъ.

— Хорошо, сказалъ онъ.—Я напишу, а вы велите
снести сейчасъ-же.

* * *

Въ столовой часы били въ эту ночь какъ-то осо-
бенно неприятно и заунывно. Ихъ бой разносился по

всей квартирѣ и долго не замиралъ: словно звуки скоплялись въ углахъ комнатъ и дрожали тамъ какимъ-то неопредѣленнымъ не то порохомъ, не то гуломъ. Порой весь домъ будто вздрагивалъ, окна звенѣли, паркетъ трещалъ. Ему грезилось, что онъ черезъ залу и столовую ясно слышитъ дыханіе жены. Но вѣроятно, это его грудь дышала. Всѣ двери были отворены настежь. Онъ раза два тихонько входилъ въ спальню. Тѣни отъ лампы ходили по потолку и одѣялу. Няня лежала на кушеткѣ и быстро спускала ноги при его входѣ. Онъ просыпался чрезъ каждыя четверть часа.

Въ восемь часовъ ему подали записку.

— Отъ Венига? спросилъ онъ.

— Нѣтъ-съ, это отъ Переварова. Венигъ сказалъ, что будутъ послѣ двухъ.

Онъ разорвалъ сбоку конвертъ, и началъ читать.

«Ты знаешь, Александръ Васильевичъ, — писалъ Переваровъ, — какъ я всегда былъ привязанъ къ тебѣ и твоему семейству. Тò чувство симпатіи и дружбы, чтò я чувствую къ тебѣ — заставляетъ меня просить, чтобы ты не стѣсняясь позвалъ другаго врача, конечно, лучше всего Венига. Я не вѣрю своимъ познаніямъ, и могу ошибаться. Вѣра Алексѣевна слишкомъ изнурена, и бороться противъ воспаленія трудно. Я боюсь нареканій съ твоей стороны, и потому повторяю просьбу: пригласи Венига. Крѣпко жму твою руку».

Каденцовъ сразу не понялъ письма.

— Чтò такое? Почему-же онъ не сказалъ этого вчера? Ужъ не ошибся ли онъ въ діагнозѣ? Зачѣмъ же было тянуть всю ночь? Наконецъ, отчего самому не пріѣхать, зачѣмъ это письмо?

Онъ быстро сталъ одѣваться. Анна Ивановна высунулась изъ-за двери.

— Васъ просить барыня.

«Умираеть!» мелькнуло у него въ головѣ; и, хлопая туфлями и отстраняя собаку, онъ пошелъ черезъ залу и столовую, которую подметала прачка, въ душную, еще не провѣтренную спальню.

Она стала еще бѣлѣе, носъ еще больше заострился: да еще бы—шесть дней она ничего не ѣла. Когда онъ вошелъ, она подняла рѣсницы.

— Ты послалъ за Венигомъ? прерывающимся шепотомъ проговорила она.—Такъ не надо. Ну что старика тревожить. Мнѣ... мнѣ не такъ больно сегодня.

— Да я ужъ послалъ, онъ прійдетъ. Я хочу успокоиться насчетъ твоей болѣзни. Вѣдь нельзя-же такъ..

— Мнѣ лучше,—повторила она.

И глаза ея опять закрылись.

Неурядица въ этотъ день чувствовалась еще сильнѣе. Обыкновенно господа вставали къ десяти, даже къ одиннадцати часамъ, а теперь поднялись въ девятomъ. Самоваръ два раза приносили. и никто не пилъ чая. На диванѣ въ гостиной лежало полотенце для стирания пыли. Тѣмъ не менѣе, Каденцовъ сѣлъ за обычную работу.

Къ крайнему удивленію, онъ видѣлъ, что писать можетъ, что мысли и связываются и выливаются на бумагу свободно. Но въ то же время онъ чувствовалъ что нервы его натягиваются все больше и больше, что наконецъ напряженіе будетъ уже такое, что онъ его не вынесетъ. Весенній воздухъ, вливавшійся чрезъ открытую форточку, раздражалъ его наркотическою, острою, опьяняющею струей. Перо быстро двигалось по бумагѣ, и написанныя обычнымъ, связнымъ почеркомъ слова крутились также ровно и прямо, точно въ домѣ и не было больной.

* * *

Венигъ прїѣхаль только въ три часа. Это былъ гладенькій небольшого роста старичекъ, съ военною осанкой, какимъ-то грустнымъ взглядомъ и въ форменной, по старой памяти, фуражкѣ. Вошелъ онъ съ тою спокойною неторопливостію, съ какою онъ сорокъ лѣтъ подъ-рядъ входилъ въ квартиры умирающихъ. Онъ оглянулъ гостиную, словно хотѣлъ узнать все-ли на мѣстѣ, не измѣнилось-ли что со времени его послѣдняго посѣщенія, и подалъ еще не согрѣвшуюся руку Каденцову.

— Что-же такое? Вы писали, что воспаленіе?

— Да, я побезпокоилъ васъ, потому что Переваровъ еще молодой врачъ...

— Онъ толковый, — словно про себя вставилъ Венигъ.

— Все-таки вы посмотрите.

Онъ въ короткихъ словахъ началъ передавать исторію, какъ она заболѣла.

— Я въ первый-же день понялъ, что это серьезно. Она утромъ проснулась, говорить, что не встанетъ, и забылась. Потомъ, въ четыре часа, спрашиваетъ — сколько времени? Я сказалъ. Она даже испугалась: «какъ? такъ поздно! А обѣдъ-то какъ-же, а завтракъ?» Встала сейчасъ-же, накинула капоть, перемоглась, вышла въ столовую. И всего вѣдь это было въ прошлую субботу. А теперь она и не говоритъ почти.

Венигъ сказалъ: «гмъ», и, потирая руки, пошелъ въ спальню. Каденцовъ вошелъ вслѣдъ за нимъ: ему хотѣлось знать что скажетъ жена, и узнаетъ-ли сразу дѣктора. Она узнала, но когда онъ началъ снимать компрессы, она такъ застонала, что Каденцовъ не выдержалъ и ушелъ.

Въ спальнѣ слышались смутный шумъ и говоръ, и слабые стоны. Сердце его колотило усиленную дробь.

Онъ быстро шагаль по залѣ. Тѣло требовало движенія. Всѣ мышцы сокращались. Теперь вѣдь тамъ рѣшалось все, рѣшалась вся его дальнѣйшая жизнь. И онъ любилъ въ этотъ мигъ свою жену такъ, какъ никогда не любилъ прежде. И какъ долги, какъ долги казались эти минуты пока тамъ былъ докторъ!

Наконецъ, онъ показался въ столовой. На свѣтломъ фонѣ окна мелькнулъ его круглый силуэтъ и двинулся къ нему тою-же неторопливою походкой. Каденцовъ кинулся къ нему навстрѣчу. Онъ хотѣлъ угадать по его глазамъ результатъ осмотра. Но сѣрые глазаки были такъ-же неопредѣленны, такъ-же смотрѣли куда-то въ пространство, а лицо было такъ-же спокойно и серьезно. Подойдя, онъ грустно встряхнулъ головой и сказалъ:

— Да,—ну!

Онъ развелъ руками и слегка приподнялъ плечи. Каденцовъ почувствовалъ наконецъ то что-то, которое давно собиралось охватить его. Это «что-то» теперь овладѣло имъ.

— То-есть, какъ-же? неловко ворочая языкомъ, полушопотомъ спросилъ онъ.

— Надежды нѣтъ.

Каденцовъ видѣлъ перламутровую пуговку его рубашки, видѣлъ брелоки на его толстой цѣпочкѣ, видѣлъ пробритый подбородокъ, но очень смутно сознавалъ слова.

Венигъ положилъ ему на плечо руку.

— Истощенъ организмъ,—сказалъ онъ,—воспаленія она не перенесетъ.

— Можетъ-быть... можетъ быть Переваровъ сдѣлалъ ошибку?

— Никакой ошибки. Все прекрасно. Онъ, какъ молодой врачъ, еще хотѣлъ бороться... Это лишнее...

— Что-же дѣлать? дѣлать-то надо что теперь?

— Пошлите за священникомъ. Пусть она причастится. Это успокоитъ ее. А потомъ, послѣ причастія, вы, пожалуй, дадите ей капельки что я пропишу.

Онъ пошелъ въ знакомый кабинетъ, сѣлъ свободно по-докторски у стола и началъ писать на оторванномъ лоскутѣ,

— Да, молода она,—задумчиво, словно съ укоризной, сказалъ онъ.

— Двадцать-семь лѣтъ,—машинально отвѣтилъ Каденцовъ.

— Да,—простуда должно быть. Теперь очень много отъ воспаленія легкихъ умираютъ. Признакъ весны.

«Что это, утѣшаетъ онъ меня этимъ, что-ли?» подумалъ Каденцовъ, и даже собрался улыбнуться надъ наивностью утѣшенія. Только ужъ улыбка у него со всѣмъ не вышла.

У Венига была привычка, когда онъ пропишетъ рецептъ, рассказать какой-нибудь анекдотъ. Каденцовъ съ ужасомъ ждалъ, что наступила эта минута. Но профессоръ, напротивъ того, совершенно молча сидѣлъ въ креслахъ, словно не рѣшался ни уходить, ни разговаривать. Каденцовъ самъ первый поднялся.

— А вы заѣдете еще? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, надобности не будетъ. Вы сами заверните ко мнѣ, вамъ вѣдь близко. Завтра такъ...

Онъ задумался.

— Такъ около десяти...

— А когда-же надо ждать... конца? не смѣло спросилъ Каденцовъ. Онъ хотѣлъ спросить «смерти», но не смѣлъ произнести это слово.

Профессоръ взглянулъ на него, какъ учитель на школьника, задающаго глупый вопросъ.

— Скоро,—сурово отвѣтилъ онъ, и тоже всталъ съ кресла.—Завтра до двѣнадцати я дома. Заѣзжайте, я вамъ выдамъ бланкъ.

— Какой?

— Бланкъ. Полиція у васъ потребуетъ свидѣтельство...

Ноющее больное чувство опять охватило его. Вѣдь она еще жива, она еще дышетъ тамъ, на широкой кровати, а онъ говоритъ о какихъ-то полицейскихъ бланкахъ!

Венигъ крѣпко пожалъ ему руку и сказалъ:

— Если нервы очень расходятся, выпейте стаканъ мадеры. Тутъ два убѣжища: религія и философія. Вооружитесь ими, если есть силы.

И получивъ за визитъ, онъ съ трескомъ отъѣхалъ отъ подъѣзда на своей разномастной парѣ.

III.

Съ этой минуты, съ момента отъѣзда профессора, наступилъ для него новый періодъ возбужденія. Когда дверь за Венигомъ затворилась и онъ ушелъ, унося съ собою и молодую жизнь, и всякую надежду на выздоровленіе, Каденцовъ опустился на диванъ въ гостиной и почувствовалъ, какъ глаза его наливаются слезами, какъ спазмъ сдавилъ ему горло. Онъ чувствовалъ, что оторвана половина его души, что совершается то, что совсѣмъ не должно было совершиться, и что все закончится тѣмъ полицейскимъ листкомъ, который, выдастъ ему завтра докторъ.

И какъ только онъ созналъ, что смерть неизбежна, съ этой минуты у него явилось страстное желаніе,

чтобъ она пришла какъ можно скорѣе, чтобы больная не мучилась. Онъ не зналъ, что такое говорила ей заплаканная няня о священникахъ, но только эта няня пришла къ нему и сказала, что барыня очень хотятъ причаститься. Онъ пошелъ напротивъ въ домовую церковь, и священникъ, высокій молодой брюнетъ съ выпуклымъ лбомъ, пришелъ тотчасъ-же. Она причастилась. Когда священникъ ушелъ, она повернула къ нему голову и шепнула:

— Благодарю!

Тутъ уже онъ не выдержалъ. Слезы крупными каплями покатались по щекамъ. За что она благодарить? За то что пришелъ священникъ, или за то (неужели за то!) прожитое вмѣстѣ время, за тѣ пять лѣтъ что она провела съ нимъ подъ одною крышей? Но что-же онъ далъ ей въ эти пять лѣтъ? Не ему-ли ее благодарить? Они сидѣли вмѣстѣ у одного огня, ѣли изъ одного блюда, смѣялись однимъ смѣхомъ, горевали однимъ горемъ. Развѣ это такъ дорого было? Можетъ-быть оно дорого только тѣмъ, что прошло, а тогда оно вовсе не цѣнилось. Онъ привелъ ее въ домъ молоденькою, чистою дѣвушкой, она пошла за нимъ, внесла въ его обстановку ту милую женскую прелесть, которою все было такъ согрѣто вокругъ. А теперь она, такая же маленькая, лежитъ умирая на ихъ кровати. Ея мать, сестры, далеко за Москвой. Онъ отнялъ ее отъ тѣхъ близкихъ къ ней, съ которыми она жила, и она здѣсь одна съ нимъ, на сѣверѣ, умираетъ въ душной комнатѣ. И она-же лепечетъ: «благодарю», и хочетъ протянуть ему руку, и не можетъ.

Онъ вырвался на воздухъ, и пошатываясь отправился на телеграфъ. Теперь уже все вертѣлось въ его глазахъ. Извозчики ѣхали по мостовой беззвучно.

Пѣшеходы какъ тѣни скользили мимо, и самъ онъ не шель, а словно несся по воздуху. Онъ вдругъ понялъ, что внутри его есть нѣчто такое, чего онъ не могъ предполагать прежде. Душа его вострепенулась, словно очистилась отъ обычной будничной оболочки, и онъ пересталъ чувствовать свое тѣло. Точно не онъ шель по улицѣ, а плылъ въ извѣстномъ направленіи его духъ, тѣло-же, отъ котораго онъ не могъ освободиться, механически передвигало ноги и поспѣвало за нимъ. Ему казалось, что онъ видитъ это тѣло со стороны, что онъ видитъ себя откуда-то сбоку, видитъ какъ онъ, залажа руки въ карманы, быстро идетъ, минуя прохожихъ, куда-то, судя по походкѣ, по очень спѣшному дѣлу. Прикосновеніе не производило прежняго ощущенія: онъ щипалъ свою руку и не чувствовалъ боли. Одна только и была мысль въ его головѣ: ахъ, скорѣе, скорѣе-бы это все кончалось!

* * *

Съ тѣхъ поръ какъ она сказала слово «благодарю», губы ея не открывались. Ей дали капель, и стоны прекратились. Лицо приняло строгое выраженіе. Она тяжело, однообразно дышала. Воздухъ шумно выходилъ изъ ея груди. Грудь вздымалась и падала. Она лежала недвижно, навзничъ, скрестивъ на груди руки, безсознательно принявъ ту позу, въ которой она должна лечь навсегда и разрушиться. На вопросы она не отвѣчала, она не слышала, что дѣлается вокругъ, ея мозгъ занятъ былъ своею собственною работою, видѣлъ свои картины, никому невидимыя. Были-ли то послѣдніе обрывки земныхъ воспоминаній и впечатлѣній, наслоившихся тамъ за много лѣтъ, или это, быть-можетъ, было ужѣ преддверіе чего-то новаго, рядъ ощущеній которыхъ мы и представить себѣ не можемъ, но лицо ея мѣняло свое

выраженіе, и ни разу боль и страданіе не отразились на немъ. Она погружалась тихо, незамѣтно, въ покой вѣчнаго небытія или вѣчной жизни, и это новое охватывало ее тихо, ласково, со всѣхъ сторонъ, точно манило, звало къ себѣ. Земнаго въ ней осталось только это дыханіе; все остальное было уже рядъ ощущеній высшаго порядка.

А земное, покорное вѣчнымъ и неизмѣннымъ законамъ, продолжало свое дѣло разрушенія. Какіе-то таинственные процессы совершались въ ея груди, и эти-то процессы и уничтожали молодую жизнь. Каденцовъ сидѣлъ въ двухъ шагахъ отъ кровати, въ креслахъ, и старался уловить—да гдѣ-же наконецъ гнѣздо этого разрушенія. и почему-же оно словно остановилось? Вотъ уже болѣе шести часовъ прошло съ того времени какъ она сказала «благодарю» и закрыла глаза, а дышетъ она все также, и ухудшенія не замѣтно. Весь домъ притихъ, ни звука. Сознается великое, неизбѣжное. Всѣ притихли, чувствуя что нѣтъ выше этого мига. Но тишина эта не нужна для нея: можно было-бы и пѣть, и веселиться вокругъ, она не услышитъ, ее это не потревожитъ: то чѣмъ она сознавала, этого уже нѣтъ тутъ.

Каденцовъ сидѣлъ возлѣ нея, и безформенные образы и мысли неслись передъ нимъ. Его ужасала та простота, съ которою она умирала. Ему припомнился отвратительный образъ смерти чтò сложился у всѣхъ народовъ. А тутъ какъ тихо, мирно, спокойно. Тихонько въ угольѣ всхлипываетъ нянька, и только. И вдругъ представилась ему та смерть чтò изображается на сценѣ. Онъ съ ужасомъ вскочилъ съ мѣста. Ему представилось, какъ танцовщица умираетъ подъ звуки оркестра. Онъ вспомнилъ тѣ дикія па, которыя должны напоминать агонію, онъ вспомнилъ тѣ ломанья рукъ и схватыванья за грудь, которыя

должны были изображать предсмертныя муки. И онъ опять ужаснулся, и быстро заходилъ по комнатѣ.

«Вѣдь это святотатство!» размышлялъ онъ. «Вѣдь смерть—таинство, священнодѣйствіе: какъ-же можно профанировать его? Какъ-же можно заставить какую-нибудь распутную женщину плясать въ трико, съ обнаженными ногами, и думать, что она изображаетъ это таинство, да еще апплодировать ей, подносить цвѣты и подарки? Чтò за извращеніе, чтò за гнусность!»

Онъ остановился у самаго изголовья. Ему показалось, что опущенныя рѣсницы слегка дрогнули, но не раскрылись. По одѣялу, какъ и прежде, ходили неровныя тѣни отъ кіота. Ужели это лежитъ она, его Вѣра?

* * *

Въ три часа ночи онъ получилъ отвѣтную телеграмму отъ матери жены: «Выѣзжаю. Телеграфируйте—Москва до востребованія.» И онъ почувствовалъ скорбь старухи, этой чудесной старухи, которая, прощаясь послѣдній разъ съ Вѣрой, со слезами говорила, что онѣ больше не увидятся, что ей, старой, уже недолго жить осталось.

Онъ попробовалъ молиться, но онъ и не умѣлъ, и разучился этому. Въ дѣтствѣ, когда онъ ходилъ со своею матерью въ церковь, онъ молился съ такою чистотою, съ такою искреннею вѣрой. Но теперь такъ далеко это время! Онъ въ слезахъ смотрѣлъ на лики стараго письма, чтò безмятежно глядѣли на него изъ кіота, но молиться не могъ.

Въ седьмомъ часу утра онъ забылся на диванѣ неподѣленнымъ, безпокойнымъ сномъ. Его разбудилъ какой-то толчекъ. Внутри его какъ-будто кто-то вскрикнулъ, онъ слышалъ этотъ крикъ и понялъ его такъ: вставай, бѣги къ ней, она умерла.

Но она дышала, только она была желтѣе чѣмъ вчера. Дыханье было такое-же, но лицо еще спокойнѣе.

И вдругъ, совершенно неожиданно, Каденцовъ почувствовалъ, что тотъ-же покой разливается и въ немъ. Сжиманье сердца, что цѣлыя сутки мучило его, прекратилось. Онъ пошелъ твердою поступью къ себѣ въ кабинетъ, легъ не раздвѣваясь на приготовленную постель, и заснулъ мгновенно и глубоко.

Онъ не запомнить такого глубокаго сна. Сновидѣній тутъ не было. Это было тоже какое-то небытіе. Онъ спалъ сладко, онъ наслаждался сномъ, покоемъ, сномъ какимъ-то неземнымъ, поразительно страннымъ.

Въ половинѣ десятаго онъ почувствовалъ что его трясуть за плечо. Онъ открылъ глаза. Надъ нимъ стояла заплаканная няня.

— Скончалась, — сказала она.

Онъ не повѣрилъ. «Какъ! когда онъ спалъ? Да почему-же именно въ это время?»

Она лежала тихая, теплая, попрежнему скрестивъ руки. Дыханья не было.

— Отчего-же, отчего-же вы меня не разбудили? Вѣдь вы-же видѣли...

— Дышала, десять минутъ назадъ дышала, и вдругъ сразу!

Онъ тупо посмотрѣлъ на кровать. «Значить, все кончилось. И какъ просто, какъ ужасно просто...»

Онъ наклонился и прижался къ холодѣющему лбу губами. Голова легко лежала на подушкѣ, словно живая, она еще не тонула съ грузною тяжестью мертваго тѣла. Худенькія руки съ отросшими за эти дни ногтями казались совсѣмъ дѣтскими. Анна Ивановна, роняя на одѣяло слезы, стала снимать обручальное кольцо

и вынимать изъ ушей крохотныя серьги, въ которыхъ она такъ и скончалась.

— Спрячьте, сказала она, подавая ихъ ему.

Онъ пошелъ къ себѣ, и заперъ вещи въ столъ. «Что-же теперь дѣлать?» соображалъ онъ. «Она умерла. Надо хоронить. Какъ-же это такъ? Я никогда вѣдь не хоронилъ никого. Какъ это дѣлается, съ чего надо начать?»

Чувство острой боли и тоски, что давило его, прошло. Онъ какъ-то механически сознавалъ, что нужны священникъ, гробъ, могила, объявленіе въ газетахъ. Но какъ это онъ все сразу сдѣлаетъ, онъ не понималъ. Нужна еще телеграмма въ Москву тещѣ, потомъ надо встрѣтить ее на вокзалѣ. Она будетъ плакать. Придетъ съ которою-нибудь изъ дочерей, та тоже будетъ убиваться. Всѣ знакомые будутъ такъ сожалѣть. Будетъ суетня ужасная. А теперь такъ тихо. Хотя-бы помогъ кто!

Онъ съ изумленіемъ наблюдалъ это неестественное спокойствіе, явившееся вмѣсто ожидаемаго отчаянія. Онъ самъ его пугался, самъ спрашивалъ себя, отчего же это такъ? А нервы были спокойны, и говорили ему: да, вотъ ты ожидалъ, что мы Богъ вѣсть что съ тобой сдѣлаемъ, а мы спимъ, вовсе и не желаемъ тебя мучить. Онъ хотѣлъ заплакать, что ему вчера удавалось, и не могъ. Тогда онъ рѣшилъ ѣхать. Послалъ за каретой и началъ одѣваться.

— Тамъ гробовщики васъ спрашиваютъ,—сказала прачка.

Онъ поморщился.

— Нѣтъ, нѣтъ, это все Анна Ивановна договорится. Да привяжите собаку на цѣпь, хоть у меня здѣсь, въ кабинетѣ.

Анна Ивановна перевалкой, съ засученными рукавами, пришла на зовъ.

— На столъ не смѣйте власть,—сказаль онъ.

— А какъ-же? удивилась она.

— Пусть лежитъ на кровати, а потомъ принесутъ катафалкъ. Въ домѣ всѣмъ распорядитесь, а я поѣду.

* * *

Онъ поѣхаль и очень толково распорядился. Но какъ, почему и зачѣмъ онъ все дѣлаль, въ этомъ онъ не могъ отдать себѣ отчета. Спаль-ли онъ послѣдующія двѣ ночи до выноса, или нѣтъ, онъ не знаетъ. Ему было только спокойно. Онъ хорошо помнитъ, какъ его встрѣтилъ Венигъ, пережевывая что-то и очевидно вставъ изъ-за завтрака. Когда онъ сказалъ ему, что все кончено, онъ утвердительно кивнулъ головой, опять-таки какъ учитель киваетъ ученику вѣрно разрѣшившему задачу.

— Я вамъ сказалъ, что около десяти,—подтвердилъ онъ, окончательно проглотивъ то, что было во рту, и пошелъ въ кабинетъ писать заявленіе. Каденцовъ увидѣлъ Магдалину съ черепомъ, лѣтъ уже двадцать висѣвшую въ пріемной Венига. Онъ много разъ разсматриваль ее, и вмѣстѣ съ женой, когда онъ приходилъ съ нею въ пріемные дни. Вѣра, которая сама недурно рисовала акварелью, находила что пальцы рукъ написаны не хорошо. Ему такъ ясно представился тотъ вечеръ когда они сидѣли вдвоемъ у пасмурной лампы и просматривали англійскія иллюстраціи. Это было всего полгода назадъ, осенью: она приходила совѣтоваться съ Венигомъ о мигреняхъ. Наконецъ профессоръ вынесъ листочекъ и научилъ сперва показать его въ типографіи для объявленія, а затѣмъ сдать куда

надо. Проводивъ до дверей, онъ замѣтилъ про покойницу:

— Да, она была такая слабенькая.

Потомъ онъ помнить, какъ на кладбищѣ конторщикъ долго съ нимъ не говорилъ, а все плевалъ на пальцы и считалъ груду засаленныхъ ассигнацій, принесенныхъ какимъ-то мѣщаниномъ. Окончивъ счетъ, онъ поднялъ очки и очень весело поглядѣлъ на него.

— Это можно-съ, — отвѣтилъ онъ, когда Каденцовъ изложилъ причину посѣщенія. — Не угодно ли вамъ съ нашимъ смотрителемъ мѣстечко присмотрѣть, которое вамъ по вкусу. Какое желаете, то и запишемъ, на выборъ-съ.

«Отчего онъ такъ веселъ», думалось ему, когда онъ шагаль слѣдомъ за смотрителемъ по мосткамъ кругомъ церкви. «Впрочемъ, поневолѣ будешь веселъ, всю жизнь только и занимаешь покойниками. Вѣдь говорятъ же, что гробовщики да могильщики самые веселые люди.

Отецъ протопопъ, съ которымъ онъ договаривался объ отгѣваніи, очень соболѣзновалъ о его потерѣ, интересовался, сколько лѣтъ покойной и чѣмъ она была больна. Прощаясь, онъ долго жалъ руку и сказалъ: очень пріятно.

Затѣмъ, ему памятливы разными мелочи. Онъ помнить на блюдѣ холодную осетрину, что онъ за два дня до этого заказывалъ кухаркѣ; осетрину два дня подавали на столъ, — онъ до нея не дотрогивался. Онъ помнить ароматическій запахъ ладана на панихидахъ, и запахъ потушенныхъ восковыхъ свѣчъ, и молодое лицо того самаго священника, что приходилъ причащать ее. Его пріятно поразило отсутствіе черныхъ ризъ и веселое пѣніе «Христокъ Воскресе», которымъ начиналась

каждая служба. Онъ рѣшилъ, что ему было бы грустнѣе, еслибъ она умерла осенью.

На ночь онъ отсымалъ читальщика, находя, что его протяжное чтеніе только раздражаетъ. Онъ подолгу смотрѣлъ на жену. Лицо ея приняло выраженіе спокойной радости: Анна Ивановна подвила чолку на лбу, и она, закрутившись, придала всему лицу обычную живость,—такъ по крайней мѣрѣ ему казалось. Сквозь кисею, прикрывавшую лицо сквозили черныя пушистыя рѣсницы и брови словно прилеенныя къ восковому лбу,—это онъ тоже помнить.

* * *

Но больше всего памятенъ ему пріѣздъ тещи. Какъ онъ и думалъ, она пріѣхала съ дочерью. Онъ поѣхалъ на вокзалъ встрѣтить ихъ. Утро было весеннее, ликующее, ясное. Когда онъ вышли изъ вагона, онъ по распухшимъ лицамъ и краснымъ глазамъ понялъ, что онъ всю ночь не спали, и что совершенно лишнее спрашивать ихъ о чемъ бы то ни было. И все-таки онъ спросилъ: «Ну, какъ вы себя чувствуете?» Въ отвѣтъ на это, старуха упала къ нему на грудь и стала плакать, вынимая изъ лакированного мѣшка носовой платокъ. У дочери глаза были сухи, она какъ-то пугливо посматривала вокругъ и судорожно перебирала ручку ремней, въ которыхъ былъ завернутъ пиджакъ. Онъ далъ посылному адресъ, велѣлъ получить вещи и доставить на мѣсто, а самъ повелъ ихъ въ карету. Когда они сѣли и покатались по гладкимъ торцамъ, старуха схватила его за руки и проговорила:

— Ну, какъ же, какъ же все это случилось?

Онъ началъ рассказывать что-то безсвязное, длинное, барышня тоже заплакала и стала очень похожа

на покойную сестру, только черты лица у нея были угловатѣе.

На паннихидѣ онѣ стояли все время на колѣняхъ и молились. Барышня, не обращая вниманія на слѣхавшихся, стояла простоволосою и растрепанною, — видно что ей было не до туалета. Онѣ обѣ ни разу не оглянулись. И все-таки послѣ паннихиды онѣ сообразили, что надо купить себѣ крепу на шляпы и заказать черныя платья. Онѣ даже узнали у Анны Ивановны адресъ портнихи, что шила на Вѣру.

Все остальное въ представленіи Каденцова сливается въ какой-то тусклый туманъ. Онѣ не можетъ припомнить что онѣ дѣлалъ, о чемъ онѣ думалъ. Онѣ шагаль мимо завѣшанныхъ простынями зеркаль и все старался забирать ртомъ какъ можно больше воздуха.

Въ моментъ выноса, сердце его ускоренно колотилось, предъ глазами шли зеленые круги. Гробъ тихо сползалъ по заворотамъ лѣстницы при пѣніи и плачѣ. Изъ дверей высовывались сосѣди и крестились; швейцаръ суетился у подъѣзда. Потомъ гробъ поставили на дроги, а онѣ пошелъ назадъ за пальто и шляпой, потому что вышелъ на улицу въ одномъ сюртугѣ. Въ залѣ съ катафалка снимали черное сукно; высокіе подсвѣчники взваливалъ себѣ на плечи какой-то рябой причетникъ. Въ квартирѣ, кромѣ кухарки, никого не было.

И тутъ онѣ понялъ, что онѣ одинъ. Онѣ поднялъ глаза на маленькій образъ, висѣвшій высоко въ углу, и сухія, отрывистыя рыданія вырвались у него. Онѣ самъ испугался ихъ дикости.

Однако, надо было идти. Онѣ посмотрѣлъ въ окно, — процессія шла по зеленому ельнику черезъ площадь; гробъ ярко сверкалъ на весеннемъ солнцѣ, а сзади,

за густою толпою знакомыхъ, медленно ползли карета за каретой.

Онъ вытеръ наскоро глаза, надѣлъ шляпу и пальто, спустился съ лѣстницы и торопливо началъ догонять процессію: ему по всѣмъ правиламъ приличія слѣдовало идти первому за гробомъ. Онъ такъ и сдѣлалъ.

1887 г.

ИЗЪ ЛѢТНЯГО АЛЬБОМА.

I.

СТРАННАЯ ЖЕНЩИНА.

о блѣдно-голубому сѣверному небу плыли крутыя бѣлыя облака. Синее море вздымалось грядями и шумно расплескивалось по отлогому берегу. На скамейкѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ черты прибоя, возлѣ купальной будки, сидѣла молодая дама въ свѣтленькомъ кретоновомъ платьѣ, съ зонтикомъ, подбитымъ яркою матеріею, и съ прелестною дѣвочкою лѣтъ двухъ, что возилась тутъ же на тепломъ пескѣ.

Дама эта ничего не дѣлала: она не читала, не работала, — даже за дѣвочкой какъ-то мало смотрѣла, — мысли ея были заняты чѣмъ-то совсѣмъ другимъ. Она глядѣла, слегка прищурясь, на тотъ далекій горизонтъ, гдѣ ползли подъ парусами суда, сверкая на солнцѣ яркими точками; ея глаза имѣли какое-то неопредѣленное выраженіе: въ нихъ не было сосредоточія, — это бываетъ такъ всегда, когда человѣкъ смотритъ вдаль. Порою она поворачивала голову въ сторону, и вглядывалась въ однообразную линію купальных будочекъ и телеграфныхъ столбовъ, прижатыхъ къ водѣ сплошною гущею побережныхъ парковъ. Плечи ея тогда подергивались, она нетерпѣливо униралась ногами въ

песокъ, словно хотѣла встать и уйти. Но она все-таки не встала, не ушла, она осталась — и дождалась кого хотѣла.

Она его издали замѣтила. Это былъ высокій плотный господинъ, съ бритымъ лицомъ, до красна опаленнымъ июльскимъ солнцемъ. На немъ было широкое сѣрое лѣтнее платье и соломенная шляпа. Онъ торопливою походкою подошелъ ней и какъ-то неувѣренно протянулъ руку. Она не глядя подала свою и досадливо смотрѣла въ сторону, когда онъ поднесъ ее къ губамъ.

— Смѣнили гнѣвъ на милость, — нерѣшительно произнесъ онъ, опускаясь возлѣ нея на скамью, и посылая дѣвочкѣ поцѣлуй рукою. — Что это вамъ вздумалось писать?

— Захотѣла — и написала, возразила она. — Если вы пришли противъ желанія — можете уйти.

— Нисколько. Я обрадовался, получивъ вашу записку. Я васъ вижу только издали, мелькомъ. Не знаю, чему приписать ваше желаніе меня видѣть.

— Повѣрьте, что желанія (она сдѣлала удареніе на слово «желаніе») у меня нѣтъ. Мнѣ надо съ вами поговорить.

Онъ пожалъ плечами, и склонивъ голову, приготовился слушать.

Она не рѣшалась начать. Раскрытыя губы ея слегка дрожали, брови сдвинулись, грудь дышала тяжело и прерывисто.

— Намъ надо окончательно объясниться, — заговорила она. — Тянуть такія отношенія невозможно. Сегодня мужъ уѣхалъ въ городъ, я какъ-то стала спокойнѣе, и рѣшила, что все равно, лучше кончить теперь — потому что хуже будетъ.

— Я не понимаю, о чемъ вы хотите говорить...
Что за натянутый тонъ?..

— Другого тона быть не можетъ; я притворюсь не умѣю, не стану,—не хочу наконецъ. Какъ я думаю, какъ чувствую, такъ и говорю. Не требуйте отъ меня никакихъ опредѣленныхъ рамокъ, я дѣйствую быть можетъ нетактично, но искренно... Прошло время, стараго не воротись, о старомъ вспоминать нечего...

Онъ снялъ шляпу и отеръ себѣ лобъ:

— Ну, да, ты меня разлюбила,—сказала она.—Я это чувствую и знаю. Ты теперь ко мнѣ относишься безразлично. Тебѣ теперь все равно, что я, что эта скамейка.

— Ну, не совсѣмъ такъ,—рѣзко оборвала она,—я васъ видѣть не могу. Вы мнѣ противны, понимаете: противны, противны!

Она съ такимъ омерзениемъ посмотрѣла на него, что онъ вспыхнулъ до ушей.

— Да что же я такого сдѣлалъ? Чѣмъ я виноватъ?

— Вы тѣмъ виноваты, что вы—вы! Что вы не человекъ, не мужчина, вы—тряпка, безхарактерность...

— Успокойся ты, ради Бога... Тебѣ это вредно въ твоемъ положеніи.

— А что мое положеніе! Какое вамъ до него дѣло!.. Вамъ ни до чего никогда дѣла нѣтъ...

Быть можетъ, другой на его мѣстѣ всталъ бы и ушелъ. Но онъ не могъ этого сдѣлать. Онъ зналъ, что она нездорова, что это, быть можетъ, все вспышки, болѣзнь, нервы. Онъ не имѣлъ права отойти отъ нея; онъ стиснулъ кулаки, и заложилъ ногу на ногу.

— Ты меня позвала только для того, чтобы говорить такія вещи?

— А! вамъ это не нравится? Слушайте, вамъ это

полезно: вамъ такого зеркала еще никто не показывалъ. Любуйтесь на себя.

— Надолго мужъ уѣхалъ? спросилъ онъ, чтобы перевести разговоръ на другую тему.

Она не отвѣчала. Грудь ея дышала еще короче, на лицѣ проступили пятна. Онъ ей былъ невыразимо противенъ. Мясистое ухо и загорѣлая красная шея, нажатая бѣлымъ воротникомъ, возбуждали въ ней отвращеніе. Онъ чертилъ палочкою по песку, и былъ рѣшительно въ недоумѣніи: чего она хочетъ, чего ей отъ него нужно?

— Я васъ не обвиняю,—заговорила она.—Виновата я, одна я виновата кругомъ. Я забыла долгъ, забыла мужа, дѣтей...

— Да вѣдь у васъ одна только дѣвочка,—поправилъ онъ.

— Это все равно: одинъ-ли, десять,—это все равно...

— А мужа вѣдь вы не любите.

— Во всякомъ случаѣ, больше чѣмъ васъ. Вы не понимаете,—о, вы не понимаете,—говорила она, ломая руки,—вы отказываетесь понять, какъ женщина, полгода назадъ, могла забыть все, и долгъ, и стыдъ, и самоуваженіе, броситься на шею мужчины, а черезъ шесть мѣсяцевъ возненавидѣть его! Вы это не понимаете, да!

— Тихе! остановилъ онъ,—дѣвочка слушаетъ, смотреть.

— Пусть смотритъ!

Дѣвочка уставилась большими черными, какъ у матери, глазами и переводила взглядъ то на одного, то на другого.

— Пусть смотритъ,—повторила мать, но начала говорить понизивъ голосъ.—Какъ же вы, мужчины, счи-

таете себя во сто тысячъ умѣ насъ, женщинъ, вы хвастаетесь наблюдательностью, пишете романы...

— Развѣ я пишу? попробоваль было перебить онъ.

— А, я не про васъ говорю, вы развѣ способны на что-нибудь! Ну, а какъ же вы, при вашемъ умѣ и талантѣ, не можете догадаться, что во мнѣ происходитъ? Гдѣ же ваша опытность, о которой вы трубите на перекресткахъ? Эхъ, вы—мужчины!.. Никогда-то вы, никогда вы не въ состояніи самой простой вещи понять. Что вамъ каждый подростокъ-дѣвчонка объяснить, до того вы во-вѣки-вѣковъ не додумаетесь.

Она говорила это съ тою увѣренностью, которая никогда не покидаетъ женщину, когда дѣло коснется вопроса чувствъ. Она была убѣждена, что это такъ, что это иначе и быть не можетъ. Ее было не переувѣрить въ этомъ.

А онъ буквально ничего не понималъ. Онъ машинально смотрѣлъ на бѣлыя облака и сравнивалъ ту женщину, которую онъ любилъ такъ за полгода передъ тѣмъ, и которая его любила,—съ тою, которая сидѣла тутъ, бокъ-о-бокъ съ нимъ на скамейкѣ. Ахъ, какое то время было! Да нѣтъ,—то другая женщина была. То было свѣжее, молодое существо, съ душистою косою, разметавшеюся по подушкѣ, и съ такимъ огнемъ въ глубокихъ, бездонныхъ глазкахъ! Онъ горѣлъ тамъ, этотъ огонекъ, вспыхивалъ, искрился, погасалъ, опять загорался; эти бѣленькія руки сжимали его крѣпко-крѣпко, эти губки говорили ему: «Держать я буду тебя повуда силъ хватить,—а если уйдешь ты отъ меня, такъ не потому, что разлюблю, а потому, что объятія мои будутъ для тебя не достаточно сильны!».. И сколько часовъ, сколько дивныхъ часовъ пронеслось надъ ними... А теперь? Какъ подурнѣла

она! Угли рта опустились; глаза попрежнему горять, но какимъ-то недобрымъ огнемъ. Платья всѣ разставлены, фигура пропала, располѣла, а щеки снали... И сколько злости, сколько ненависти въ этомъ лицѣ! Ну, хотя бы каплю, хотя бы только каплю прежняго чувства! Нѣтъ,—словно все забыто, стерто изъ воспоминаній!

— Да, да,—заговорила она,—вотъ чего нѣтъ, и никогда не будетъ въ мужчинѣ,—это чуткости. Вы по намеку не уловите никогда того, что надо сдѣлать... а вы еще лучше, гораздо лучше многихъ.

— Спасибо за похвалу,—пробормотала онъ.

— Скажите,—начала она, отдавая его рѣзкимъ, черствымъ взглядомъ, и вся повернувшись къ нему,—скажите: зачѣмъ вы сюда пріѣхали? Вѣдь я васъ просила, я умоляла не ѣздить. Зачѣмъ вы пріѣхали?

— Я счелъ безчестнымъ поступить иначе,—я не могъ оставить васъ одну.

-- Я бы вамъ писала.

— Мнѣ мало этого.

— Я не одна здѣсь: мужъ со мною.

Его передернуло, но онъ ничего не сказалъ.

— А вы, какую вы пользу можете мнѣ принести? Вашъ видъ, голосъ, фигура, походка—все мнѣ дѣйствуетъ на нервы. Вы каждый день стараетесь мнѣ попасться на глаза... Да по какому праву?

— Я люблю васъ! чуть не крикнулъ онъ.

— Хороша любовь! если вы любите для васъ мое слово должно было быть закономъ. Я сказала, что не хочу, чтобы на лѣто вы ѣхали вслѣдъ за нами сюда.

— Но это выше моихъ силъ!

— А мою болѣзнь, весь ужасъ моего положенія, причиною котораго вы, одни вы,—это вы ни во что

не считаете? Да вы должны у ногъ моихъ ползать, счастливымъ быть, что я хотя изрѣдка позволю вамъ дышать однимъ воздухомъ со мною... Ахъ, это ужасно, ужасно!

Она выхватила изъ кармана платокъ, прижала къ глазамъ, ее всю забило. Зонтикъ выкувырнулся изъ ея рукъ на песокъ. Дѣвочка опять на нее въ испугѣ уставилась.

— Милая, да полно! попробоваль онъ ее утѣшить.

Но гдѣ же ей было слушать его утѣшенія! Она вся отдалась своему горю: онъ склонилась головою на на спинку скамейки и рыдала, рыдала...

— Ахъ, какая ты... да полно, безпокойно говорилъ онъ, оглядываясь вокругъ.

Къ счастью, на всемъ побережьи никого не было; только вдали, совсѣмъ вдали, виднѣлась длинная фигура мистера Уэлькенса, на этотъ разъ по невообразимой случайности оставившаго свою подзорную трубку дома. Онъ недвижно смотрѣлъ на волны, и не намѣревался двинуться съ своего поста.

Наконецъ она успокоилась и вытерла насухо глаза; верхняя губка ея покраснѣла и вспухла. Она подняла зонтикъ и снова его распустила, онъ успѣлъ какъ-то самъ сложиться.

— Вы должны уѣхать, — сказала она неуспокоившимся голосомъ. — Вы уѣдете завтра-же. Слышите?

Онъ хотѣлъ взять ее за руку, она его отстранила.

— Хорошо, я уѣду, — отвѣтилъ онъ, — но я долженъ знать причину, почему вы настаиваете на этомъ.

— Ахъ, вы все-таки не поняли. Ну, слушайте: я виновата, — я виновата передъ мужемъ, передъ этою дѣвочкою, наконецъ, передъ собою. Я сдѣлала гадость, я измѣнила мужу. Надо, чтобы было за это искупленіе...

— Да погоди: ну вотъ все кончится у тебя, тогда мы разойдемся, ты меня забудешь, заживешь счастливо...

— Счастливо? съ вашимъ ребенкомъ? Да онъ мнѣ будетъ каждую минуту напоминать о моемъ позорѣ...

— Да, ну объ этомъ надо было раньше думать,— подавляя въ себѣ кипѣвшее бѣшенство, сказалъ онъ.

— О, я одна и буду нести всю тяжесть наказанія! мелодраматически возразила она. — Ребенокъ будетъ жить на счетъ мужа, онъ его будетъ кормить, воспитывать, ласкать, какъ своего,—а я буду передъ нимъ всю жизнь лгать и лгать.

— Но я могу давать вамъ деньги на воспитаніе...

— Я вамъ швырну эти деньги въ лицо! крикнула она.—Какъ вы смѣете это говорить!.. Вы знаете, что я для васъ обманула мужа, который во всякомъ случаѣ честиѣ васъ.

Онъ хотѣлъ ей сказать, что какъ же годъ тому назадъ она выдерживала бурныя сцены съ мужемъ, потому что онъ завелъ на сторонѣ какую-то барыню; онъ хотѣлъ ей напомнить, что быть можетъ она и бросилась-то къ нему потому, что была обманута мужемъ, когда желаніе мести заговорило въ ней сильнѣе другихъ чувствъ. Хотѣлъ онъ все это ей сказать, да удержался.

— Я завтра уѣду,—повторилъ онъ.

Она помолчала. Онъ всталъ, хотѣлъ было вздохнуть, но счелъ это лишнимъ.

— Куда вы? спросила она.

— Домой,—отвѣтилъ онъ.

— Подождите,—сказала она.

Онъ сѣлъ на прежнее мѣсто.

— Послушайте, — промолвила она дотрогиваясь до его руки. — Вы на меня не сёрдитесь?

Онъ удивился этой перемѣнѣ: голосъ ея былъ гораздо мягче, да и лицо добрѣе.

— Вы не понимаете, — продолжала она, — что меня злитъ въ васъ. Меня злитъ ваше безсиліе.

— Какое безсиліе?

— Вы не можете захватить меня... Я не подчинена вамъ... Меня злитъ, что вы покойны. Ночью мужъ не спитъ, возится со мною, когда мнѣ нездоровится, а вы спите у себя на дачѣ — вамъ хоть-бы что... Вы ничѣмъ не показываете надо мною своей силы. Я хотѣла-бы любить такого человѣка, который-бы владѣлъ мною безгранично.

Онъ не выдержалъ, и улыбнулся.

— А я безсиленъ, я не могу вырвать тебя отъ мужа? Я тебѣ сколько разъ говорилъ: брось его, разойдись съ нимъ.

— Онъ мнѣ дѣвочки не отдастъ. А я не могу безъ нея.

— Да, ну такъ что же дѣлать?

— Ахъ не знаю я, — отвѣтила она, и прижалась къ нему крѣпко-крѣпко.

Онъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ глянулъ вдоль берега. Англичанинъ пропалъ, должно быть пошелъ за трубкою. Онъ цѣловалъ ее въ проборъ, который пришелся какъ разъ возлѣ его губъ, цѣловалъ маленькія, теплыя ручки, чувствовалъ ея голову на плечѣ...

— Что же, ѣхать мнѣ завтра? спросилъ онъ съ недоумѣніемъ.

Она подняла голову.

— Какъ хочешь. Подожди еще два дня. Впрочемъ, нѣтъ: лучше ѣзжай. Не знаю...

Онъ взялъ ее за обѣ руки.

— Да скажи ты мнѣ одно: любишь ты меня еще, или нѣтъ?

Она прямо и серьезно посмотрѣла ему въ глаза.

— Не знаю. Десять минутъ назадъ я тебя ненавидѣла.

— За что?

— Тоже не знаю.

— Такъ что же мнѣ дѣлать? вышелъ онъ изъ себя.

— И этого не знаю.

Она встала, подозвала дѣвочку, и взяла ее за руку.

— Во всякомъ случаѣ,—сказала она,—приходи вечеромъ пить чай. Мужъ къ тому времени вернется. Тогда и поговоримъ.

— О чемъ.

— О твоёмъ отъѣздѣ... Голубчикъ, ты не сердись, я не знаю, что со мною. Только я все это говорю искренно...

Она протянула руку, которую онъ поцѣловалъ, и пошла къ небольшой калиткѣ, что бѣжала подъ густою чащею березъ. Платье ея мелькнуло между кустами и скрылось.

Онъ постоялъ, сжалъ значительно губы и пошелъ вдоль берега, стараясь идти по влажному песку, который былъ тверже.

— Странная женщина,—проговорилъ онъ, безучастно смотря на англичанина, старательно выпятившаго свою трубу въ неопредѣленное пространство,—и повернулъ къ себѣ на дачу. Голова его горѣла, онъ былъ очень взволнованъ.

А она, пожалуй, сказала правду, что мужчина не въ состояннн понять самой простой вещи: мужчина все или анализируетъ, или бѣсится...

II.

Въ лѣсу.

ѣсною тропинкою, на мохнатой лошадеѣ, ѣхала амазонка. Было ей лѣтъ подъ-тридцать; сидѣла она на сѣдлѣ весьма увѣренно и смѣло. Слѣдомъ за нею ѣхалъ господинъ однихъ лѣтъ съ нею, черноусый, черноглазый, съ раздувающимися ноздрями, съ разгоряченнымъ ѣздою лицомъ. Они ѣхали самою чащею, пронизанною тонкими иглами золотыхъ лучей вечерняго румянаго солнца. Онъ смотрѣлъ, какъ свѣтлая тѣнь отъ листвы водопадомъ скользила по ея синей амазонкѣ и караковой лошади. Онъ смотрѣлъ, какъ упруго охватила матерія ея плечи и какъ плавно колыхнется она на развалистомъ ходѣ лошадки.

— Лизавета Борисовна! крикнулъ онъ.

— А? отозвалась она.

— Зачѣмъ мы тутъ ѣдемъ?

— Здѣсь хорошо. Смотрите, какая прелесть...

— Скучно: я васъ не вижу.

Она засмѣялась, и повела хлыстомъ вокругъ.

— Неужели вамъ это не нравится?

— Очень нравится, но только я васъ не вижу. Вы въ тысячу разъ интереснѣе всякихъ пейзажей... Что вамъ за охота...

Ея лошадь перепрыгнула какую-то яму.

— Еще новость! пробормоталъ онъ,—пересказывая вслѣдъ за нею.

— Скоро будетъ прямая дорога,—обнадежила она.

— Я ѣзжу съ вами только для того,—говорилъ онъ,—чтобы быть съ вами глазъ-на-глазъ. У васъ дома цѣлая кунстеamera всякихъ ушей. Только и поговорить, что на такихъ прогулкахъ, а вы цѣлые полчаса ѣздите по какимъ-то труппамъ... Вчера шелъ дождь, не ѣздили, сегодня поѣхали—а что толку?

Она слушала какъ-то однимъ ухомъ, слегка поворачивъ голову.

— Сейчасъ мы выѣдемъ на прямую дорогу,—повторила она,—вотъ за этимъ поворотомъ.

За поворотомъ, правда, оказалась дорога.

Онъ продвинулъ лошадь впередъ и сравнялся съ нею. Она на него посмотрѣла съ любопытствомъ.

— Такъ какъ-же? спросилъ онъ.

— Чтò? спросила она.

— Тò, о чемъ мы говорили прошлый разъ?.

— Вы удивлялись, отчего я не выхожу замужь?

— Да.

— Не хочется.

Онъ никакъ не ожидалъ такого отвѣта.

— Но вѣдь вы же за покойнаго вашего мужа вышли?

— Отъ того-то больше ни за кого и не пойду.

— И за меня?

Она помолчала.

— Нѣтъ.

Онъ совсѣмъ сталъ маленькимъ на сѣдлѣ, точно въ футляръ ушелъ.

— Можно узнать причину? глухимъ голосомъ сказалъ онъ.

— Да и причинъ тоже никакихъ нѣтъ,—возразила она, и прибавила: —Знаете, тамъ опять пойдутъ камни, тутъ можно поднять галопомъ.

Она ударила своего конька; тотъ съ мѣста поскакалъ. Его лошадь, точно въ дышло запряженная, пошла равномернo рядомъ: онъ даже до поводыевъ не дотронулся.

— Чего она вертится! думалъ онъ, смотря съ остервененіемъ по бокамъ.

— Какой онъ смѣшной! думала она, искоса взглядывая на него, но больше обращая вниманія на лошадь.

— Смотрите, телѣга! сказалъ онъ,—держите.

Они опять поѣхали шагомъ, огибая съ двухъ сторонъ кланявшася мужика съ трубкою и бабу, пугливо обнявшую какой-то мѣшокъ.

— Ну-съ? не отставалъ онъ.

— Отчего я не выхожу замужъ за васъ? небрежно сказала она.—Отъ того, что я ни за кого не выхожу; отъ того, что такъ лучше.

— Это по евангельскому тексту?

— Можетъ быть. Да и зачѣмъ намъ жениться? Мы друзья съ вами, видимся каждый день... Пожалуй, если будемъ видѣться чаще, надоѣдимъ другъ другу. А главное—ну чего ради я лишусь свободы?

— Какъ лишитесь? Да развѣ я васъ за рѣшеткою буду держать?

— Конечно за рѣшеткою! весело отвѣтила она.—Нѣтъ мужа, который-бы далъ женѣ свободу; впрочемъ, и прекрасно, что нѣтъ: если намъ свободу дать полную... я не знаю что выйдетъ...

— Да ничего не выйдетъ.

— Повѣрьте мнѣ, женщина всегда должна надъ собою чувствовать дамскіе мечъ. Ей и страшно, что она подъ нимъ живетъ, и какъ-то мучительно-сладко.

Онъ засмѣлся.

— Первый разъ встрѣчаю женщину, которая такъ откровенна...

— А вы, продолжала она,—вы хуже всѣхъ,—вы такихъ рѣшѣтокъ наставите...

— Господь съ вами, что вы!..

— Да вы подумайте только:—что я теперь для васъ?—ничего! а вы Богъ знаетъ что себѣ позволяете. Вы меня ревнуете ко всякому студенту, къ каждому мужчине, съ кѣмъ я говорю. Что же будетъ, когда вы приобрѣтете супружескія права?

— Ахъ, до чего вы меня не понимаете! воскликнулъ онъ.—Да, я теперь именно потому и ревную, что вы мнѣ не жена. Я знаю, что послѣ ужина мнѣ подадутъ лошадь, я сяду и поѣду къ себѣ, а вы останетесь съ двумя тетушками, будете съ ними цѣловаться, потомъ пойдете къ себѣ спать...

— Ну, и что же? спросила она.

— Нѣтъ, вы слушайте, какъ я представляю себѣ это. На одной тетушкѣ желтый чепецъ, на другой—лиловый. Обѣ сидятъ важно и крестить. Вы подходите къ одной; она васъ крестить, говоритъ: «Спи, Лизучка; спи моя радость». Другая такъ цѣлуетъ, что даже присасывается къ вамъ, и говоритъ: «Господь надъ тобою, Лизуночекъ». Вы приходите къ себѣ, начинаете раздѣваться. Постель у васъ холодная, чистая. Вы разстегиваете лифъ...

— Нельзя-ли безъ подробностей.

— Нельзя! Вы раздѣваетесь; если дѣло къ осе-

ни—надѣваете кофточку (лѣтомъ вѣрно вы спите безъ кофты), причесываетесь, дѣлаете букольки на ночь, ложитесь въ кровать. Простыни такія холодныя, и вамъ пріятно. Вы вытягиваетесь, закидываете руки за голову: руки у васъ такія бѣлыя, сочныя, вкусныя, мягкія... Зачѣмъ вы отворачиваетесь? Я правду говорю... Потому вы начинаете читать Додѣ, Мопассана или что-нибудь въ этомъ родѣ. Потому тушите свѣчку, закрываете глаза и засыпаете. Это возмутительно, это ужасно!

Въ доказательство того, что это ужасно, онъ вытянулъ хлыстомъ лошадь, и сейчасъ же ее сдержалъ.

— Что же тутъ ужаснаго?

— А то ужасно, что я въ это время, какъ сумасшедшій, рыщу по полямъ, извожу въ конецъ свою лошадь...

— Вольно же вамъ!

— Не могу! Силъ нѣтъ. Вы такая молодая, красивая, умная, чего пропадаете даромъ?..

— Какъ пропадаю? изумилась она.

— Ну, да,—чего вы киснете среди тетушекъ?

Она вдругъ вспыхнула и отвернулась.

— Это возмутительно, продолжалъ онъ. — Замуровать себя въ такой компаніи, монастырь завести такой. Ужь ложились бы, по обѣту, на одинъ бокъ, и не вставали бы тридцать лѣтъ,—и такого схимника видѣлъ. Или въ столпницы записались бы. Это вѣдь неестественно, это возмутительно!

У него даже пузыри вскакивали на губахъ, такъ онъ возмущался.

— А были бы вы моею женою, — да Господь съ вами: кокетничайте сколько угодно, съ вѣмъ угодно. Я знаю, что вы моя, что послѣ ужина, какъ бы то

ни было, вы придете въ свою комнату, а ваша комната и моя — это одно и то же. Теперь, когда вы сердитесь на меня, самое ужасное — что вы не говорите со мною, избѣгаете меня. А тогда, волей-неволей, вы придете ко мнѣ, и я все вамъ скажу...

— Ну, вотъ,—воскликнула она,—это и есть стѣсненіе; теперь, если я не хочу васъ видѣть—я и не увижу, а тогда—я обязана притти къ вамъ, вотъ этого я и не хочу. Теперь, если я не подхожу къ вамъ—вы ничего не смѣете сказать, а тогда—попробуй я тогда не пойти къ вамъ, а велѣть осѣдлать лошадь, да и ускакать куда-нибудь... Вы меня на дорогѣ поймаете, да еще какъ—за косу!

Оба засмѣялись.

— Видите,—сказалъ онъ,—я полагаю, что если бы вы были моею женою, то намъ положительно не изъ за чего было бы ссориться. Теперь я злюсь на то, что мнѣ не всякій день удастся васъ видѣть, что неприлично мнѣ ходить слѣдомъ за вами изъ комнаты въ комнату, что неловко сидѣть у васъ цѣлый день въ будуарѣ. А тогда вѣдь всѣ эти обстоятельства будутъ удалены. У насъ причинъ-то къ ссорѣ не будетъ.

— Ахъ, Боже мой, повѣрьте, вы сумѣете найти тысячи причинъ. да еще какихъ самыхъ глупѣйшихъ, чтобы придратъся. Проживемъ лѣтомъ мѣсяца два здѣсь, въ глуши,—надоѣмъ я вамъ ужаснѣйшимъ образомъ, и будете вы ко мнѣ на каждомъ шагу привязываться. Васъ будетъ злить мой голосъ, моя походка, вы будете спрашивать, отчего я такъ глупо улыбаюсь...

— Я? съ ужасомъ воскликнулъ онъ.

— Да... Я васъ подойду поцѣловать, а вы подставите щеку изъ милости,—на молъ тебѣ подачку, убирайся только.

Онъ даже затрясся со злости на сѣдлѣ.

— Я, чтобы я?.. О, вы меня не знаете. Вотъ что я вамъ скажу.. Ну, можете-ли вы мнѣ надоѣсть?.. Люди—пренелѣное созданье: вы знаете, тутъ что-нибудь изъ двухъ...

— Однако и послѣдовательность у васъ мыслей! засмѣялась она.

— Къ чорту послѣдовательности! крикнулъ онъ.— Тутъ что-нибудь изъ двухъ: пьетъ человекъ цѣлый годъ хересь, потомъ бросаетъ. «Помилуйте, говорить— онъ мнѣ ужасно надоѣлъ, изо дня въ день цѣлый годъ». Другой пьетъ его пять лѣтъ, и говоритъ: «Помилуйте, я къ нему привыкъ».

— Это какъ называется—гиперболою? спросила она.

— Это называется, отвѣтилъ онъ,—аксіомою: если женщина не захочетъ чего понять, то упрется, какъ...

— Какъ осель,—подсказала она.

— Какъ ослица, полуулыбнувшись поправилъ онъ,— какъ ослица.. Балаамова, потому что та говорила.

— Вѣдь это ужъ дерзости пошли,—замѣтила она.

— Да я еще не того вамъ наговорю,—подтвердилъ онъ.

— Мегсі, я не желаю слушать.

Она хотѣла пустить лошадь впередъ, онъ удержалъ ее подъ узцы.

— Я вель къ тому,—говорилъ онъ, плохо понимая, что онъ говоритъ, еле связывая слова,—я хотѣлъ сказать вамъ, что я привыкаю къ той обстановкѣ, въ которой живу, и она мнѣ не надоѣдаетъ.

— Радуюсь за васъ,—сдерживаясь отвѣтила она; онъ начиналъ ее злить.

— Я не знаю, что вы нашли во мнѣ дурного...

— О, вы идеаль! Совершенство во всѣхъ отноше-

ніяхъ. Васъ надо подѣ стекломъ держать ради рѣдкости. Только вотъ что я вамъ скажу: если вы теперь такой,—вы посмотрите на себя: глаза горять, губы раскрыты, брови сдвинуты—вы меня чуть зарѣзать не готовы; ну, что-бы это было, если-бы вы были моимъ мужемъ?.. Въ томъ-то и бѣда, другъ мой, что у васъ у всѣхъ убѣжденіе сложилось, что вы властители міра, а мы—существа, созданныя для васъ... Какъ нашъ священникъ отецъ Иванъ говоритъ: «Хорошо быть женатымъ: придешь домой—жена, самоваръ»... Вы вѣдь для самовара женитесь, чтобы вамъ тепло было. Вы и любите-то всѣ изъ эгоизма, и подарки-то женѣ дарите за то, чтобы она васъ любила...

— Какой цинизм! пробормоталъ онъ.

— Цинизмъ! передразнила она. — Скажите пожалуйста, а если жена ваша завѣдомо живетъ съ вашимъ пріятелемъ и васъ терпѣть не можетъ,—вы будете ей черезъ день подарки возить, какъ-бы ее ни любили?

— Да это очень естественно,—протестовалъ онъ.

— Всѣ вы эгоисты, у всѣхъ у васъ самолюбіе выше головы, всѣ вы дрянъ препорядочная. Пустите,—я хочу впередъ...

— Нѣтъ, я не пущу,—со злостью отвѣтилъ онъ, заслоняя дорогу.

Она вдругъ круто повернула назадъ, ударила коня по шеѣ, и во весь духъ понеслась по дорогѣ.

— Лизавета Борисовна! кричалъ онъ, во всю прыть догоняя ее.—Лизавета Борисовна!

Она не слушала и скакала впередъ. Онъ шпорилъ свою лошадь насколько могъ. Вотъ она все ближе, ближе, вровень съ нимъ.

— Лизавета Борисовна!

Она не слушала.

Онъ опередилъ и круто сталъ поперекъ дороги.

— Куда вы ѣдете?

— Домой. Пустите.

— Не пущу.

Она попробовала взять вѣвю, но онъ загоразивалъ проѣздъ всѣмъ тѣломъ лошади.

— Не пущу; кончимте разговоръ.

Краска бросилась ей въ лицо, губы сжались, глаза вспыхнули.

— Вы меня сейчасъ пропустите,—тихо и настойчиво сказала она.

Онъ вызывающе смотрѣлъ на нее, выправившись на сѣдлѣ и даже какъ будто улыбаясь.

Она вдругъ подняла хлысть, между бровей явилась складка, углы рта опустились. Такою онъ никогда ее не видалъ.

— Дайте дорогу!

Онъ покачалъ головою.

— Нѣтъ!

Она размахнулась, и во всю силу ударила хлыстомъ. Онъ только немножко стѣжился, когда хлысть впился ему въ шею. За то лошадь разгорячилась отъ удара. Она поворотила въ сторону и поскакала въ лѣсъ, въ самую чащу.

Онъ невольно провелъ рукою по шеѣ: что-то было больно и вздулось. Онъ точно не понялъ, что произошло, постоялъ съ минуту, и тихою рысью поѣхалъ вслѣдъ за нею. Онъ не видѣлъ ее, только приостанавливаясь слышалъ, что сухія вѣтви трещать подъ копытами.

Вотъ, наконецъ, мелькнула она. Тихо ѣдетъ, и голову понурила. Лошадь идетъ съ какимъ-то недоумѣніемъ: она не привыкла ходить шагомъ по такой дорогѣ.

И вотъ они опять рядомъ, и оба молчать.

— У васъ подпруга разстегнулась,—сказаль онъ.

— Да, я чувствую, что сижу на боку,—отвѣтила она.

— Надо подтянуть,—сказаль онъ.

— Надо,—отвѣтила она.

Онъ привязаль свою лошадь и подошелъ къ ней. Она высвободила ногу изъ стремени и сняла другую съ луей. Онъ протянулъ къ ней руки.

— Какъ вамъ не стыдно доводить меня до этого,—сказала она, все еще сидя на лошади. — До чего я дошла, мнѣ самой себя стыдно... Гадкій!..

Онъ взяль ее крѣпко за талию, она всѣмъ корпусомъ подалась впередъ, и вдругъ — для удобства, должно быть—охватила его шею руками...

Такъ онъ и сняль ее съ лошади.

1884 г.

СВЯТОЧНЫЕ ОГНИ.

Рождественская сказка.

I.

лампа, и печва такъ ярко горѣли. Онъ сидѣлъ въ своихъ креслахъ и читалъ. Онъ читалъ порывисто, нервно и жадно. Ему такъ нравилось чтеніе: порою онъ радостно улыбался.

Онъ былъ учитель. Просто учитель, самый обыкновенный человѣкъ, да и преподавалъ-то, вдобавокъ, русскій языкъ. Къ нему ходили товарищи и пили пиво, и онъ тоже ходилъ къ нимъ, только пилъ мало. Онъ больше говорилъ, а его любили слушать. Онъ пользовался вообще любовью товарищей, хотя ему завидовали; говорили: «ахъ, какъ ему хорошо и спокойно; онъ холостъ, семьи нѣтъ, онъ обезпеченъ и счастливъ; чего ему еще надо?»

Но никто не зналъ одного: не знали, что онъ самолюбивъ. А онъ былъ настолько самолюбивъ, что когда его оскорбляли, онъ молчалъ. Онъ считалъ униженіемъ имѣть дѣло съ человѣкомъ, который способенъ оскорбить. Это принимали за незлобіе и кротость. «Посмотрите, — говорили про него, — сколько въ немъ смиренія».

Когда же дома онъ оставался одинъ, онъ начиналъ

ненавидѣть всѣми силами души тѣхъ, кто оскорблялъ его. Но слезы не душили его, и злость не трепетала въ его груди. Можетъ быть это и очень хорошо бываетъ въ романахъ, что пишутъ умные и хорошіе писатели, но въ жизни, особенно здѣсь, и слезы-то замерзнуть, если заплачешь зимою.

Онъ не плакалъ. Какое-то необычайное торжество мести охватывало его. Онъ шагаль по кабинету, съ злобнымъ сознаніемъ того, что нѣтъ преступленія, которое рано-ли, поздно-ли не было наказано. Равновѣсіе поддерживаеъ міръ. И вотъ, въ силу этого-то равновѣсія, онъ и способенъ все снести.

Но у него книга была. Книга въ сафьяномъ переплетѣ, съ застежками. Все только бѣлая бумага. Онъ вписывалъ сюда все, что видѣлъ, все то дурное, весь тотъ накипь жизни, что постоянно былъ передъ его глазами. За много лѣтъ онъ велъ эту лѣтопись. Съ каждымъ годомъ она росла, и съ каждымъ годомъ все мрачнѣе и мрачнѣе картины разворачивались въ ней. Чѣмъ дальше онъ жилъ, тѣмъ уже, тѣмъ опредѣленнѣе смотрѣлъ онъ вокругъ себя, и тѣмъ больше страданій и горя разливалось по этимъ четко исписаннымъ ровнымъ почеркомъ страницамъ.

И въ тѣ дни, когда передъ Рождествомъ кончались занятія, когда онъ встряхивался, наконецъ, отъ вѣчной сутолоки, онъ къ вечеру разворачивалъ свою книгу и съ жадною радостью пробѣгалъ свою лѣтопись скорби. Онъ улыбался, потому что чувствовалъ побѣдителемъ себя, а не ихъ, этихъ угнетателей. Порою онъ вскакивалъ въ порывѣ веселья.

— А—а, вотъ вы, вотъ вы какъ!.. А когда, много лѣтъ спустя, будетъ судъ потомства, тогда какъ? Тутъ не поддупишь. Тутъ правда, правда одна...

Онъ хлопалъ по книгѣ ладонью и съ любовью гладилъ ее.

— Ты за меня, ты отомстишь! Отнесу, передамъ въ хранилище, завѣщаю вскрыть черезъ двадцать-пять лѣтъ послѣ смерти. Тогда увидятъ, все увидятъ, все поймутъ, тѣ, кому дано это понять...

Весело, празднично горятъ святочные огни во всемъ городѣ, но нигдѣ нѣтъ такого довольнаго, такого радостнаго лица, какъ у него. Ну что скорби, что страданья! Все это преходяще, когда знаешь, что наступитъ мигъ, когда все это исчезнетъ. Исчезнуть и эти люди, что пренебрегаютъ имъ, что оскорбляютъ его. Погаснуть тѣ огни, что горятъ теперь, загорятся новыя, и такъ же будутъ собираться около нихъ лиеущіе люди, которые и не родились еще теперь, и такъ же будутъ надѣяться на что-то, пока имъ на смѣну не нагрянетъ новое поколѣніе. А книга останется.

Вотъ въ привычку у него вошло, именно теперь, на Рождествѣ, и за весь годъ, перечитывать свой дневникъ. Какъ онъ бережно хранитъ его. Но куда бы, куда въ надежныя руки отдать его послѣ себя?...

II.

Весело пылаютъ по городу рождественскіе огни, но у него они что-то хмуро горятъ въ этотъ годъ. Да еще бы. Онъ самъ лежитъ на столѣ вытянутый, длинный, и читальщикъ протяжно читаетъ надъ нимъ при мерцаніи восковой свѣчи. Такъ тихо, тоскливо. Только изрѣдка забрябаютъ бубенцы, и тройка по скрипучему свѣгу промчится мимо окна. Слышно, какъ ямщикъ

гаркнетъ и какъ постепенно замретъ въ морозной дали шумъ безшабашнаго веселья.

Онъ пересталъ думать. Онъ теперь ужѣ не думаетъ. Даже о своей мести забылъ. Да и книга-то, когда положилъ онъ ее въ послѣдній разъ передъ болѣзнью на шкафъ, провалилась за него и застряла. Да и обтерлась она какъ-то за послѣдніе годы, словно ржавчиною какою покрылась. Такая темная, скоробленная стала. А онъ думалъ о ней передъ смертью, но все какъ-то смутно, все мысль не хотѣла на ней сосредоточиться, все перескакивала на другіе предметы, о которыхъ онъ совсѣмъ не желалъ думать. Но вѣдъ съ этою болѣзнью развѣ сладишь, она все время спорить и въ тискахъ держать.

Тамъ, въ этой книгѣ, много, очень много вѣрныхъ и хорошихъ мыслей, тамъ много горя, да настоящаго горя, не придуманнаго. Тамъ ключъ, тамъ разгадка этому человѣку, что легъ такъ неподвижно на столъ въ форменномъ вицъ-мундирѣ и съ чиномъ коллежскаго совѣтника. Души нѣтъ въ немъ, но душа перешла и осталась въ книгѣ. А книга лежитъ въ пыли за шкапомъ.

А вотъ въ той книгѣ, что читаетъ теперь надъ нимъ псаломщикъ, тоже много есть скорби, очень много, но все же какъ-то выходъ тамъ есть, нѣтъ той безысходности. Жаль, что некому слышать псаломщика. Всѣ уходятъ тотчасъ послѣ паннихиды, и никто не остается.

А онъ съ чувствомъ читаетъ. И среди бровей коллежскаго совѣтника какая-то странная складка замѣчается, точно онъ разобратъ силится, вслушаться— и не можетъ.

* * *

III.

— Это, мама, что же за книга?

Она взяла ее въ руки и посмотрѣла.

— Это жиль у насъ жилецъ. Два года назадъ умеръ. Все тогда съ аукціона продали, а эта, надо полагать, за шкапомъ и осталась. Ишь переплеть-то какой...

— Мама, отдай намъ.

— А что тутъ въ серединѣ?

Она развернула.

«...въ чемъ же и есть подобіе Божіе,— читала она,— какъ не въ томъ, что человѣкъ способенъ творить и созидать. А что же дѣлаетъ Прохоръ Федоровичъ, его превосходительство: то, что было созиждено, и то разрушаетъ. Картина регрессивнаго шествія...»

— Переплеть я отдамъ,— сказала она,— а середину надо вырѣзать, и лучше всего сжечь. Это что-то духовное. Вотъ вечеромъ будутъ къ ужину жарить гуся, такъ и положите подъ плиту.

Такъ весело было въ этотъ вечеръ. Елка горѣла огнями,—пряники, леденцы, звѣзды. Почтенные старички сидѣли за столами и играли въ карты. Въ гостиной подъ елкою игралъ ящикъ съ музыкою.

— Дѣти, плита затоплена,— сказала хозяйка.

И шумною гурьбою побѣжали дѣти, съ большою охабкою исписанной, пожелтѣвшей бумаги. Ее нельзя было положить всю сразу, стали бросать понемногу.

Огонь началъ перечитывать страницу за страницю. Онѣ скручивались, чернѣли, краснѣли и уносились въ трубу. Наконецъ, послѣдній листъ дымомъ улетѣлъ наверхъ.

— Дѣти, кто хочет танцевать! раздался призывъ изъ гостиной.

Весь рой кинулся туда, перегоняя другъ друга, роняя по пути стулья и табуреты. Всѣ прыгали и повторяли:

— А какой гусь будетъ за ужиномъ, какой чудесный гусь будетъ!...

1885 г.

НА РЕЛЪСАХЪ.

очка была теплая, тихая. Лѣсъ стоялъ недвижный, безлиственный, спокойный. Земля, еще упитанная едва стаявшимъ снѣгомъ, точно дышала. И что-то одуряющее, веселое, молодое слышалось въ этомъ дыханіи. Сквозь сонъ, правда чуть замѣтно, но все-же бился пульсъ оживающей природы. Зимніе голоса смолкли. На смѣну имъ пришли новыя весенніе, еще невнятные, но живые звуки. Задорный лепетъ ручьевъ—первый лепетъ ребенка-весны, уже переходилъ въ гулкій шумъ и беспокойное роптанье.

Накось, черезъ сырую ложбину, перекинулось высокое полотно. Рельсы смутно чернѣли тонкими полосками, убѣгая куда-то въ даль, въ темнѣющіе лѣса. Избушка сторожа бѣлѣла подѣ откосомъ. Гдѣ-то тамъ, возлѣ роши, далеко горитъ на пути огонь,—это слѣдующая сторожка. Тишина, — словно этотъ живой, вѣчно гремящій шумными поѣздами путь отдыхаетъ для сегодняшней ночи.

Въ полуверстѣ отъ полотна, въ дряхлѣющей сельской церкви зажглось такъ много огней. Скудны доходы этой церковки, и прихожане бѣдны, а сколько

блеску, сколько огня для сегодняшняго праздника. Пусть въ избахъ и скучно, и темно, и грязно, что до того, когда здѣсь свѣтло, чисто, радостно. И лохмотья куда-то исчезли. Рубахи все чистыя, только-что вымытыя, сарафаны на иныхъ бабахъ съ иглочехи, а съ лоснистыхъ кудрей сельскихъ парней такъ и сочится коровье масло. Волостной старшина, кабатчикъ, писарь, урядникъ,—всѣ на лицо. И приставъ общалъ прѣхать. Сельская учительница даже надѣла на лѣвую руку браслетъ. Звонарь уже давно сидитъ подъ колоколами, и досадно ему, что еще осенью пропилъ онъ свои карманные часы, что подарилъ ему баринъ, съ которымъ онъ на куликовъ хаживалъ, и пропилъ-то всего за три рубля. За то старшина надѣлъ двое часовъ, и батюшка можетъ поэтому не посылать пономаренка къ себѣ домой, смотрѣть на часы съ кукушкою, а справляется о времени у этого почтеннаго сановника, продушившаго весь алтарь смазными сапогами.

У самаго полотна, присѣвши на запасныя шпалы, курилъ трубочку сторожъ, отставной рядовой Василий Мухинъ. Возлѣ него вертѣлась свѣтлоглазая дѣвочка, въ новенькомъ платицѣ, съ ленточкою на головѣ. Она вмѣстѣ съ отцомъ все поглядывала въ синѣющую даль, и очень была недовольна.

— Ну что-же, тятка, онъ неидетъ? спрашивала она.

— Срокъ еще не вышелъ. ну и неидетъ.

— Поскорѣй-бы онъ прошелъ, тятка. Мы съ тобою сейчасъ тогда въ церковь.

— И чего ты, дура, съ мамкою не пошла?

— Не хочу я съ мамкою, съ тобою хочу. Мамка съ Ванькою пошла, а я съ тобою пойду.

— Да, жди—вотъ скоро-ли мнѣ свобода-то вый-

деть. Гдѣ онъ, поѣздъ-то. Можетъ... кто его знаетъ, что тамъ такое...

— Можетъ людей что поубивало?

— Тьфу ты, типунъ тебѣ, сорбка! Нѣшто въ нынѣшнюю ночь можетъ что-нибудь такое произойти?

— А сегодня, тятка, вѣдь ночь совсѣмъ особенная?

— Говори еще! Извѣстно, Воскресенье...

— Да вѣдь воскресенье-то важную недѣлю?

— Такъ то какое воскресенье! Такъ—маленькое. А сегодня—Пасха. Ишь ты, въ церкви-то какъ свѣтло, ровно день. Начнуть, поди, сейчасъ.

Онъ выбилъ трубку и сунулъ ее сердито за пазуху. Дочка рядкомъ присѣла.

— Тятка, а для чего Бога на крестъ прибили? начала она.

— Чтобы чувство въ людяхъ было.

— Это какъ-же?

— Чтобы чувствовали. Если Онъ, Господь Богъ нашъ, на этакой мукѣ, такъ что-же намъ-то? Мы что? Черви ползущіе, тля. Мы покоряться должны.

— И Онъ такъ позволилъ себя гвоздицами здоровенными и въ руки, и въ ноги?

— Такъ вотъ насквозь. И въ бокъ еще копьемъ вдарили, и колѣнки перебили...

— Чувства, значить, у тѣхъ, у человѣковъ-то, не было.

— Одервенѣли, братецъ мой. Это бываетъ. Вонъ въ ротѣ у насъ былъ солдатикъ Никифоровъ. И чѣмъ его больше порютъ, тѣмъ онъ дервенѣеть больше. Первое ему дѣло рѣзаться. Коли долго крови не видитъ, въ азартъ войдетъ. Кота прирѣжетъ, либо щенка какого. Такой былъ песъ, прости Господи! Ужь какъ его лупили: и по мордѣ, и межъ крылецъ, и розгами драли,

а онъ только чернѣетъ. На послѣдокъ совсѣмъ почернѣлъ: ровно голенище сталь...

— Вѣдь такой, тятъба, на все пойдеть: и винты съ рельсовъ вывинтить.

— Ему что! Онъ на рубль винтовъ продасть, а тамъ ему хошь весь поѣздъ въ щепы разнеси—наплевывать.

— Намедни Митька сталь гайку отвертывать...

— А! ишь ты, паршивецъ!..

— Я увидала. Ахъ ты! говорю, вотъ я тятъбѣ сважу, онъ-те накладеть!

— Ужъ накласть-бы... Не пожалѣлъ: вихры-то новыя отращивать пришлось-бы...

— А ты, тятъба, что-же сегодня тутотва сидишь, а не тамъ, у садиеа?

Сторожъ повернулъ къ ней голову.

— И до всего ты доходишь, вездѣ тебѣ носъ сунуть хочеться. Сижу, значитъ надо...

Онъ помолчалъ, подумалъ, постучалъ сапогомъ о землю.

— Шпалы тутъ штукъ пять въ рядъ,—нехотя заговорилъ онъ,—лядъ ихъ знаетъ, измочалились совсѣмъ: пальцемъ твнешь—ровно труха, и какъ разъ на самой сярѣпкѣ. Ужъ я тутъ и сижу.

— А что-же?

— Должѣнь-же я въ сомнительномъ мѣстѣ быть, потому служба. Не ровень часъ что—я тутъ.

— А вѣдь коли поѣздъ, тятъба, хватить въ сторону, не убѣгнешь: раздавить.

— Тутъ, братецъ мой, восточекъ не сосчитаешь... только мокренъко будетъ.

— Страшно, тятя!

— Чего страшно. Ничего не страшно.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, и остановился у тѣхъ шпалъ, что наводили на него сомнѣніе.

— Ишь ихъ какъ развезло,—подтвердилъ онъ, отбивая сапогомъ дерево цѣлыми кусками.—Ужь и дѣвѣ тоже ставятъ. Тенуть-бы ихъ сюда рыломъ, чтобы брюхо-то не очень росли... Давно-ли перемяна-то была,—третьимъ лѣтомъ.

Онъ опять потянулъ изъ-за пазухи трубку.

— Не слѣдъ-бы въ такое время,—проворчалъ онъ.— Ну, да еще утренняя не начиналась.

— Тятка, смотри, народъ-то такъ и подваливаетъ въ церкви.

— Еще-бы нейти. Таперь все, таперь вся Россія, можно сказать, идетъ. Старухи безногія на печакъ остались, да и тѣ на карачкахъ ползутъ, которая можетъ. Таперь всѣ должны быть, которые вѣрующіе...

— А вотъ вѣдь ты, тятка, не въ церкви.

— Я! Я на службѣ. Солдатъ, примѣрно, въ караулѣ, онъ на царской службѣ, онъ по уставу воинскому.

— И ты по уставу?

— Коли я сторожъ. Я хоть и «Обчеству» служу, а все одно—служба. Вотъ уйди я, и Боже мой, что можетъ такое сотвориться! Или вотъ стрѣлочникъ опять. Самая отвѣтственная точка. Не довернешь рычагъ, аль на проѣздѣ опустишь, такая каша—вагонъ на вагонъ... А поѣздъ-то этотъ самый важный: курьерскій. Шестьдесятъ верстъ въ часъ дерѣтъ.

— А это-же ѣздить на немъ?

— Генералы больше. Самые важные. И отъ инфантеріи, и отъ артиллеріи. Вотъ Скобелевъ былъ, и тотъ ѣздилъ всегда на курьерскомъ. Подушки мягкія, съ пружиною, малиновый бархатъ. И диваны, и газъ въ

вагонъ горитъ, и тепло по трубамъ идетъ, и умывальники устроены. На рессорахъ, такъ это покачивается.

— Хорошо имъ, тятя!

— На что лучше! Только и лупятъ съ нихъ. «Общество»-то тоже охулки не кладетъ на руку. Вы, говорить, на малиновыхъ подушкахъ желаете? Пожалуйте тридцать рублей. А нѣтъ—еще отдѣленіе секретное отпирають. Пожалуйте еще двадцать рублей... Хорошо наживають! А вотъ еще инженеръ ѣдетъ. Такъ тотъ страсть. И денегъ не платитъ, и все начальство мечется по угламъ, какъ зайцы.

— Чего-жь они?

— Боятся. Инженеръ—онъ хуже генерала для нихъ.

— Это которые строить?

— Ничего не строить. Ужь все построено. А онъ своей строительной наукѣ обучился, и сейчасъ ему мѣсто даютъ, чтобы за линією смотрѣть. Вотъ онъ и ѣдетъ, спитъ въ вагонѣ. Приѣдетъ на станцію—сейчасъ зельтерской воды,—и дальше. Трепеть на всѣхъ наводитъ. Ихъ кукуевцами дразнятъ. Обижаются.

— А какъ-же, тятя, они подъ такой большой праздникъ ѣдутъ?

— Кто ихъ знаетъ, можетъ больше тѣ, которые изъ нѣмцевъ. Имъ это все одно, коли поста у нихъ нѣтъ. Я въ деньщикахъ у поручика Блюхера жилъ, такъ они цѣлый постъ скоромное потребляли. Для нихъ и на станціи все мясное держутъ.

Дѣвочка прислушалась, голову наклонила.

— Ровно-бы торохтитъ поѣздъ-то?

— Постой, нишкни! Нѣ! Это такъ.

— Ждать долго.

— По всей линіи ждуть. У Завалиловки пассажирскій поѣздъ полтора часа въ полѣ стоитъ, ждетъ пока

этотъ прогонять. По чистой линіи прѣтъ, на станціяхъ, на мелкихъ, онъ не останавливается. И Господи, что за возня! Путь очищаютъ, жандармъ ругается, начальство все въ сборѣ, а на дворѣ въ ину пору снѣгъ, да холодъ,—только волки подвываютъ. Ждутъ, ждутъ, а онъ какъ пуля прямо—шмыгъ, и нѣтъ...

— А хорошо таперь, тятя, въ тепломъ вагонѣ!

— Извѣстно хорошо.

— А для чего-же таеъ скоро ѣздить они, тятя? Зачѣмъ имъ таеъ скоро?

— Нужда, стало быть. Во всѣхъ земляхъ таеъ ѣздить. Въ Турціи ужъ на что—и то. Оно точно, что особенно и спѣшить-то нѣкуда. Вѣдь вонъ ѣздить-же на волахъ—и ничего, къ спѣху поспѣваютъ. А это ужъ таеъ, мода, чтобы сейчасъ здѣсь, сейчасъ тамъ. Нынче все на спѣхъ. Ѣдятъ на спѣхъ, пьютъ на спѣхъ. Въ вагонъ садутъ, таеъ у всѣхъ губы чаемъ ошпарены. За то скоро. Старики не повѣрили бы. Таперь вонъ изъ Петербурга въ Москву на одинъ день на именины ѣздить. Поручикъ Блюхеръ безъ отпуска уѣзжалъ: отпросится и уѣдетъ. Конечно, баловство одно...

Звонарь гулко хватилъ въ колоколь. Звукъ замеръ, словно на мгновеніе, и потомъ широкою, свободною волною прокатился по ложбинѣ. Василій Мухинъ снялъ шапку и началъ креститься.

— Смотри, тятка, вона съ хоругвями таянутся,—звонко закричала дочка, и стала показывать вдаль пальцемъ. — Вона идутъ, и фонарь впереди. Фонарь хотѣлъ Мишка Безрукій нести.

— Бѣжи туда, Танька, поспѣешь. Ну чего тебѣ тутъ, нехорошо.

— Нѣ, я боюсь одна.

— Чего бояться? Въ такую ночь ничего бояться не надо.

— Нѣтъ, ты что же одинъ. Я не хочу. Всѣ въ церкви, всѣ молятся, а ты тутъ одинъ на рельсахъ. Все же я буду, по крайности, съ тобою.

Отецъ посмотрѣлъ на нее сверху.

— Ишь ты какая! Отцу, мошь, скучно. Ну, братъ, это хорошо.

Онъ даже отвернулся и сталъ глядѣть въ сторону: это значить, что ужь очень былъ онъ доволенъ.

— Ну, Христось воскресъ! пробурлилъ онъ, наклоняясь къ ней.

Она обвила рученками его шею и стала цѣловать въ жесткіе, пропахнувшіе махоркою усы.

— Тятя, а я два яйца принесла, — внезапно радостнымъ шепотомъ заговорила она, — чтобы намъ разговѣться.

— Чтò ты, глупая! Да нѣшто можно несвященныя яйки ѣсть? Вотъ, погоди, матка изъ церкви придетъ.

Танька опѣшила.

— А я думала... начала она, и не договорила. Очень ей обидно было на свою догадливость.

— Да ты сама-то ѣшь, ты ребенокъ, тебѣ можно.

— Нѣ... мамка заругаетъ!

— Я не сважу, ѣшь.

— Нѣ... Вмѣстѣ будемъ, — что-жь я безъ тебя.

Онъ опять на нее покосился.

— Ну, сиди голодная.

Помолчали маленько.

— Какъ въ лавку пойду, — началъ онъ, — сосулекъ куплю тебѣ. Хотѣлъ сегодня, да удосузиться не могъ.

Положимъ, онъ вралъ: никакихъ сосулেকъ онъ сегодня покупать не собирался.

— Тятя, вонъ вокругъ всё пошли. Красиво-то какъ... А и народищу-то что. И вѣтру нѣтъ, не колыхнеть.

— Таперь, какъ утромъ солнце играть будетъ, заговорилъ онъ, — на самомъ всходѣ.

— Это какъ же?

— А такъ: играетъ, играетъ, переливается, ровно бы смѣется. На Рождество вотъ тоже! Такъ бы и смотрѣлъ все, не налюбовался...

— Тятя, поѣздъ! вдругъ взвизгнула она.

Мухинъ быстро прынулъ съ мѣста. Три знакомыхъ чудовищныхъ огненныхъ ока сіяли вдали.

— Пошла долой съ пути! Закаляешься тутъ съ тобою, какъ разъ не досмотришь.

Дальній гулъ и грохотъ покрылъ далекое церковное пѣніе. Огнистый паръ рвался изъ трубы и летѣлъ куда-то въ бокъ.

— Экъ ихъ дуетъ, запоздали, такъ нагоняють, — ворчалъ сторожъ, направляя фонарь на встрѣчу паровозу.

Рельсы глухо стонали. И звонъ колокольный словно сталъ слабѣе. Въ тишину ночи ворвался новый шумъ и покрылъ собою всё звуки ночи. Ближе онъ, ближе. Рельсы режутъ и звенятъ. Три глаза мечутъ яркіе снопы лучей. Паръ рвется и бѣснуется надъ трубою: шипятъ поршни, визжатъ цѣпи; машинистъ вытянулся и смотритъ куда-то впередъ. Вотъ летятъ вагоны — ярко освѣщенные, теплые, мягкіе. И сквозь не спущенныя сторы видно, что они пусты, что нѣтъ никого тамъ, что никому не нужно въ эту ночь никуда ѣхать. Вотъ и задній вагонъ, и красный фонарь, и нѣтъ ничего,

все умчалось въ даль, наполнивъ воздухъ дымомъ и шумомъ. И шумъ утихаетъ, замираетъ, и опять колоколъ гудитъ, и оповѣщаетъ міру, что Христосъ воскресъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, когда ни этихъ колоколовъ. ни этихъ поѣздовъ не было...

— Ишь черти, пустой поѣздъ гоняютъ,—сердито проворчалъ Мухинъ, и потушилъ фонарь.

— А теперь въ церковь не пойдешь, тятка?

— Когда-жъ мнѣ итти, коли черезъ пятьдесятъ минутъ товарный пойдетъ.—Пошла одна.

— Нѣ, посижу... Ты завтра сосулекъ купишь?

— Ахъ, ты,—сама-то сосуля. Право сосуля, да еще копеечная. Ну, давай балакать. Тоже Богъ дочку послалъ...

И присѣли они опять на шпалы, и стали опять поджидать другіе огненные глаза, съ другой стороны. А ночь весенняя, теплая, летѣла надъ ними...

Апрѣль 1887 г.

КУЛИСЫ.

I.

ТѢНЬ ОТЦА ГАМЛЕТА.

Ghost.— Oh, horrible! Oh, horrible!
most horrible!

Hamlet, Act I, Scene V. 80.

оньордїй Архипелаговъ, воспитанникъ Н—ской семинаріи, испытывалъ неизъяснимый трепеть. Несмотря на свой колоссальный ростъ, соотвѣтственные мускулы, равно какъ и горловыя струны, вибраціей коихъ онъ потрясалъ своды городского собора, ради вящаго умиленія купечества и не малой гордости властей— не смотря на такія средства, при которыхъ, не обладая особой застѣнчивостью, можно избить ослиной челоюстью полчища филистимлянъ — все-же онъ трепеталъ. Трепеща вступилъ онъ на подъѣздъ гостинницы, трепеща пряталъ въ карманы долгополага хитона свои красныя склизкіе пальцы, трепеща озирался, и тихо спросилъ у швейцара:

— Артистъ мѣстной драматической труппы, Иванъ Ивановичъ Крутогоровъ, здѣсь стоитъ?

Швейцаръ посмотрѣлъ на него не безъ недоумѣнія: онъ боялся принять его за «человѣка», но въ тоже время сомнѣвался, чтобы это былъ «баринъ».

— Семнадцатый номеръ, второй этажъ, по коридору, — лаконически отвѣтилъ онъ, показывая на лѣстницу бровями и глазами.

Конкордій Архипелаговъ весь встряхнулся, какъ мокрая собака, и началъ шагать своими необычайно худыми и длинными ногами. Онъ безо всякаго усилія переставлялъ ихъ сразу ступеней черезъ пять, такъ что буфетный мальчишка, бѣжавшій навстрѣчу съ огромнымъ подносомъ, на которомъ стояло маленькое блюдо съ ломтикомъ лимона, — съ удивленіемъ прижался къ стѣнѣ и глядя на его ноги пробормоталъ:

— Ишь... ишь...

Въ коридорѣ втораго этажа Архипелаговъ остановился и окончательно упалъ духомъ. Онъ не рѣшался взяться за ручку ярко-вычищеннаго замка. Онъ, затавивъ дыханье, смотрѣлъ на фигурно-выписанную цифру номера, и чувствовалъ, какъ сердце его прыгаетъ и рвется въ груди... «Ровно-бы архіерей на экзаменѣ по философіи», — невольно пришло ему въ голову.

Но нельзя-же стоять на посрамленіе проходящихъ. Надо войти. Ему припомнилась кротость царя Давида, Руѡ на нивѣ Вооза; онъ перекрестилъ себѣ пуговицу и скрипнулъ дверью.

Въ комнатѣ было накурено. На столѣ въ безпорядкѣ стояли вчерашнія бутылки, на доньшкѣ которыхъ темнѣли остатки жидкостей, извѣстныхъ на Руси подъ именемъ иностранныхъ винъ. Грязный самоваръ, уставшій кипѣть, порою печально всхлипывалъ. Направо въ углу, у печки, стоялъ колоссальный сундукъ, а поверхъ него, на старыхъ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» были разостланы пестрыя принадлежности какаго-то костюма, обшитаго севернымъ позументомъ и еще болѣе северной бахромой. У стола, въ куцомъ сѣромъ

пиджачкѣ, сидѣлъ невзрачный, взѣршенный, коротенькій господинъ съ папиросою въ зубахъ, мастеровитый какую-то необычайную шляпу. При входѣ гостя онъ оглянулся,—и гость тотчасъ сообразилъ, что это «онъ самъ».

— Имѣю честь рекомендоваться,—пролепеталъ онъ, прижимаясь спиной къ двери,—семинаристъ Конкордій Архипелаговъ...

Не смотря на слабо-трепещущій голосъ, и скромный видъ вошедшаго, Крутогоровъ сразу поднялся со стула—до того впечатлѣніе было грандіозно:—казалось, въ комнату вошелъ человекъ долго лежавшій подъ прессомъ, безконечно вытянувшійся кверху и книзу. При словѣ «Конкордій»—стаканъ звякнулъ въ унисонъ, и въ окнѣ что-то задрезжало даже...

— Чѣмъ могу служить? спросилъ Крутогоровъ, и тотчасъ-же прибавилъ:

— Прошу покорнѣйше садиться.

* * *

— Не изволили-ли вамъ говорить что либо обо мнѣ почтеннѣйшій Семенъ Александровичъ? спросилъ Архипелаговъ, конфузливо глядя сверху на актера. Его ужасно стѣснялъ ростъ: кажется, чего-бы онъ не далъ въ эту минуту, чтобы умалиться.

— Нѣтъ,—съ недоумѣніемъ отвѣтилъ Крутогоровъ, а что-съ?

— Почтеннѣйшій Семенъ Александровичъ говорили мнѣ, что передадутъ вамъ о моемъ страстномъ желаніи...

Онъ заикнулся, словно подавился.

— Нѣтъ, антрепренеръ мнѣ о васъ ничего не говорилъ.

— Запоматовали,—такъ-съ. Иначе и быть не мо-

жетъ. Они согласны-съ, а только вотъ позабыли... Они сказали, чтобы я непосредственно обратился къ вамъ, Иванъ Ивановичъ. Вы какъ артистъ, Иванъ Ивановичъ, какъ великій, можно сказать, артистъ, истолкователь, такъ сказать, Шекспира,—вы скорѣе можете судить, Иванъ Ивановичъ,—и сказать-съ: какъ и что-съ...

Иванъ Ивановичъ все-таки не понималъ:

— Вы, милѣйшій, мнѣ суть изложите.

— Дѣло идетъ о призракѣ, Иванъ Ивановичъ.

Иванъ Ивановичъ просилъ повторить это слово.

— О призракѣ,—невозмутимо повторилъ Архипелаговъ.—О призракѣ отца Гамлета... Семень Александровичъ говорили, что вы будете играть здѣсь Гамлета датскаго принца, и что необходимъ для этого призракъ, и что у меня есть всѣ, съ позволенія сказать, средства для такого изображенія.

Крутогоровъ еще разъ окинулъ его взглядомъ съ ногъ до головы и рѣшилъ, что дѣйствительно, средства у него подходящія.

— А вы играли когда-нибудь? спросилъ онъ.

— Не случилось,—съ сожалѣніемъ замѣтилъ семинаристъ.

— Да... Такъ это будетъ, пожалуй, затруднительно.

— Семень Александровичъ слышали, какъ я стихи читаю... Они очень умилились, и говорятъ: тебѣ-бы Шекспира...

— Ну, а вы не сконфузитесь?

— Помилуйте,—вѣдь на экзаменахъ-то хуже.—Опять-же Апостола читаемъ передъ губернаторомъ а тутъ до нѣкоторой степени въ гриммѣ призрака. Вѣдь полагаю, мнѣ въ натуральномъ видѣ выйти нельзя?

— Полагаю. Вамъ надо въ рыцарскомъ облаченіи..

Архипелаговъ радостно усмѣхнулся, и даже плечомъ повель, точно чувствуя на себѣ боевые доспѣхи.

— Это занятно-съ... Облаченіе картонное-съ?

— Не знаю-съ, — какое дадутъ. Не приважете-ли папироску?

И оба закурили.

— Я долженъ васъ предупредить, — началъ Крутогоровъ, что нѣкогда «Тѣнь» изображалъ самъ авторъ.

— Покойный Шекспиръ-съ?

— Да. Изъ этого вы можете заключить, какое значеніе онъ придавалъ роли. — Я тоже ей придаю значеніе.

При послѣднихъ словахъ артистъ такъ сморщился, построилъ такое выраженіе лица, что не оставалось никакого сомнѣнія въ солидарности его съ Шекспиромъ.

— «Тѣнь» должна... какъ-бы вамъ это объяснить?.. Она должна поднять принца.

Архипелаговъ выразилъ нѣкоторое недоумѣніе.

— То есть, понимаете, — послѣшилъ его собесѣдникъ, — поднять его духъ... Настроить его, дать камертонъ дальнѣйшей влѣтвѣ на мечъ. Понятно?

— Это можно-съ. Голосъ глухой долженъ быть?

— Да, замогильный.

Архипелаговъ крякнулъ какъ-то и опять стекла дрогнули въ оконномъ переплетѣ.

— Это выйдетъ. Докладываю вамъ, что я, какъ отецъ, стяжалъ въ нѣкоторомъ родѣ извѣстность по городу. Меня затрудняетъ проникновеніе слуховъ до начальства, касательно моего участія въ театральномъ представленіи. Все-же театр-съ и носящій, такъ сказать, языческую маску... Я желаю предаться этому совершенно втайнѣ...

Голосъ его вдругъ дрогнулъ, точно онъ снова поперхнулся.

— И я, Иванъ Ивановичъ,—молящимъ тономъ заговорилъ онъ,—осмѣлился-бы попросить васъ не разглашать насчетъ этого событія. Это могло-бы повліять на дальнѣйшее мое прохожденіе курса. Но дѣйствительно стараю отъ страсти къ сценѣ, Иванъ Ивановичъ. Мнѣ Семень Александровичъ предлагали въ прошломъ мѣсяцѣ играть, но я почелъ непристойнымъ участіе въ опереттѣ «Прекрасная Елена», хотя-бы и въ роли Ахиллеса: танцованіе и пѣніе не идетъ въ составъ моихъ предположеній...

Иванъ Ивановичъ согласился съ нимъ, сказавъ, что оперетта,—это временный нарывъ, который рано или поздно лопнетъ, и что послѣдствія такого нарыва могутъ быть ужасны: они могутъ заразить здоровое общественное тѣло.

* * *

О пріѣздѣ господина Крутогорова N—скія газеты давно уже трубили. Мѣстный «Листокъ» даже напечаталъ его біографію, гдѣ говорилось о томъ успѣхѣ, которымъ пользовался «истолкователь Шекспира и Шиллера» не только всюду по Россіи, но и въ столицахъ. Классическій репертуаръ у г. Крутогорова доминируетъ, говорилось въ «Листкѣ», и это слово *доминируетъ*—ужасно понравилось N—ской публикѣ: оно стало моднымъ, вошло въ разговоръ. Пріѣздъ Крутогорова состоялся въ заранѣе опредѣленный телеграммами часъ, и нѣсколько разочаровалъ собравшихся «почитателей таланта». Хотя сундукъ, прибывшій съ актеромъ, былъ великъ, за то онъ самъ ужасно плюгавъ и малъ ростомъ. Лицо его было съ отеками отъ выпивки и безсонныхъ ночей. Онъ выслушалъ на платформѣ вокза-

ла привѣтствіе, которымъ его встрѣтилъ представитель печати, редакторъ «Листка» Федоренко, и снисходительно замѣтилъ, что надѣется оправдать довѣріе общества. Но когда ему предложили завтракъ на вокзалѣ, онъ отказался, заявивъ, что къ «манифестаціямъ» онъ не привыкъ. Держалъ онъ себя довольно изолированно и гордо: дамъ, которыя сунулись было къ нему съ выраженіемъ сочувствія, онъ не допускалъ. Съ визитами ни къ кому не поѣхалъ, но навѣстилъ свою старую пріятельницу, купчиху Снѣжкову, супругу богатѣйшаго въ городѣ коммерсанта, пылавшую непроборимой страстью ко всѣмъ артистамъ вообще, а къ трагикамъ по преимуществу.— «Листокъ» въ восхищеніи оповѣстилъ читателей, что артистъ выступаетъ въ «Гамлетѣ», этомъ величайшемъ твореніи англійскаго поэта. Говорили о Крутогоровѣ очень много, потому что слышали о немъ еще больше. Вообще ждали его дебюта съ нетерпѣніемъ.

Весьма понятенъ, въ силу вышесказаннаго, тотъ хладный трепеть, который охватывалъ семинариста во время бесѣды съ истолкователемъ Шекспира. Когда Конкордій простился съ нимъ, вышелъ на улицу, и его обдуло свѣжимъ вѣтеркомъ,—тутъ только онъ нѣсколько опомнился. На душѣ его было свѣтло и радостно. Онъ даже останавливался порою и полною грудью вдыхалъ воздухъ. При переходѣ черезъ низкій деревянный мостъ, висѣвшій надъ оврагомъ и рѣчкой, онъ остановился, облокотился на перила и такъ долго смотрѣлъ на воду и травку, тамъ прорывавшуюся сквозь ея поверхность, что вобругъ него даже начали собираться. Наконецъ онъ опомнился, и побѣжалъ къ Семену Александровичу съ радостнымъ извѣстіемъ, что «онп» согласился.

Медлить нечего было: послѣ-завтра шелъ «Гамлетъ». — Конкордію вручили крупно и северно написанную тетрадь, заключавшую въ себѣ роль «Тѣни» по переводу господина Загуляева. Крутогоровъ былъ артистъ современный, какъ онъ самъ говорилъ — «человѣкъ нервовъ и рефлекса», почему и не могъ играть по одному переводу: одну сцену онъ игралъ по Загуляеву, другую по Полевому, третью по Кронебергу, четвертую по Вронченко. Даже отдѣльныя фразы онъ слѣплялъ какъ мозаику, по разнымъ переводамъ. — Онъ очень гордился этимъ мѣсивомъ и всегда говорилъ:

— Могу сказать, что такая обработка стоила мнѣ труда: я думаю, въ отношеніи добросовѣстности трактовки, никто за мной въ «Гамлетѣ» не угонится. Да и много-ли насъ, Гамлетовъ, теперь въ Россіи? Въ Одессѣ — Игнатъевъ-Козликовъ, въ Харьковѣ — Чаровниковъ, да въ Москвѣ, на казенной сценѣ — Онѣгинъ, — вотъ и всѣ.

Архипелаговъ училъ свой монологиче всю ночь на пролетѣ, закутавшись въ простыню, сидя въ своей кунурѣ, вымазавъ себѣ физиономію мѣломъ и вглядываясь однимъ глазомъ въ осколокъ зеркала, торчавшій на столѣ рядомъ съ огаркомъ. Къ сожалѣнію, онъ не могъ во всю силу читать роль, чтобы не поребудить товарищей. Его-бы квартирная хозяйка согнала моментально съ двора. Да при томъ, онъ серывалъ почти отъ всѣхъ свое дерзкое предпріятіе.

Если-бы кто заглянулъ къ нему въ маленькое окно мезонина, — онъ непремѣнно изумился-бы необычности картины. Конкордій сидѣлъ на табуретѣ и раскачивался длиннымъ тѣломъ взадъ и впередъ, бормоча роль и строя гримасы. Простыня бѣлыми складками драпировалась на немъ; — подъ простыней у него ничего не было, и поэтому худоба выдавалась еще рельефнѣе.

Его шёпотъ глухо гудѣлъ по комнатѣ, какъ вѣтеръ въ трубѣ; кулаки судорожно сжимали тетрадь. Свѣчка неровно горѣла, пламя прыгало и мигало, за стѣной щелкали часы и храпѣлъ кто-то,—но онъ ничего не слышалъ...

Добился онъ того, что свой преступный пылъ
Супругъ онъ моей, измѣнницъ, внушилъ,
Ей, добродѣтелью прославившейся прежде...
О, Гамлетъ, гдѣ-же жить обманчивой надеждъ,
Когда и тутъ гнѣздо ужъ свило преступленья!
Да! Страшно было матери твоей паденье!

О, какъ ясно ему рисовалась эта картина! Злой, ехидный родственникъ овладѣваетъ короной; благороднѣйшій принцъ, вмѣсто того, чтобы вступить на престолъ, терзается муками сомнѣній...

Ни разу данныхъ клятвъ ничѣмъ не нарушала,
Вдругъ промѣнять на гнуснаго мерзавца!

Слово «мерзавца» у него выходило особенно сильно, каждый разъ, когда онъ его произносилъ, въ углу то-варищи всхрапывалъ сильнѣе, и разъ даже спросилъ: «а?» Часы били и два, и три, пѣтухи запѣли, а онъ все зубрилъ:

...и вотъ
Какъ потерялъ я, сонный, мой вѣнецъ,
Существованье и супругу...

Пѣтухи еще разъ запѣли, по улицамъ не было ни прохожихъ, ни проѣзжихъ. Въ комнатѣ стало холоднѣе, звѣзды стали блекнуть, и роль его какъ разъ подошла къ концу:

Свѣтящій червь ужé блѣднѣетъ, возвѣщая,
Что утро близко.

Онъ повалился на кровать, сунулъ ноги въ промежутокъ желѣзной рѣшетки (цѣликомъ онъ на постели

не умѣщался) и захрапѣлъ съ остервенѣніемъ, съ сознаниемъ своего права на отдыхъ, и съ чистымъ сердцемъ.

* * *

Пришелъ онъ на репетицію такъ рано, что даже плотниковъ не было на сценѣ. Ходя по темнымъ и сырмъ закоулкамъ, онъ ощущалъ невольное благоговѣніе. Мрачный зѣвъ зрительной залы смутно чернѣлъ въ глубинѣ. Дрожь охватывала его, онъ сжималъ и безъ того смятую тетрадку, и все бурчалъ про себя: «о, страшно, страшно, страшно несказанно!»—Онъ надѣялся такъ взять эту фразу, какъ не вытянуть и соборному протодіакону.

Наконецъ, начали собираться. Семень Александровичъ добродушно похлопалъ его и освѣдомился о здоровьѣ. Примадонна, игравшая Офелію и явившаяся въ шляпѣ съ цѣлымъ кустомъ мака, прищурившись спросила:—«это что за цапля?» Крутогоровъ былъ далеко не такъ любезенъ, какъ у себя въ номерѣ: вдобавокъ онъ такъ морщился и потирался, словно у него были спазмы въ желудкѣ. Но желудокъ его былъ здоровъ, а это онъ хотѣлъ казаться передъ всѣми озабоченнымъ и очень талантливымъ.

Первая сцена, конечно, пропускалась — и призракъ являлся непосредственно принцу. Когда дѣло дошло до его выхода. Семень Александровичъ подскочилъ къ Крутогорову.

— Родной мой, а какъ намъ быть съ «Тѣнью»? люеъ что-то плохо дѣйствуетъ... даже можно сказать совсѣмъ не дѣйствуетъ,—ни взадъ, ни впередъ...

Крутогоровъ ужасно сморщился.

— Это жаль... Да, какъ-же вы, милѣйшій, не озаботились?.. Въ такомъ случаѣ... Пусть онъ за дерево зай-

детъ что-ли... Какъ будто пропаль... Нельзя-же за кулисы ему просто уйти... Или, во всякомъ случаѣ, вы хоть калоши ему резиновыя что-ли надѣньте, что-бъ не слышно было.

— У меня, Иванъ Ивановичъ, другая комбинація: если проложить рельсъ, да выкатить его на телѣжкѣ? Эффектецъ? Ась? Яко бы плыветъ по воздуху?...

Крутогоровъ потеръ себѣ лобъ.

— Идея недурна... Хотя я никогда не примѣнялъ такого способа передвиженія къ «Гамлету»... Дал прокатить его, такъ что за камнями и кустами не было-бы видно низа... Идея недурна...

— А сбоку электричествомъ дернуть?

— Да, это можно... Такъ и распорядитесь ..

Онъ обратился къ Архипелагову и сказалъ.

— Начнемъ!

Тотъ кашлянулъ въ кулакъ, да такъ зычно, что Офелія подпрыгнула на скамейкѣ.

— Точно труба изъ апокалипсиса,—объяснилъ Семень Александровичъ.

Когда Архипелаговъ проговорилъ первую фразу: «взгляни мнѣ на лицо», стѣны дрогнули, разговоры смолкли.

— Нѣтъ, послушайте,—это слишкомъ,—остановилъ его Крутогоровъ.—Такъ нельзя: вы публику испугаете. Скажите это вполголоса.

Онъ сказалъ вполголоса, но и это оказалось неудобнымъ,—пришлось съѣхать на четверть.

А въ четверть голоса вышло великолѣпно: это былъ такой могучій, такой низкій басъ, онъ такъ гудѣлъ въ пустомъ театрѣ, словно надъ сценой въ набатъ били. Читалъ стихи онъ чудесно,—чувства въ немъ была бездна;—когда онъ сказалъ:

Внимай, внимай, внимай, и если ты
Родителя любишь...

у него въ голосѣ зазвенѣли слезы.—Крутогоровъ объ одномъ только просилъ: не повышайте гóлоса: не повышайте и выйдеть дивно.—Зналъ онъ роль превосходно,—такъ что суфлеръ, сидѣвшій верхомъ на будѣѣ, и ѣвшій мятныя лепешки, только покряхтываль. Ни одного замѣчанія не пришлось ему сдѣлать; Семень Александровичъ, тотъ даже руки кинулся ему пожимать. Архипелаговъ расцвѣлъ не хуже мака на шляпѣѣ Офеліи.

Портной его пригласилъ примѣрить латы. Всякое вооруженіе оказывалось ему мало, и выглядѣло совсѣмъ игрушечнымъ. За то крошечная головка его положительно утопала въ широкомъ шлемѣ съ забраломъ и конской гривой. Шея упрямо вылѣзала изъ всѣхъ воротниковъ, какъ-бы они высоки ни были: пришлось навертѣть на нее всякаго тряпья, чтобы только прикрыть. вмѣсто плаща дали ему кусокъ стараго неба, по краямъ котораго налѣпили изъ серебряной бумаги бордюрки. Впечатлѣніе получилось странное, и во всякомъ случаѣ подходило къ представленію о выходцѣ съ того свѣта. Семень Александровичъ остался доволенъ, и велѣлъ только на спектаклѣ окутать его самымъ легкимъ газомъ, флеромъ, крепомъ, чтобы совсѣмъ получилась безформенная, неопредѣленная фигура.

Вообще Семень Александровичъ былъ очень доволенъ, тѣмъ болѣе, что Архипелаговъ игралъ у него за три рубля...

* * *

Нужно-ли говорить, въ какомъ волненіи находился Конкордій въ день спектакля? Онъ не могъ ничего

ѣсть: передъ его глазами носилась величественная фигура покойнаго короля, которая вечеромъ поразить театръ. И этотъ король будетъ онъ! Онъ поразить!

Крутогоровъ тоже пріятно волновался. Онъ рѣшился въ этотъ вечеръ окончательно покорить комммерсантку Снѣжкову, какъ своимъ талантомъ, такъ и пластичностью движеній. Ему въ этомъ дѣлѣ именно долженъ былъ поспособствовать Архипелаговъ: воспользовавшись хорошей «Тѣнью», онъ рѣшился прибѣгнуть къ нѣкоторой мимикѣ, до сихъ поръ имъ не практикованной, и къ нѣкоторымъ граціознѣйшимъ позамъ, неотразимымъ по своей картинности. Потому-то онъ обратилъ особенное вниманіе на Архипелагова и гриммировалъ его самъ.

Вышло нѣчто ужасное! По блѣдно-мертвенному лицу проступили коричневыя пятна, глаза провалились, носъ необычайно бѣлѣлъ и выдвигался впередъ чуть не на четверть аршина. Когда Конкордій подошелъ къ зеркалу, его самого отбросило и онъ только пробормоталъ:

— Страховидно, весьма страховидно!

Но за то осмотръ телѣжки, назначенной для вывоза «Тѣни» на сцену, не мало смутилъ Крутогорова. Это была низенькая платформа, катившаяся по рельсамъ, отъ нея шла черезъ сцену веревка на простомъ блокѣ.

— Э-эхъ,—какъ-же безъ вѣрота,—сказалъ онъ,—вѣдь это толчки будутъ.

— Мы лѣгонечко,—успокоилъ плотникъ.—Они говорятъ, что на ногахъ крѣпки.

— Все-таки на платформѣ надо упоръ сдѣлать. Палку прикрѣпите, что-ли...

— Когда-же теперь, помилуйте,—зававѣсь поднимаютъ...

Крутогоровъ выругался и бросился къ Семену Александровичу.

— Дайте ему пику. Пусть онъ хоть о нее обопрется, чтобы упоръ былъ... Вѣдь это, чортъ знаетъ что!

Изъ кладовой, гдѣ лежалъ всякій бутафорскій хламъ. вытащили длиннѣйшую пику, съ какимъ-то еще значкомъ. Архипелаговъ поналегъ на нее, и сказалъ:

— Ничего, выдержитъ!

Предчувствіе близкой бѣды беспокоило Крутогорова. У него неотвязно вертѣлась въ головѣ мысль: что если «Тѣнь» отъ внезапнаго толчка упадетъ — этакая махинуца рухнетъ! Архипелаговъ говорить, что онъ на конькахъ умѣетъ, — да вѣдь это все не то...

Однако занавѣсъ пришлось поднимать. Крутогоровъ закутался въ потертый бархатный плащъ и опустил грустный взглядъ долу; изрѣдка онъ его поднималъ, и встрѣчался взорами съ коммерсанткой Снѣжковой — Снѣжкова порывисто дышала, впившись въ бинокль. Ея пышная грудь и обнаженные плечи трепетали, брильянты горѣли огнями на шеѣ. Даже вѣеръ что лежалъ у нея на колѣняхъ, привязанный серебрянымъ жгутомъ къ талии, — и тотъ припрыгивалъ. Она чувствовала, что Крутогоровъ играетъ только для нея, для нея одной...

Весь монологъ онъ прочелъ, обращаясь къ ея ложѣ. И какъ онъ глядѣлъ, ахъ какъ онъ глядѣлъ на нее въ эти минуты! Сколько чувства, страсти было вложено въ него!.. И никому въ залѣ и въ голову не пришло, что принцъ въ это время думаетъ: «не сплочовала бы только подлець-тѣнь...»

Перемѣна декораціи. Театръ гремитъ. Аплодисменты. Аплодируютъ всѣ, даже дамы, — а Снѣжкова усерднѣе

всѣхъ. Крутогоровъ посылаетъ ей спеціальныи поклонъ. Онъ поразилъ ее въ самое сердце. Побѣда! Побѣда!

На сценѣ бьетъ полночь. Принцъ кутается отъ холода; за сценой вальсъ и пушечныи выстрѣлы. Гамлетъ съ трепетомъ, украдкой посматриваетъ въ ту сторону, откуда долженъ выѣхать его покойный родитель. Онъ съ ужасомъ думаетъ:— а что если телѣжку не смазали, и колеса будутъ пищать на каждомъ поворотѣ?...

Но вотъ шепелявый Гораціо схватываетъ его за руку, «смотрите, принцъ,—идеть!»

Гамлетъ глянулъ,—и, дѣйствительно, въ ужасѣ опустился на землю.

Длинная, сухая, безформенно-сѣрая фигура, озаренная электричествомъ, приближалась къ нему. Она приближалась порывистыми толчками, по мѣрѣ того какъ плотники дергали за веревки. Что ни толчокъ, съ «Тѣнью» дѣлались судороги: она, соблюдая равновѣсіе, присѣдала, кланялась во всѣ стороны, балансировала то на одной ногѣ, то на другой, махая копьемъ, — ну словомъ мучилась отъ необычайныхъ страданій. Но лицо ея было мертвенно и безжизненно...

Это было дѣйствительно страшно. Крутогоровъ кое-какъ прочелъ свой монологъ, и приготовился къ рѣчи призрака...

Дошла очередь говорить ему... Призракъ крикнулъ, да такъ, что у бѣднаго принца волосы стали дыбомъ. Мало того, онъ отплюнулся въ сторону, и вытеревъ губы пробасилъ:

— Взгляни мнѣ на лицо!..

Но принцъ не рѣшался взглянуть, тѣмъ болѣе, что сплошной хохотъ стоялъ въ залѣ... Онъ въ адскихъ мукахъ лежалъ у ногъ тѣни и ждалъ—скоро-ли, скоро-ли, скоро-ли конецъ!

А «Тѣнь» не смущалась нисколько,—она чудесно читала свой монологъ, все повышая и повышая голосъ почти до степени громоваго раската:

О, будьте прокляты преступные дары,
И ты, лукавое, ласкательное слово...

Глаза при электричествѣ горѣли злобѣщимъ, фантастическимъ блескомъ... Въ театрѣ притихли, успокоились: за кулисами царило безмолвіе, даже въ коридорахъ, въ швейцарскихъ слышны были могучіе перекаты. Въ первыхъ рядахъ раздавалось сдержанное «браво, браво!».

Но принцъ, лежа во прахѣ, думалъ объ одномъ: «Господи! опять его потянуть, опять онъ закувырбается. .>

...Прощай, прощай, прощай,—

гудѣло надъ нимъ—

И помни объ отцѣ, безвременно погибшемъ.

Плотникъ потянулъ веревку, «Тѣнь» внезапно присѣла, потомъ выпрямилась, крякнула, подалась впередъ, попала копьемъ въ дерево, покачнулася, поправила съѣхавшій шлемъ, и въ корчахъ поѣхала далѣе...

Все пропало! Театръ стоналъ отъ хохота.. Хохотала до слезъ и коммерсантка Сибѣжкова...

1885 г.

II.

Статуя командора.

осѣтитель, котораго капельдинеръ ввелъ въ «контору», былъ гладко выбритый, нѣсколько подслѣповатый старикъ, съ какой-то растеряностью на морщинистомъ лицѣ и суетливой предупредительностью движеній.

Иванъ Федоровичъ Колокольцевъ, антрепренеръ театра, высокій, неуклюжій господинъ съ растрепанной шевелюрой и длинной дряблой шеей, посмотрѣлъ на него нѣсколько подозрительно.

— Три раза былъ у васъ, Иванъ Федоровичъ,— заговорилъ старикъ— и не могъ добиться у васъ аудіенціи. Между тѣмъ, имѣю до васъ дѣло безотлагательной надобности.

Ивана Федоровича эта «безотлагательная надобность» повидимому интересовало очень мало. Онъ небрежнымъ жестомъ предложилъ гостю сѣсть на старый клеенчатый стулъ, и самъ сѣлъ тутъ-же, у чернаго обтертаго стола, замѣнявшаго въ конторѣ бюро.

— Я вѣдь очень занятъ,— возразилъ онъ, выдвигая изъ стола ящикъ съ бумагами, и шаря что-то по угламъ.— Вы господинъ Курепинъ, если не ошибаюсь?

— Да-съ.

— Вы не родственникъ актрисы Курепиной, что два года тому назадъ сгорѣла на сценѣ Бобыльскаго театра?

— Я отецъ...

Иванъ Федоровичъ поднялъ на него глаза; руки его перестали шарить. Что-то похожее на сочувствіе загорѣлось въ этомъ взглядѣ. Но оно тотчасъ-же смѣнилось прежнимъ холоднымъ блескомъ.— «Чортъ возьми, не на бѣдность-ли пришелъ просить», невольно мелькнуло у него въ головѣ.

— Я зналъ вашу дочь,—заговорилъ онъ, отгоняя отъ себя непріятную мысль о вспомоществованіи.— Прекрасная была актриса, да и женщина прекрасная...

— Ахъ, что это было за существо! невольно вырвалось у старика.— Нѣту, Иванъ Федоровичъ, нѣту теперь такихъ...

— Она служила у меня,—продолжалъ Колокольцевъ, все шаря въ ящикѣ,—полтора сезона служила. Хорошая была актриса, чудесная. Не случись съ ней этого несчастья, я всегда съ удовольствіемъ-бы заключилъ съ ней условіе.

Онъ нашелъ то, что повидимому искалъ, какую-то бумажку, и помакнувъ ржавое перо въ банку, замѣнявшую чернильницу, сталъ что-то царапать.

— Да,—говорилъ онъ, не открывая глазъ отъ пера,— да, мы съ нею друзья были, большіе друзья.— У нея дѣвочка была крохотная,—гдѣ-же она теперь?

— Внучка со мною.

— А!... И что же, скажите, оставила ваша дочь послѣ себя чтонибудь?

— Пустяки-съ. Деньгами рублей двѣсти,—да вещами. Деньги ушли на внучку, а вещи я припряталъ въ надежныя руки:—далъ слово не трогать: выростетъ внучка—тогда и получить.

— А-а, похвально, похвально...

Иванъ Ѳедоровичъ хвалилъ своего гостя полу-машинально, потому что глаза все-таки не открывались отъ клочка бумаги.

— Но вообще мы въ ужасномъ положеніи,—продолжалъ Курепинъ.—И если вы дѣйствительно, какъ говорите, были другомъ покойной Нади...

«Такъ и есть, такъ и есть», подумалъ Колокольцевъ, и брови его сморщились, а ржавое перо еще скорѣе запрыгало по бумагѣ.

— Помогите, Иванъ Ѳедоровичъ. Господь васъ не оставитъ. На картофель и яйца денегъ нѣтъ. Дѣвочка только и питается что чаемъ. Вѣдь растеть она, ей пища нужна питательная... Я вѣдь не денегъ у васъ прошу,—быстро прибавилъ онъ,—а мѣстечко хоть какое-нибудь, хоть плохенькое...

— Вы актеръ развѣ? удивился Колокольцевъ, и даже глаза на этотъ разъ поднялъ.

— Какъ-же-съ, играть доводилось, и много играть. Теперь ужъ я лѣтъ десять не выходилъ на сцену... А прежде я далеко не безызвѣстенъ былъ.

— Вы что-же играли-то?

— Игралъ-то любовниковъ, потѣмъ комиковъ... А теперь—что прикажете...

— Мѣсть у меня въ труппѣ нѣтъ.

Иванъ Ѳедоровичъ вынулъ конвертъ, вложилъ въ него записку, и началъ подписывать.

— Хоть какое-нибудь,—повторилъ Курепинъ.

— На какое-нибудь вы не пойдете. Вонъ мнѣ плотникъ нуженъ: вѣдь вы этого дѣла дѣлать не станете? Ну то-то вотъ и есть.—Василій! громко кривнулъ онъ, не вставая и не поворачивая головы.

На зовъ его вошелъ тотъ самый капельдинеръ, что

введь Курепина въ контору, черноглазый мальчикъ лѣтъ четырнадцати.

— Эту записку снесешь по адресу, ськазаль Колокольцевъ,— да позови ко мнѣ Евстафія Игнатъича, живо!

Мальчикъ хлопнулъ дверью. и за нею послышались его быстро-удалявшіеся шаги.

— Такъ какъ-же-сь, Иванъ Ѳедоровичъ?

— Да такъ-же-сь. Что-же я вамъ могу сдѣлать, коли мѣстъ нѣтъ? Пришли-бы мѣсяцемъ раньше, когда я труппу набираль, ну, другое дѣло. А теперь у меня все полно-сь.

Курепинъ вздохнулъ, съезжился, и голова его такъ и ушла въ вытертый воротникъ стараго сюртука.

* * *

Пискливая дверь конторы опять отворилась и черезъ порогъ перекатился маленький Евстафій Игнатъевичъ—режиссеръ господина Колокольцева.

— Ну, что? спросилъ его Колокольцевъ.

— Да что-же,—отрезвится къ вечеру. До спектакля-то еще четыре часа—очувствуется до тѣхъ поръ.

— Я его штрафовать буду, рѣшительно заявить Иванъ Ѳедоровичъ.— Что это въ самомъ дѣлѣ,—ни одного дня покойнаго нѣтъ,—нельзя ни за одинъ спектакль поручиться. Вы знаете Сморгкова? обратился онъ къ Курепину.

Тотъ встрепенулся, и сразу даже не понялъ, что его спрашиваютъ.

— Какъ-же, какъ-же,—служили вмѣстѣ. Онъ тоже вторымъ комикомъ былъ-сь; не знаю какъ теперь, а прежде очень былъ не притокъ.

— Теперь хуже: пьянъ ежедневно.

— Да и тогда было тоже-съ... Мы съ нимъ на однѣхъ роляхъ были,

Вдругъ Колокольцевъ поднялся съ мѣста: очевидно, его осѣнила какая-то мысль. Онъ взялъ Евстафія Игнатьевича за пуговицу, и повелъ его въ уголь.

— Слушайте, сказалъ онъ, — вотъ этотъ (онъ кивнулъ на сидѣвшаго у окна Курепина) просится на сцену. Сморчковъ человѣкъ нужный, но запиваетъ. Если взять этого для острастки, можетъ и Сморчковъ остепенится.

— Что-жь, можетъ быть, — согласился Евстафій Игнатьичъ.

— Вѣдь это приемъ извѣстный. Не ѣсть собака молока, — стѣдить подозвать кошку, — такъ она сейчасъ изъ жадности все сожретъ, чтобъ другимъ не досталось. Если на этотъ случай сего кавалера взять?

— Для устрашенія?

— Именно для устрашенія. Вы какъ на этотъ счетъ?

— Можно. Приемъ достаточно хитрый.

— А вы сколько-бы желали жалованья? спросилъ Иванъ Федоровичъ, подходя къ посѣтителю.

Тотъ всталъ, сгорбленный такой, жалкій.

— Да что положите, Иванъ Федоровичъ.

Колокольцевъ еще разъ на него посмотрѣлъ. Въ глазахъ старика было что-то знакомое ему, — то самое, что нѣкогда свѣтилось въ чудесныхъ глазахъ дочери. Антрепренеру какъ-то жутко стало: «сгорѣла, сгорѣла на сценѣ, совѣтъ, — брр...» Онъ повелъ плечами.

— Мнѣ некогда, — проговорилъ онъ, взявъ съ окна цилиндръ, и придавая лицу ту значительность, которую онъ никогда не могъ себѣ придать. — Вотъ Евстафій Игнатьичъ переговорить съ вами. Если ваши требова-

ни благоразумны, то вы придете къ соглашенію. А теперь мнѣ надо къ полицеймейстеру на обѣдъ...

— Богъ, Богъ васъ вознаградитъ, — захлебывался старикъ, потрясая его руку...

Колокольцевъ не любилъ ничего такого чувствительнаго. Всю жизнь вращаясь въ театрѣ, онъ такъ разувѣрился во всѣхъ проявленіяхъ аффектовъ, что когда кто предъ нимъ плакалъ, онъ говорилъ:

— А нѣтъ—вы посмотрите, какъ моя примадонна плачетъ,—роскошь, удивленіе!

Но тутъ, сегодня, ему показалось, что можетъ быть и искренно всхлипнулъ этотъ старикъ.

«Впрочемъ—коли жрать нечего, поневолѣ будешь всхлипывать, — рѣшилъ онъ: — всегда натурально выйдетъ»

Даже сознаніе какого-то исполненнаго долга, чувство какого-то удовлетворенія наполнило его, когда онъ, сходя съ крыльца театра, сталъ натягивать перчатки.

— Да и этого скота, Сморчкова, надо проучить,—бормоталъ онъ, шагая по тротуару.—Онъ знаетъ, что нуженъ—и потому negliжируетъ обязанностями. Посмотрю, какъ онъ запоетъ, когда увидитъ дублера.—Двухъ зайцевъ значитъ разомъ: съ одной стороны—скота подтянешь, съ другой—христіанскую добродѣтель совершишь... Мило!

* * *

Евстафій Игнатъичъ предложилъ старику зайти въ погребокъ и выпить пива—тамъ и сговориться.

— Влюбленъ, влюбленъ въ вашу дочку былъ,—говорилъ онъ послѣ третьяго стакана.—Я тогда еще суфлеромъ былъ. Всѣхъ она своимъ вниманьемъ дарила, о всѣхъ помнила. Бывало все жалованье раздастъ. У меня до сихъ поръ ея подарочекъ—порт-сигаръ сереб-

ряный—послѣ своего бенефиса она подарила. Доброты была несказанной.

Курепинъ отлично зналъ, что его Надя была несказанной доброты, и ему рѣшительно не надо было этого напоминать и рассказывать. Но приходилось изъ вѣжливости слушать.

— А ужъ талантъ-то былъ, талантъ! Ей,—кабы въ Петербургъ или Москву во-время она попала—ужъ какая бы ея судьба была!.. Скажите—ну, а какъ-же несчастье это съ нею произошло?

Онъ не любилъ вспоминать про «несчастье». Ну что вспоминать? Охота переживать старое горе, старыя затянутыя раны ворошить. Но тутъ неловко было отказать.

— Да какъ произошло? Подошла на репетиціи слишкомъ близко къ рампѣ, платье легкое—вспыхнуло; бросилась бѣжать—насилу поймали. Закидали ее коврами, потушили,—да поздно ужъ было—грудь обгорѣла, и бока тоже. Черезъ трое сутокъ умерла.

— Ай-яй-яй! Ай-яй-яй! покачалъ головою режиссеръ.

— И какъ она умирала, — ахъ какъ она умирала, кабы вы знали! Пѣла она. Понимаете: обожженная-то вся,—въ пузыряхъ и въ ранахъ! Лежить подъ голубымъ своимъ пологомъ и тонко-тонко словно ребенокъ, выводить потки. Вотъ Офелію-бы такъ играть.—А потѣмъ съ дѣвочкой, съ дочкой прощалась.—Ухожу, говоритъ, отъ тебя; свидимся-ли—не знаю, да теперь-то мы расстаемся... Ну, и ушла. Ушла совсѣмъ. Все была, все была съ нами—и смѣялась, и веселилась, и вдругъ нѣтъ.

Старикъ широко раскрылъ свои вѣчно-прищуренные глаза.

— И куда она, и гдѣ она—никому невѣдомо. Положимъ, ее зарыли въ землю, это всѣ видѣли. Но развѣ

это та была? Это было ужь совсѣмъ другое,—это остатокъ того живого, а не живое. И вотъ теперь, до сихъ поръ я съ этимъ такъ и не примирился, такъ и не понялъ...

— А какъ она «Василису» играла! Боже мой какъ играла, — вдругъ почему-то сообразилъ режиссеръ.

— Вотъ Лизута, внучка моя теперь—портретъ ея живой,—продолжалъ Курепинъ.—Божество! Красота! Ею дышу, живу для нея. Чего бы мнѣ, старому псу, на сцену-то поступать? Чтобы ей тепло было. Все прожили, что прожить было можно. Ну и работать буду и работать.

— Вы въ деньгахъ не нуждаетесь-ли? осторожно предложилъ Евстафій Игнатьевичъ.

— Натурально,—какъ же иначе и быть-то можетъ, чтобы я не нуждался... Ни гроша въ карманѣ.

Режиссеръ порылся въ порт-мона, и вытащилъ сложенную въ восемь разъ трехрублевую бумажку.

— У меня больше съ собой нѣтъ. Вотъ пожалуйста.

Въ лицо Курепина винулась краска; но это не было ни негодование, ни стыдъ,—это была неожиданность. У него даже въ горлѣ спазмъ сдѣлался.

— Да, да,—заговорилъ онъ, для чего-то развернувъ ее, словно хотѣлъ удостовѣриться — точно-ли это деньги.—Вѣдь вы, вѣдь вы знаете, что вы сдѣлали этимъ... вѣдь внученька... внученька сегодня горячаго супца поѣсть. Вѣдь она двѣ недѣли ничего такого...

И старикъ уже не слушалъ Евстафія Игнатьевича. Онъ уже не могъ сидѣть на мѣстѣ: онъ вертѣлся и оглядывался по сторонамъ.

— Горяченькаго, горяченькаго, — твердилъ онъ, и его безкровныя губы улыбались такою блаженною улыбкой...

— Такъ насчетъ условій сговориться-бы? началъ было Евстафій Игнатьевичъ.

— Условій? Что хотите, то и положите. По совѣсти; по сердцу. Ну какія условія? Увидите—чего достоинъ—то и положите. Не обидите несчастныхъ, а? Вѣдь грѣхъ обижать...

* *
*

Курепинъ поднялся по скрипучей лѣстницѣ во второй этажъ сѣреньяго повосившагося дома. Онъ несъ подъ мышкой нѣсколько сверточковъ; изъ кармановъ рыжаго пальто тоже глядѣли какія-то бумажки.

— Ну, какъ дѣла? встрѣтила его хозяйка возившаяся у печки. Иначе какъ черезъ хозяйскую кухню ему нельзя было попасть къ себѣ.

— Хорошо, хорошо, влюеть, Матрена Васильевна!

— Ой-ли? значить и за квартиру скоро?

— Скоро, скоро! На службу поступаю.

Онъ радостно отворилъ дверь въ свою голубенькую комнатку. И какъ все тамъ ясно и весело было! И кривые стулья, и диванъ подпертый полѣномъ и занавѣсочка у Лизиной кровати: все это смѣялось, ликовало. А сама Лиза сидѣла на полу и ковыряла иглою какую-то тряпочку. Она весело посмотрѣла на него.

— Ну, дѣда, что? крикнула она.

— Закутимъ, дѣточка, закутимъ съ тобою. Смотри-ка, что я принесъ.

Дѣвочка бросила и тряпку, и иглоу, и такъ быстро вскочила на ноженьки, что, потерявъ равновѣсїе, чуть не шлепнулась на полъ.

— Яичекъ, дѣда?

— И яичекъ, и говядинки и хлѣба. Такихъ котлетокъ сдѣлаемъ, что и царь такихъ не кушаетъ.

Онъ положилъ свертокъ на столъ, и какъ былъ, въ пальто, подхватилъ съ пола внучку.

— Красавица ты моя, прелесть моя, божество ты мое! Покушаешь ты сегодня въ волю, милушка. Давно ты не кушала, какъ надо...

— Я хочу, дѣда, кушать, очень хочу...

— Знаю, знаю, внученька. Виновать я передъ тобою, старый, виновать. Не умѣю работать, — не наученъ ничему такому. И радъ-бы вотъ все для тебя сдѣлать, — вотъ, коли хочешь, сердце готовъ вынуть, отдать тебѣ, только-бы тебѣ хорошо было.

— Такъ котлетки будутъ, дѣда?..

— Будутъ, да еще съ картофелемъ. А картофель-то крупный такой, да рассыпчатый, да вкусный.

— Что-же у тебя денежки есть?

— Денежки, голубчикъ мой, денежки. Служить буду, хорошо буду, усердно служить, — и все для внученьки, для милой, для красавицы моей. Насколько силъ будетъ — настолько буду стараться. И получимъ мы денежекъ много-много, и закутимъ мы съ тобой, ой какъ закутимъ! Каждый день у насъ супецъ будетъ: горячій, наварный, вкусный.

Дѣвочка недоувѣрчиво на него посмотрѣла.

— Каждый день? усумнилась она.

— Каждый день. И платьице я сошью тебѣ новое, да не одно, а цѣлыхъ пять платьевъ — и ситцевыхъ, и шерстяныхъ, и всякихъ.

— Ты вотъ такое сдѣлай, какъ у мамы, вотъ такое.

Она показывала пальчикомъ на портретъ, что висѣлъ на стѣнѣ — и такъ не шель ко всему остальному убранству. Въ дорогой рѣзной черной рамѣ рисовалась прелестная головка. Губки улыбались такой свѣтлой, сияющей улыбкой. Въ глазахъ было столько блеска,

доброты, ласки. Платье на ней было открытое кружевное, съ большимъ букетомъ цвѣтовъ на плечѣ. И до чего она была похожа на дочь!

— Дѣда, такое, такое платье,—лепетала внучка, проводя ладонью по стеклу.—Пожалуйста, чтобы было совсѣмъ этокое-же.

— И такое сдѣлаемъ, — согласился дѣдъ. — Эхъ, Лизуточка, хоть-бы немножко, хоть вотъ капельку, самую каплюшечку улыбнулось-бы намъ счастье. Многимъ оно дается,—а насъ-то вотъ съ тобой и обошло...

— Развѣ мы такіе гадкіе, дѣда?..

— Ты-то хорошая, вотъ я, должно быть, гадкій.

— Нѣтъ, дѣда, ты хорошій, ты чудесный, лучше тебя никого нѣтъ.

Дѣвочка обвила его шею своею пухленькой рученкой.

— Ну, о чемъ-же ты плачешь, дѣда? не надо плакать, не смѣй! Если будешь плакать, и я заплачу.

Онъ спустилъ внучку съ рукъ, и смахнулъ наскоро слѣзы

— И не плачу я, совсѣмъ не плачу,—весело заговорилъ онъ,—и не о чемъ мнѣ плакать, когда у насъ есть картофель и яйца, и все, что угодно. Вѣдь поваръ-то я всамомдѣлшннй. Смотри-ко, какъ я тебѣ все приготовлю,—пальчики оближешь..

Онъ сбросилъ пальто и быстро сталъ перебирать пакетики.

— А что тутъ есть! лукаво заговорилъ онъ, развертывая пакетики, на которомъ была бумага потоньше,—только это надо послѣ котлетокъ.

— А что, что тамъ?

— Тамъ? Однимъ глазкомъ только позволю взглянуть,—однимъ глазкомъ только.

— Ну!

Она защурила одинъ глазъ и отъ этого бровь такъ смѣшно у нея наморщилась.

— Мармеладъ! крикнула она, и захлопала въ ладоши.—Дѣда, одну теперь,—всего только одну мармеладинку.

— А потомъ котлетку будешь кушать?

— Буду.

— Ну, такъ вотъ тебѣ двѣ. А что за это надо сдѣлать?

— Дѣда! милый!

И дѣвочка, подпрыгнувъ, повисла на шеѣ стараго дѣда

* * *

Всю ночь не спалъ старикъ. Не могъ—сна не было. А давно онъ не проводилъ такой чудесной ночи. Ночныя тѣни пугали его. Все эти стоны мерещились, и весь этотъ ужасъ. И потомъ мучила его мысль—ну что-же съ дѣвочкой-то будетъ? Ну какъ онъ воспитаетъ ее—да и будетъ-ли онъ въ силахъ? Старый такой онъ сталъ, и ноги и руки плохо что-то слушаются,—и ревматизмъ проклятый, и все. Ну, да и жизнь-то впроголодь даетъ себя знать. Да что онъ! Все это вздоръ! Пожилъ на своемъ вѣку много, много видѣлъ. Жена была,—молодою еще совсѣмъ потерялъ ее. Потомъ дочку выростилъ—красавицу, умницу, талантливую. Замужъ выдалъ—зять умеръ. Думалъ все-же старость провести въ покоѣ: денегъ у дочери много, хозяйствомъ заниматься времени ей нѣтъ,—а онъ это хорошо умѣетъ. И такъ-бы онъ вѣкъ-то свой прожилъ чудесно,—и вдругъ на-ко. .

Онъ сидитъ теперь у кровати Лизуты. Спитъ она, щеки розовыя пышутъ. Пухленькая бѣлая грудка открыта и колыхается на ней отъ дыханія рубашенка

— Эхъ, вученька, Лизуточка,—кабы мать была жива, не въ этой бы толстой рубашенкѣ ты ходила, а въ батистѣ, да въ шелку. Нигдѣ-бы твое нѣжное тѣльце не терла эта дерюга. Привыкла ты, ничего иного и не знаешь. А все я, старый, виноватъ,—ну не умѣю ничего дѣлать, не умѣю...

Не по силамъ на него свалилась задача, совсѣмъ не по силамъ. Былъ бы молодъ—кажется въ крючники бы на барку пошелъ, только бы каждый день копейки въ домъ приносить. А что же дѣлать, какъ вся сила ушла на кутежи, да всякую гадость. Вѣдь кабы знать, да вѣдать для чего силы-то хранить надо...

Вотъ спитъ Лизуточка. Счастлива, что мармеладу поѣла. Много-ли для счастья-то ей надо! Ахъ, хотъ бы такъ-то какъ теперь жизнь пошла, здоровья бы побольше, здоровья! А ну какъ онъ теперь заболѣетъ, да умретъ, что тогда! На кого тогда эта розовенькая дѣвочка останется, да что съ ней будетъ!.. Ахъ, и думать-то не надо... Отъ одной думы голова расколется хотеть...

Ну, да вотъ теперь поддержка: жалованье будетъ. Ну, небольшое: ну сорокъ—даже тридцать рублей,—и то хлѣбъ, да еще какой хлѣбъ-то! Много-ли имъ нужно, много-ли?..

И ночь сѣрѣтъ начинается, и сквозъ коленкорovou шторку ясиѣ и ясиѣ проступаетъ переплетъ окна. Голубые волнующіеся лучи тихо вползаютъ въ комнату, смутно играя то тамъ, то тутъ на неясно—проступающихъ сквозъ полумракъ предметахъ. И гонять эти лучи ночныя тѣни, и какъ-то свѣтлѣе становится не

только въ комнатѣ, но и на душѣ, и не текутъ такъ обильно слезы по морщинистымъ щекамъ.

— Надя, Надя! шепчетъ онъ передъ портретомъ, — не могу я ничего больше сдѣлать, — не въ силахъ, — ужь ты прости меня...

* * *

Въ десятомъ часу утра пришелъ вчерашній мальчикъ изъ театра, и сказалъ, что Иванъ Ѳедоровичъ приказали безпремѣнно явиться въ одиннадцать часовъ на репетицію: вечеромъ играть надо.

— Видите, видите! говорилъ Петръ Кириловичъ хозяйкѣ: — вотъ вамъ и служба моя началась, — вотъ ужь и по начальству меня требуютъ.

Онъ кутилъ во всю. Утромъ у нихъ былъ кофе со сливками и масломъ. Отъ трехъ рублей осталось только семьдесятъ двѣ копейки. Да вѣдь надо же разговѣться внучкѣ.

— Ты, дѣда, что-же, — скоро придешь? говорила она подставляя свои щеки для поцѣлуевъ.

— Скоро, милая, какъ удосужусь — такъ сейчасъ.

— Смотри — съ мармеладомъ!

Онъ чуть не въ припрыжку побѣжалъ по улицѣ. Морозецъ пощипывалъ, рыжее пальтишко грѣло скверно. Истопить потѣмъ надо дома, а то Лизутка зазябнетъ.

Иванъ Ѳедоровичъ встрѣтилъ его даже ласково. Руки обѣ пожалъ.

— Ну, вотъ, родной мой, спасибо за аккуратность, — спасибо, что во-время пожаловали. Вотъ что, батенька: сыграйте-ко вы статую командора сегодня. У насъ «Каменный гость», — и командора нѣтъ. Вы мужчина видный: хорошо у васъ выйдетъ.

Курепинъ смутился немного.

— Старъ я сталъ, Иванъ Ѳедоровичъ.

— Да вѣдь и командоръ не молоденькій, родной мой.

— Таеъ-то-таеъ—да пожалуй не выстою—шелох-нусь, плохо дѣло будетъ!

— Ничего, потерпите: долго-ли стоять-то. И голосъ у васъ глухой, старческій: самое настоящее дѣло. Не упрямитесь для перваго знакомства...

Если бы не это «первое знакомство»—онъ навѣрно отказался бы. Но теперь невозможно, неловко. Вдругъ разсердится Иванъ Федоровичъ, и отъ мѣста откажетъ. Да и три рубля впередъ взято.

— Хорошо, Иванъ Федоровичъ, — что-же дѣлать—сыграю.

— Ну, и спасибо,—премного обязанъ,—сейчасъ мы и репетицію начнемъ.

Вокругъ старика все были незнакомыя лица. Изъ прежнихъ его сослуживцевъ никого не было: либо перемерли, либо разѣхались по столицамъ. Только одинъ и былъ старый знакомецъ—Сморчковъ, вынырнувшій въ концѣ репетиціи изъ-за кулисы.

— Эгэ, братецъ, и ты сюда примазался,—заговорилъ онъ, пожимая ему руку и склался таеъ, что весь до половины беззубый ротъ былъ виденъ. Те-те-те, — ты не въ мой-ли соперники...

— Ну, милый, не великая честь твоимъ соперникомъ-то быть,—отвѣтилъ Курепинъ, ощущая невообразимый запахъ водки, которой насквозь былъ пропитанъ его собесѣдникъ.—Я тебѣ въ конкуренты неиду.

— Ну, это вы — ахъ оставьте: нутромъ чувствую, что здѣсь не безъ подвоха. Свинью мнѣ подложить собрались...

Курепинъ покачалъ головою.

— И совсѣмъ-то ты такимъ-же остался, какимъ

былъ прежде: невозможнымъ челоѣкомъ.—всюду тебѣ козни мерещатся...

— Ты зубы-то не заговаривай, — меня, братъ, не проведешь — воробей стрѣлянный. А ты лучше, по добру по здорову проваливай отсюда. Въ одной берлогѣ намъ не ужиться. Чего глаза-то выпучилъ? Слово тебѣ дам, что не жить тебѣ здѣсь.

— Ну, что мнѣ съ тобой разговаривать...

Курепинъ поворотился и хотѣлъ пойти, но Сморчковъ загородилъ дорогу.

— Ты думаешь, я забылъ, какъ ты спустилъ меня со второго этажа изъ окна? Ты полагаешь, я забылъ это? Нѣтъ, душенька, я все это помню, отлично помню. И если прежде боялся твоихъ кулаковъ, такъ теперь тебя, старой рухляди, не боюсь. Теперь мой праздник!

Этотъ лысый, ехидно-разинувшій ротъ челоѣчекъ былъ теперь чудесной моделью для дьявола, самаго подлаго дьявола, готоваго на всякую пакость.

— Пусти,—глухо заговорилъ Курепинъ.—Дѣлай, что хочешь, я отсюда не уйду. Пусти, мнѣ на сцену надо.

— А! ты не уйдешь, ты не уйдешь! Ну, хорошо: иди на сцену, только долго-ли ты пробудешь — посмотримъ. Статуя командора! Скажите, какая честь!.. Ну, посмотримъ, посмотримъ...

* * *

Вражда между ними была давнишняя. Началась она съ того, что жена Сморчкова, когда ее билъ мужъ, убѣгала къ Курепинымъ. Въ концѣ концовъ онъ довелъ ее до сумасшедшаго дома. Курепинъ былъ старше его гораздо, и сильнѣе и крупнѣе. Ненавидѣлъ его Сморчковъ всѣми силами души. Разъ, выпивши, Курепинъ его предупредилъ:

— Слушай, Митька, — ты мнѣ на глаза не попадайся, когда я не въ своемъ видѣ. Я тебя побью вѣдь, ей-Богу, побью. Ты самъ знаешь за что: за всѣ твои подлости и мерзости. Вѣдь стѣбитъ тебя побить, право стѣбитъ. Я по-дружески тебя предупреждаю: ой, избѣгай меня!

Сморчковъ не остерегся.—Пили какъ-то послѣ спектакля, и много пили. Сморчковъ сталъ подсмѣиваться надъ Курепинимъ: «поборникъ, моль, правды». Курепинъ взялъ его въ охапку и выбросилъ изъ окна. Комикъ пролетѣлъ полторы сажени и сѣлъ прямо въ бурьянъ, что росъ возлѣ дома. Дня четыре рука у него не поднималась, да нога все забирала въ сторону, — а потомъ прошло. Но въ головѣ его засѣла ненависть, самая черная ненависть къ Курепину. Онъ иногда ночью спрыгивалъ съ постели, когда слишкомъ ясно передъ нимъ возставала знакомая сцена: свѣчи, бутылки, прокуренный воздухъ, полуньянныя лица; и вдругъ все это колесомъ вертится, мигъ одинъ — и онъ въ бурьянѣ, на него смотритъ желтая луна, въ кустахъ трещать стрекозы, а наверху изъ окна слышится смѣхъ, и шумъ, и говоръ...

Порою онъ представлялъ себя жестокимъ мстителемъ: кинжалъ, плащъ, широкая шляпа и узкій переулокъ. Дужа крови и адскій хохотъ, — непремѣнно адскій хохотъ. Были минуты, когда онъ дѣйствительно былъ бы не прочь на преступленіе. Зарѣзать, разорвать, задуть...

А теперъ—теперъ этого не надо. «Онъ» безсильный, дряхлѣющій старикъ. Гдѣ ему бороться! Теперъ-то его и давить, и давить. Чувство мести съ годами-то хоть и поуспокойлось, и никакихъ убійствъ уже и въ голову-то ему не приходило, но прежнее ощущеніе, дав-

нишнее желаніе удовлетворить обиду все-таки осталось...

Это отлично понял Курепинъ. Онъ шелъ домой обезпеченный. Его не радовали семьдесятъ копеекъ, что бренчали на днѣ его широкаго кармана. Онъ машинально купилъ орѣховъ и изюму для внучки и пришелъ къ ней не такой, какъ вчера.

— Ну, что ты! Что съ тобой! — лепетала она, теребя его рученками за щеки. — Отчего ты вчера другой былъ?

Онъ смотрѣлъ прямо ей въ глазки, въ эти чудесные, чистые, милые глазки и такія смутныя мысли волновали его:

«На кого ты, дьяволь, покушаешься, на кого? — думалъ онъ. — На этого ангела, ребенка милаго, чудеснаго. — Да нѣтъ-же, не дамся я, не дамся, нѣтъ, — я буду, я буду стоять на своемъ, ну, что-же, что онъ мнѣ можетъ сдѣлать? Ничего! Вѣдь не отравить-же онъ меня, а ко всѣмъ его подлостямъ я совсѣмъ равнодушно относиться буду».

И онъ старался успокоиться, онъ силился себѣ представить, что все хорошо и благополучно. А между тѣмъ его руки дрожали, въ головѣ путалось. Въмѣсто радужныхъ цвѣтовъ все стало сѣренькимъ, аппетита не было никакого. Роль, — тѣ нѣсколько словъ, что говоритъ командоръ, — заучивалась такъ туго. Его беспокоило именно, что это была статуя, что тутъ гораздо больше можно подвести актеру каверзъ, чѣмъ въ любой живой роли. И сердце такъ сжималось, зубы стискивались, и даже на ласки Лизуты онъ не могъ отвѣчать какъ всегда...

* * *

Весь вымазанный мѣломъ, въ картонномъ плащѣ, стоялъ онъ передъ ржавымъ зеркаломъ и вглядывался

въ глущую фигуру. Бѣлки глазъ стали совсѣмъ красные, отъ контраста съ бѣлой штукатуркой щекъ. Силы его окончательно оставляли. Колѣни тряслись, мечъ въ рукѣ ходуномъ ходилъ. И на сценѣ-то онъ давно не былъ, да и этотъ Сморчковъ...

А народу тьма-тьмущая—бенефисъ чей-то. За кулисами особенное бенефисное оживленіе. Плотники, и тѣ словно попрігладились. Въ уборныхъ на столахъ водка и закуска. Сорокапятилѣтній Донъ-Жуанъ, изрядно подвыпившій, мрачно смотритъ въ пространство, покручивая наклеинные усы. Пахнетъ жирными красками, лакомъ, пивомъ и табакомъ. Старый, давно ему знакомый запахъ...

У лѣсенки уборной встрѣтился ему Сморчковъ.

— Хи-хи! засмѣялся онъ. — Позвольте поздравить съ первымъ дебютомъ. Какъ-то васъ публика вызывать будетъ...

Онъ ничего не отвѣтилъ, а осторожно переступая, чтобы не продавить плаща, пошелъ на сцену.

Его устави́ли на прочной тумбѣ. Онъ укрѣпился потверже и началъ креститься.

— За Бога взялся! — слышится сзади ироническій возгласъ комика.

Но онъ ничего не слышитъ. Онъ знаетъ только, что тамъ, въ сѣренькомъ домѣ, сидитъ у столика съ орѣхами и изюмомъ розовенькая дѣвочка и рассказываетъ хозяйкѣ: «Теперь дѣда въ театрѣ стоитъ и представляетъ статую...» У него теперь ужъ нѣтъ того еловотанья въ груди, онъ будто и вправду окаменѣлъ.

«Скрѣплюсь, скрѣплюсь,—думаетъ онъ. Нельзя такъ жить. Я старый огарокъ, — нельзя-же такъ догорать,

горѣть во всю, и день, и ночь, постоянно. На кого моя былиночка останется?..»

Суетня у его ногъ затихаетъ, плотники разбѣгаются по мѣстамъ. Авансцена пустѣетъ. Вотъ занавѣсъ поднимается, вздрагивая и неловко подбираясь.

Онъ чувствуетъ свое глупое положеніе. Стоять всю картину для того, чтобы два раза кивнуть головой... Какъ будто нельзя было поставить куклу...

Но дѣлать нечего, приходится стоять и слушать жаркое объясненіе Донъ-Жуана:

...Мнѣ? мнѣ молиться съ вамп, донна Анна...

«Эхъ, посмотрѣла бы теперь на меня Лизута. Выдержу, выдержу, не шелохнусь, небось...»

* * *

И чувствуетъ онъ передъ глазами какую-то сѣтку— не то пыль идетъ сверху, не то другое что сыплется. Такъ, немножко, струйкой такой, и разобрать нельзя что такое...

А наверху, сидя на корточкахъ, на колосникахъ, старается Сморчковъ. У него въ рукѣ табакерка. Онъ тихонько вынимаетъ щепотку за щепоткой и «солить» сверху своего врага, стараясь сыпать ему передъ самымъ носомъ. Мальчишка-плотникъ тутъ-же улыбается во весь ротъ, съ восторгомъ предвкушая результатъ такого маневра.

— Шалишь, не выдержишь! радостно бормочетъ Сморчковъ. — Табакъ особенный, для тебя специально на Дворянской улицѣ покупалъ.

И онъ все подбавляетъ щепотки. Теперь онъ ловко намѣтился, прямо въ цѣль попадаетъ.

Щекочетъ въ переноси у старика. Чихнуть хочется, онъ сдерживается по мѣрѣ силъ, старается ртомъ ды-

шать, но и въ ротъ лѣзетъ этотъ проклятый табакъ, першить его, давить. Хорошо, что подь толстымъ слоемъ мѣла не видно тѣхъ гримасъ, что творить онъ. «Лиза, Лизуточка, — да что-же со мной дѣлають, ну помоги, помоги мнѣ старому, — вѣдь нельзя-же такъ...»

Слава Богу — сцена подходитъ къ концу, — вотъ Лепорелло стоитъ передъ нимъ.

...Мой баринъ, Донъ-Жуанъ, васъ просить завтра
Прийти попозже въ домъ супруги вашей
И стать у двери...

Курепинъ качнулъ головой. Отъ этого движенія все погибло — удержаться нельзя было — и онъ чихнулъ.

Вся зала покатилаь со смѣху. Нельзя не смѣяться, — вѣдь смѣшно: статуя чихаетъ...

А сверху его кто-то поздравилъ:

— Брысь!

«Лизута, Лизута, — ну что-же, все погибло и выгнать меня, и выбросять отсюда... Все-таки ты изюмцу поѣла...»

. Но вотъ второй разъ надо кивнуть. Уже не все-ли равно! И началъ онъ чихать, чихать и чихать...

Подъ этотъ адскій хохоть опустили занавѣсь. Донъ-Жуанъ съ перекошеннымъ лицомъ кинулся на него.

— Вы что, вы это что! захрипѣлъ онъ, хватая его за грудь.

— Пусти! прочь! крикнулъ Курепинъ и вся прежняя сила снова проснулась въ немъ. Онъ отшвырнулъ трагика на сажень отъ себя и, шатаясь, пошелъ къ кулисамъ.

— Брысь, брысь! захохоталъ на него изъ кустовъ Митька.

— А, ты здѣсь!

Онъ схватилъ его за горло, повалилъ, и самъ всею тяжестью навалился сверху, какъ былъ въ картонномъ плащѣ и шлемѣ. Этотъ шлемъ скатился съ его головы и обнаружилъ рѣдкіе, сѣдые, крутившіеся колечками волоса.

Къ нимъ кинулись, ихъ стали растаскивать. А за занавѣсомъ шель тотъ-же гамъ хохота и рукоплесканій. Кого-то вызывали, что-то кричали;— и было такъ смѣшно, и такъ безконечно весело.

* * *

Опять тѣ-же ночныя сумрачныя тѣни, и опять возлѣ убогой, дѣтской кровати сидитъ старикъ. Онъ смотритъ на разметавшуюся, сбросившую одѣяло дѣвочку, съ розовыми губками, и слезы текутъ по щекамъ, горькія, отчаянныя слезы.

«Опять нищенствовать, опять голодать? Впереди ничего, ничего! Блеснула надежда, блеснула на минуту—и опять безпросвѣтная тьма. Принести развѣ углей, да на французскій манеръ и покончить? И Лизутѣ... Ну зачѣмъ жить ей? Вѣдь завтра опять не будетъ ни орѣшковъ, ни изюмцу...»

А дѣвочка словно чувствуетъ, что недоброе что-то творится, — такъ и мечется по постели...

Къ утру онъ забылся. Онъ очнулся на стулѣ въ дверь. Онъ отодвинулъ задвижку. Передъ нимъ стоялъ театральнй мальчикъ.

— Иванъ Ѳедоровичъ на репетицію приказали къ часу, — и вотъ велѣли передать.

Онъ подалъ нѣсколько тетрадокъ.

— Потому господина Сморчкова выгнали, — это его роли...

— Мнѣ?

СТАТУЯ КОМАНДОРА.

Мальчикъ повернулся и ушелъ. Старикъ долго стоялъ недвижно посреди комнаты, — потомъ опомнился и оглядѣлся вокругъ.

Было уже совсѣмъ свѣтло. Ночныя тѣни исчезли. Дѣвочка спала попрежнему сладко и безмятежно...

1886 г.

МЕРТВЕЦЫ МОРЯ.

(Изъ путевыхъ записокъ).

I.

то было въ Константинополѣ. Я пріѣхалъ туда съ своимъ пріателемъ, нѣмцемъ-архитекторомъ, посланнымъ академіею для усовершенствованія. Чтò можетъ быть ужаснѣе нѣмца-архитектора! Онъ не признавалъ ни жара, ни лѣни, ни хорошенькой женщины. Онъ чуть не съ первыми лучами солнца схватывалъ свой ящикъ съ медовыми красками, и бѣжалъ куда-то вдаль по кривой улицѣ. къ немалому соблазну константинопольскихъ собакъ. Возвращался онъ домой уже къ вечеру, съ вытянутою, усталою физиономіею, но совершенно довольный «мотивами», набросанными въ альбомъ, въ тотъ альбомъ, что мы вмѣстѣ съ нимъ, за мѣсяцъ передъ тѣмъ, покупали на Невскомъ у Беггрова. Онъ былъ, кажется, очень доволенъ пребываніемъ на Босфорѣ, и ему не было ни малѣйшаго дѣла до того, что между нами и Петербургомъ три тысячи верстъ. Онъ мечталъ о томъ, какъ мы проберемся въ старыя Аѳины и будемъ мѣрить колонны какого-то храма, по его мнѣнію не достаточно тщательно вымѣреннаго, хотя я увѣренъ, что другіе нѣмцы, раньше его, исполнили это съ самою

аптекарскою добросовѣстностью. Онъ не пропускалъ ни одного момента для рисованія, и мнѣ кажется, что даже въ седѣи, — томъ паланкинѣ, что носится вмѣсто извозчиковъ по улицамъ Константинополя, и который такъ походитъ на наши кузовки каруселей, скрипящихъ на Пасхѣ возлѣ балагановъ, — даже въ этой седѣи, не смотря на то, что въ ней качаетъ какъ въ яликѣ подѣ парохомомъ, хотя носильщики-гамалы и слятся подражать иноходцамъ, — даже тутъ мой архитекторъ успѣвалъ что-то такое замѣтить черезъ маленькія окна экипажа. Меня всегда тошнило отъ этого способа передвиженія, а онъ чувствовалъ только разгрызающійся аппетитъ, и пожиралъ обѣдъ съ жадностью готтентота.

Пока онъ рыскалъ вокругъ Ая-Софіи, я безцѣльно блуждалъ по улицамъ, думая о томъ, нельзя-ли проникнуть въ какой-нибудь гаремъ, въ который, очевидно, мужчины проникали не будучи евнухами, ибо едва-ли парижскіе художники, наполняющіе ежегодно salon гаремными жанрами, состояли при сералѣ въ этой ком-прометирующей каждого порядочнаго мужчину должности. Я покупалъ на базарѣ всякую дрянь, какія-то туфли, кружева, бусы, фески, кольца, которыя долженъ былъ всенепремѣнно доставить въ Петербургъ разнымъ тетушкамъ и кузинамъ, воображающимъ, что путешествуютъ спеціально для того, чтобы наводнять Петербургъ этимъ хламомъ. Вскорѣ мой сундукъ переполнился и сталъ походить на коробъ кievской жидовки, которая развозитъ по помѣщикамъ разное тряпье, увѣряя, что оно контрабандою перешло прямо изъ Парижа къ ней въ руки. Наконецъ, все это мнѣ надоѣло до нельзя. Солнце стало печь возмутительнымъ образомъ, я буквально задыхался, и какъ рыба, вытасченная на берегъ,

раскрывалъ и захлопывалъ ротъ, ругая своего пріятеля самыми изысканными выраженіями. А онъ суслилъ свои кисти и утѣшалъ:

— Погоди, пріѣдемъ въ Аѳины, еще жарче будетъ.

Кончилось тѣмъ, что я, раздѣтый, цѣлые дни лежалъ на диванѣ и читалъ Эдгара Поэ во французскомъ переводѣ, котораго мнѣ любезно преподнесъ нашъ лакей. Когда я дошелъ до пресловутаго разсказа о спускающемся маятникѣ, мнѣ показалось, что этотъ роковой инструментъ—мой милый товарищъ, и что если онъ не кончитъ своихъ вѣчныхъ шатаній въ Ая-Софію, то я умру отъ одного ожиданія инаго, болѣе свѣтлаго будущаго.

II.

Намъ прислуживалъ французъ, хорошій малый, но безъ правой руки. Сперва я думалъ, не прусская-ли бомба такъ подшутила надъ нимъ. Но оказалось нѣчто совсѣмъ иное.

Въ промежуткѣ между болѣзненнымъ бредомъ Эдгара Поэ и сномъ, я всегда разговаривалъ съ этимъ чудеснымъ провансальцемъ. Онъ хорошо говорилъ, толково и образно. Такъ рѣдко кто говоритъ. Онъ повидалъ много кой-чего: плавалъ матросомъ, былъ поваромъ у консула, показывалъ на улицѣ фокусы, собирався даже поступить въ циркъ, но его не приняли именно за его уродство, хотя онъ и обѣщалъ играть на скрипкѣ на полномъ скаку лошади, да еще прыгать черезъ обручи. И не смотря на такое обиліе талантовъ, онъ былъ все-таки честнѣйшій человѣкъ, и я убѣжденъ, что онъ не укралъ-бы двугривеннаго, если-бы его сдѣлать кассиромъ какого угодно общества.

Онъ много рассказывалъ эпизодовъ изъ своей сѣи-

талъческой жизни. Но когда разъ я спросилъ у него, при какихъ обстоятельствахъ онъ лишился руки, брови его сдвинулись, глаза потухли, губы сжались, и даже съ полныхъ щекъ сбѣжала краска.

— Я никогда объ этомъ не говорю, — пояснилъ онъ, и сразу, очень круто повернулъ разговоръ въ другую сторону.

Я мало заинтересовался его тайною. Ну, не все-ли мнѣ равно, отчего онъ потерялъ руку! Не хочетъ говорить, и не надо. Ну, драма, такъ драма — и Богъ съ нимъ. Мало-ли драмъ ежедневно творится на бѣломъ свѣтѣ. И всѣ онѣ похожи другъ на друга, и вездѣ чело-вѣческое отчаяніе одинаково, и кажется, пора-бы ужъ привыкнуть къ непрочности земной жизни, ни надъ чѣмъ не ахать, ничему не удивляться. Если Тюрбѣ не хотѣлъ сказать, значить имѣлъ причины.

И онъ продолжалъ мнѣ передавать разныя константинопольскія сплетни, очень смѣшныя и интересныя, пересыпая рассказъ чисто-французскимъ перцомъ. Онъ меня очень потѣшалъ и забавлялъ. Я, право, совсѣмъ подохоъ-бы отъ скуки безъ него...

Наконецъ, желанный день наступилъ. Мой пріятель заявилъ, что завтра мы двигаемся въ Грецію, и въ послѣдній разъ бултыхнулся въ свою седю. Тюрбѣ помогать мнѣ укладывать весь скарбъ, и оказался, не смотря на отсутствіе главнаго органа хватанія, куда искуснѣе и расторопнѣе меня. Разговоръ опять перешелъ на его амнутацію, и онъ, только-что высказавшій свое горе по поводу моего отъѣзда, вдругъ рѣшился стать со мною откровеннымъ. И онъ мнѣ сообщилъ то, о чемъ онъ не только никому не рассказывалъ, но даже не любилъ вспоминать, и гналъ всякую мысль, всякое воспоминаніе объ этомъ ужасномъ обстоятельстве.

III.

— Шесть лѣтъ назадъ, началъ онъ, — я служилъ во французской мореходной компании, и одно время мнѣ довелось все вертѣться около одного мѣста—между Суэцомъ и Константинополемъ. Я на всѣ руки, чего-чего я только не дѣлалъ. Подолгу я никогда ничѣмъ не занимался, а все какъ-то порывами, такова натура. Въ то время я въ водолазы пошелъ. Начитался подводныхъ путешествій, и потянуло меня на дно моря.

Вы, сударь, и представить не можете этого ощущенія. Если-бы не проклятыя акулы, право, это было-бы чуть-ли не лучшею прогулкою, какую только можно выдумать. Это такая, доложу вамъ, декорація, какой никогда Парижу не выдумать, не поставить ни на какой сценѣ. И все, что рисуютъ на этотъ счетъ, повѣрьте, чепуха и вздоръ. А вотъ, если-бы вы увидѣли этотъ густой зеленый слой воды и солнечные лучи, что бьютъ насквозь, такъ вы-бы поняли, что это такое. И вы не думайте, что тамъ темно! Какое! Свѣтло какъ днемъ, ну, совсѣмъ, совсѣмъ свѣтло вокругъ васъ метровъ на сто. И рыбы вокругъ... А это ужъ совсѣмъ особенное ощущеніе! Угорь, такой бѣловатый вьюнъ, плыветъ какъ ласточка, — вотъ когда она крылья распластаетъ, не дрогнетъ ими, а ее несетъ куда-то. Потомъ вдругъ вильнетъ хвостомъ, и кверху, только и видѣли. Потомъ тригла: ее еле изъ колпака взглядомъ поймашь, не только-что словить чѣмъ, вотъ ужъ какъ птица-то мимо васъ летаетъ! А подъ ногами песокъ, чистый, яркій, гладкій, какъ асфальтъ, и бѣлый-бѣлый. Отъ него-то и свѣтъ подъ водою, отдаетъ онъ солнечные лучи. А вокругъ утесы, и губки,

и мхи какіе-то, и раковины, и растенія такія узкія, длиннолистыя, съ тонкими усиками, и усики шевелятся, и вокругъ нихъ кишать и краббы, и раки, и пауки, и всякая погань...

Ну, просто не ушель-бы. Движенія совсѣмъ не такія, какъ здѣсь, на землѣ, и тяжесть всякая легче. А за то работать, я вамъ скажу: пять минутъ за два часа покажется. Потомъ, какъ на верхъ поднимуть, донешь морскимъ холодкомъ, и спишь какъ убитый. Какъ пьянаго качаетъ, когда отвинтятъ этотъ шаръ, что на голову надѣтъ. Да это все ничего. Всякое дѣло полюбить можно. Но только вотъ здѣсь, на этомъ Босфорѣ, нырять,—ну, нѣтъ, слуга покорный..

И опять у него лицо помертвѣло. Онъ отеръ крупный холодный потъ, выступившій на лбу, и голосъ его вдругъ упалъ.

— Затонуло тутъ одно судно нашей компаніи. Небольшое, но дорогое, хорошее. Всѣхъ спасли, а за то машина и все какъ есть пошло ко дну. Стали думать, нельзя-ли вытащить какъ-нибудь. Первымъ долгомъ слѣдуетъ осмотрѣть, что и какъ. Сейчасъ меня за бока. Я готовъ. Глубина небольшая, вода чистая, дно тоже. Отчего-же и не полюбопытствовать. дѣло привычное.

Собрался я нырять, а мнѣ шутя и говоритъ юнга:

— Хоть-бы спруть тебя напугалъ когда какой, а то лѣзешь ты на дно, точно на свиданіе къ невѣстѣ.

Я еще захохоталъ ему въ отвѣтъ, спрашиваю:

— Что-же, отъ тебя влानяться тамъ?

Снарядили меня, перелѣзъ я черезъ бортъ и нырнулъ подъ воду. Ждутъ, нѣтъ сигнала, стали тащить, тяжело что-то. Однако вытащили. Безъ чувствъ, какъ пласть лежу. Откупорили меня. Въ обморокѣ—и рука

сломана. На днѣ-ли сломаль, или когда вытаскивали грѣхъ случился—неизвѣстно.

IV.

Еле я пришелъ въ себя. Я не могъ передать того, что увидѣлъ. Это было настолько ужасно, настолько невозможно, что я думаль объ этомъ какъ о горячечной галлюцинаціи. Самому больному воображенію ничего такого не могло присниться. Я только могъ повторять:

— Тамъ, тамъ... нѣтъ, не надо... не надо...

Пришлось отправить вмѣсто меня другого, а меня свезли въ лазаретъ. Но и тутъ, на койкѣ, то-же видѣніе стояло предо мною, и я рвался и метался на койкѣ.

Только не бредъ это былъ, не видѣніе. Это правда была. Тотъ, кто былъ тамъ, подъ водою, послѣ меня, видѣлъ то-же. И тотъ, какъ ни былъ приготовленъ ко всему, не выдержаль, и съ ужасомъ ринулся на поверхность. И ни одинъ водолазъ не могъ осмотрѣть положенія судна, потому что ни одинъ не могъ остаться въ этомъ провлятомъ и Богомъ, и дьяволомъ мѣстѣ.

Тюрбѣ тяжело перевелъ дыханье.

— Вы только представьте. Когда я спустился на дно, метрахъ въ десяти отъ затонувшаго парохода, когда я повелъ глазами, мнѣ показалось, что вокругъ растутъ кустарникъ какихъ-то мягкихъ коралловъ, или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Ближайшій размахиваль медленно своими склизкими отростками, будто обнималь меня. Я взглянулъ на него внимательное и прынулъ въ сторону, какъ отъ удава.

Это былъ человѣкъ, или если не человѣкъ, то адское подобіе его. Весь распухшій, посинѣлый, съ толстыми

вздувшимися пальцами, онъ покачивался передо мною, скаля зубы. Онъ стоялъ совсѣмъ прямо, только слегка колыхался, надвигаясь на меня все ближе, и ближе. И на щекѣ, возлѣ уха, сидѣли два рака, жирныхъ, черныхъ, крѣпко впившись въ него и слегка пошевеливая хвостами...

Я оторвалъ глаза отъ своего сосѣда, а рядомъ стоялъ другой, низенькій, сѣденькій совсѣмъ, толстый, полунагой, съ оттопыренными налившимися бѣлыми губами, и поднималъ высоко свои коротенькія ручки, точно ловилъ мелкую рыбу, что беззаботно сновала мимо. Этотъ еще быстрѣе двигался на меня.

А сзади, вокругъ — нарастали новыя и новыя фигуры, безформенныя, студенистыя. У иныхъ густыя косы, какъ волосатики, вились вокругъ головъ. Насколько хваталъ глазъ, стояло это войско, эта армія мертвецовъ, и всѣ они поднимали руки, и колыхались, и шли на меня...

Я думалъ, что брежу, я не могъ ни двинуться, ни крикнуть, а они все наступали, и кольцо ихъ становилось все тѣснѣе и тѣснѣе. Все быстрѣе они колыхали руками, все больше кивали головою, и сѣрые, съ открытыми глазами, скучивались все больше...

Наконецъ, они наплыли ко мнѣ со всѣхъ сторонъ и обняли меня; тотъ слабый свѣтъ, что лился ко мнѣ черезъ маленькое стеклышко шлема, сталъ тускнѣть, застилаться, все стало мутнымъ, въ ухахъ раздался разомъ звонъ колоколовъ и бой молотовъ, и я упалъ на это тинистое дно, на какую-то студенистую массу, теряя сознание, чувствуя, что въ меня вонзаются чьи-то зубы, что меня раздражаютъ на части...

V.

Я не знаю, отчего сломана моя рука. Зацѣпилась-ли она за какой обломокъ, или другое-что вывернуло ее,—только доктора нашли нужнымъ ее отрѣзать. Но я не чувствовалъ ни докторовъ, ни боли, я видѣлъ опять ихъ, и опять они протягивали ко мнѣ свои руки...

Потомъ докторъ осторожно объяснилъ мнѣ, что это отнюдь не была галлюцинація. Нашъ пароходъ затонулъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно свершалось правосудіе: сюда кидали осужденныхъ на смерть. Въ прежнее время, говорятъ, это дѣлалось въ зашитыхъ мѣшкахъ. Но и здѣсь прогрессъ—вѣдь Турція тоже европейское государство. Мѣшковъ жалко. Изъ нихъ просто вытряхиваютъ несчастныхъ жертвъ, и онѣ идутъ съ гириями на ногахъ ко дну, очищая путь кому-то другому, котораго быть можетъ не-сегодня-завтра отправятъ сюда-же...

Но количество этихъ труповъ ужасно. Право, недурно было-бы сюда спуститься европейскому конгрессу дипломатовъ въ подводномъ колоколѣ, да посмотрѣть на конституціонное государство. Вѣдь эти трупы—все недавнее прошлое. Вѣдь раки находятъ ихъ еще веусными, и такъ они тамъ и стоятъ, и шевелятъ опухлыми руками...

И до сихъ поръ ни одинъ водолазъ не полѣзетъ въ этомъ мѣстѣ въ воду...

* * *

Когда на слѣдующій день нашъ пароходъ двинулся въ путь, разрѣзая острымъ носомъ спокойную влагу Босфора, меня не манила волшебная панорама берега. Всѣ эти сады, мечети, кіоски такъ обыкновенны, зау-

МЕРТВЕЦЫ МОРЯ.

рядны. Я смотрѣлъ сквозь лазурныя прозрачныя волны, и мнѣ казалось, что мертвецы моря колыхаются тамъ внизу подъ нами, и поднимаютъ съ мольбою еверху свои руки. А мой товарищъ съ аппетитомъ ѣлъ буттерброды, запасливо изготовленные дома искусною рукою Турбо, и перелистывалъ альбомъ, испещренный очень интересными архитектурными мотивами, за которые его непременно должна была достойно увѣнчать академія.

Февраль 1887 г.

ОБИТЕЛЬ.

ны извольте пожаловать въ обитель, потому ворота послѣ заката у насъ запирають.

Я глянулъ на говорившаго. Сѣденькая бородка распласталась вѣеромъ поверхъ старой рясы, не то что цорыжѣвшей, а какъ-то позелѣвшей. Прищуренные глазки смотрять вяло, хотя конецъ носа задорень и тянется вверхъ. Черный клобукъ съѣхалъ нѣсколько назадъ. Пухлыя ручки съ невычищенными ногтями покоются на брюшеѣ, раздутомъ скорѣе отъ постной трапезы, чѣмъ отъ невоздержанія.

— Иначе чрезъ ограду лѣзть придется, — продолжалъ онъ, — платье у васъ городское — изъянъ причинить себѣ можете. Въ оградѣ есть кладбищенскій садикъ, тамъ посидите, коли желательно, на могилкахъ.

— Красивое у васъ мѣсто, батюшка: люблюсь.

Онъ тускло повелъ глазами вокругъ.

— Многіе одобряють. Губернаторша Сенегалова у насъ были, такъ онѣ въ бинокль долго на воду смотрѣли. Ночью на ту сторону ѣздили и костеръ раскладывали. Потомъ отца игумена очень благодарили. «Благодарю васъ, говорятъ, — за пріятный ландшафтъ». Мы-то поприглядѣлись, насъ это не тѣшитъ... Ну, а какъ вамъ насчетъ снѣди? внезапно прибавилъ онъ.

— Плохо. Ёсть совсѣмъ нельзя. Хорошо, что съ собою прихватилъ, а то у васъ здѣсь отощашь.

— А вы какой супъ хлебать изволили?

— Три супа подали; попробовалъ всѣ, но ёсть не рискнулъ. Привычка къ нимъ нужна, батюшка.

— Поваръ плохи, — съ соболѣзнованіемъ проговорилъ онъ, похлопывая себя по желудку. — Особенно вамъ, не провинціаламъ, а пріѣзжимъ изъ Санктъ-Петербурга, гдѣ столько соблазновъ и развлеченій по кулинарной части, какъ на примѣръ рестораціи или благородные и дворянскіе клубы... Опять-же въ иныхъ монастыряхъ у монаховъ имѣются зауски, хотя-бы и холодныя: держать подъ поломъ, или въ выдвигныхъ подоконникахъ. У насъ ничего такого нѣтъ. Ежели попадетъ кому коробка сардиновъ или килекъ, то развѣ жертвованная доброхотными дателями. У насъ тихо, — затишье полное. Обуреваемся скорбями, и только.

— Скорбями?

— Да. Скорбей у инока много. Вамъ, свѣтскому человѣку, и не представить сколько.

— Какія-же это скорби?

— Разныя. Вотъ, на примѣръ, сапоги.

— Ну? Чтò-же это за скорбь?

— Вы вотъ въ Санктъ-Петербургѣ, коли у васъ сапогъ износится, идете въ гостинный дворъ въ лавочку, и кончено дѣло. А у насъ! Сапожниковъ въ округѣ нѣтъ. Ждешь, ждешь, покуда придетъ въ обитель. Въ прошломъ годѣ жилъ здѣсь два мѣсяца отставной унтеръ-офицеръ Никита Завѣрткинъ. Прекраснѣйшимъ образомъ точаль, и товаръ ставилъ соответствующій. Пришелъ къ Петрову дню. Я говорю: обувь нужна. А игумень говорить: «Есть тебя постарше, обождешъ».

Сточаль онъ игумену, сточаль казначею. Я опять: «Въ подмёткахъ, говорю, — просвѣты». — «Положить ему заклѣпки временно!» Къ Ильину дню еще три пары сшилъ послушникамъ, чѣмъ при казначеѣ, а я все въ заклѣпкахъ. Ахъ, Мать Честная! Спасъ прошелъ, другой Спасъ — всѣмъ нашили. Обрадовался я, прихожу къ Завѣртыну: «Теперь, говорю, — моя чреда». Да у меня, говорить, — ужь товара нѣтъ, и расчетъ я получилъ, и ухожу завтра! Ну, какъ-же не скорбь! только къ Покрову и соорудилъ обувь...

Онъ сердито запустилъ пальцы въ бороду и сталъ почесывать ее съ такимъ чувствомъ, словно гребень уже нѣсколько недѣль не прогуливался по ней.

— А монастырь, батюшка, у васъ старый?

— Монастырь старый. Такой старый, что никто о немъ ничего не помнить — забыли. Тутъ одинъ ученый, года два назадъ, прїѣзжалъ. Не молодой ужь, въ очкахъ. «Я, говорить, — по порученію высшаго начальства, хочу исторію вашего монастыря писать». Ему бібліотекаръ говорить: помилуйте, у насъ никакой исторіи нѣтъ, и не было никогда. «Гдѣ, говорить, — у васъ документы?». И пошелъ рыться. Всѣхъ мышей изъ бібліотеки разогналъ. Сердится: «отчего вы, говорить, — кошечъ не держите: всѣ документы мышами поѣдены». А зачѣмъ намъ кошки, когда эти мыши только въ бібліотекѣ и жили, а въ кельяхъ ихъ и не было! Однако, настоятель нашъ сейчасъ-же распорядился и послалъ за котятками въ деревню. Теперь у насъ, изволите видѣть, ихъ стадо цѣлое, такъ какъ, по приказанію настоятеля, котятъ не топятъ, хотя женскій полъ слѣдовало-бы удалять.

— Такъ исторію обители и не написали?

— Нѣтъ, написали.

— Какъ-же безъ документовъ?

— Да, такъ, больше по догадкамъ. Обитель основана неизвѣстно когда и неизвѣстно кѣмъ, но надо полагать въ глубокую древность. Документы, относящіяся къ старинѣ, неизвѣстно кѣмъ уничтожены, а древнія постройки неизвѣстно кѣмъ перестроены.

— Чтò-же, и напечатали эту исторію?

— Напечатали съ рисунками. Очень сердился ученый касательно перестроекъ. У насъ, изволите видѣть, былъ цѣлый рядъ строителей, замѣнявшихъ игуменовъ. И всѣ они заботились о благолѣпіи. Увидявъ старый иконостасъ, да и подговорятъ благодѣтеля жертву устроить: золотомъ его залѣпить. Иной купецъ обрадуется—все золотомъ залѣпить. Потомъ старыя стѣны замажутъ и новою живописью покроютъ. Ужъ этотъ ученый ковырялъ-ковырялъ тутъ стѣны-то. Вы, говорить, разбойники: современною мазней древнюю иконопись закрыли; а почему мы знаемъ, древняя иконопись хороша-ли: вся почернѣла, только глаза маленько и видны. Алтарь осматривалъ: «эти, говорить,—стѣны шестнадцатаго или пятнадцатаго вѣка. А чтò у васъ въ подвалахъ?» А тамъ настойку изъ разныхъ травъ производятъ съ лѣкарственными цѣлями. Лазарета у насъ нѣтъ, а простуды на водѣ бывають особливо осенью. Отецъ бібліотекаръ сконфузился: «тамъ безъинтересно, милостивый государь, лучше сходите на колокольню, гдѣ громомъ монаха одинъ разъ убило: только-что началъ звонить къ вечерни, разъ ударилъ, вдругъ молнія блеснула, громъ—и на поваль: только веревка почернѣла». А тотъ разсердился: «Я хочу, говорить,—не наверхъ, а внизъ». Пошли. Отецъ бібліотекаръ хотѣмъ туловищемъ прикрыть бутылки, а тотъ замѣтилъ, кричитъ: «это должно быть нынѣшняго сто-

лѣтія, надо изслѣдовать». И потомъ каждый вечеръ такъ въ подвалѣ и сидѣлъ.

— А у васъ строго насчетъ наливокъ?

Онъ поглядѣлъ на меня испытующе.

— Какъ вамъ сказать... Вѣдь цѣлбно дѣйствуютъ. Ежели умѣренно, да съ молитвою... Кто-же говоритъ, если неумѣренно, то это не резонъ. Въ прежнее время, при настоятелѣ Антоніи, точно, бывалъ грѣхъ. Вонъ изволите видѣть деревеньку по ту сторону озера. Туда инне переплывали вечеромъ на гулянку, но гуляли тихо и мирно. Однако, одинъ, нѣкій Григорій, потонулъ. Вздумалъ на двѣ версты разстоянія вплавъ — у челнока весла оказались убранными, ну и пошелъ ко дну: разгоряченъ былъ, а вода холодная. Это чуть-ли не единственный случай смерти. А вообще-то у насъ въ обители и не умирають.

— А какъ-же?

— Переводять въ другіе монастыри, либо уходятъ въ лѣчебницу въ городъ. Строитель Антоній собирался было школу и больницу устроить—у него была страсть къ строительству, да не вышло какъ-то, не разрѣшили.

— Отчего?

— Не разрѣшили-то? Да въ сомнѣніе впали. У насъ монастырь въ ту пору былъ, что твои арестантскія роты: ссылали за провинности не токмо монашествующихъ, но и бѣлое духовенство. Такихъ дьяконовъ и поповъ наслали на исправленіе, что не знали куда дѣваться; соблазнъ великъ. Тутъ надо было-бы глазъ да глазъ, да воля желѣзная, а Антоній былъ строительствомъ обуреваемъ и на все съвозъ пальцы смотрѣлъ, — ну ему и говорятъ: «Хорошему ты дѣтей обучишь, какая тамъ школа; знай свои постройки, и кончено дѣло».

— И много онъ настроилъ?

— Страсть. Все старое переломалъ. Этотъ самый ученый слышать о немъ не могъ. Я бы, говорить, его въ Березовъ на покаяніе; онъ хуже Батня: тотъ съ завоевательными цѣлями дѣйствовалъ, а этотъ съ безразсудными. Антоній, точно, больше наломалъ, чѣмъ настроилъ; все къ архіерею писалъ, благословенія просилъ на строеніе. Тотъ ему и пишетъ: «Сколько я тебѣ въ годъ передаю благословеній, а у тебя въ монастырѣ все больше мусора, чѣмъ построекъ». У насъ окна въ соборѣ были узенькія, малыя, какъ на всѣхъ староновгородскихъ постройкахъ, а онъ широченныя пробилъ — тройка проѣдетъ! Затѣялъ баню строить, чтобы тридцать человѣкъ сразу могли мыться, и все хотѣлъ липовый полѣкъ сдѣлать, да нигдѣ въ окружности хорошей липы не нашель, такъ баню и не достроилъ — перевели его. А новый игумень — Гермогенъ, тотъ не восхотѣлъ ничего оканчивать, превратилъ баню въ амбаръ, а монастырскія деньги пустилъ въ обороты. Казну нашу онъ очень преумножлъ, такъ какъ всѣхъ ссужалъ, ежели кто былъ человѣкъ вѣрный. Ну, а потомъ его за это самое перевели. На полтора года прибылъ къ намъ изъ-подъ Суздаля Тихонъ; этотъ только на одно цѣніе обращалъ вниманіе, и очень запустилъ гостинницу; столько развелось клоповъ, что коли кто изъ-помѣщиковъ побогаче ѣдетъ, тамъ наканунѣ стѣны дѣвка опшарить и даламатскимъ порошкомъ сѣлошь усыплеть — тогда только и можно спать. И такъ удивительно: какъ Тихонъ ушелъ отъ насъ, такъ и клопы ушли.

— Ну, а нынѣшній игумень?

— Нынѣшній въ монастырѣ не живетъ: онъ обитаетъ въ двухъ верстахъ отсюда, на скотномъ дворѣ.

— Какъ такъ?

— Не могу вам доподлинно сказать, почему онъ не восхотѣлъ здѣсь жить. Тамъ оно, точно, помѣщеніе богатое, привольное. Вотъ извольте посмотрѣть влѣво отсюда пригорокъ: тамъ скотный дворъ и есть. Большою любовью игумень къ сельскому хозяйству надѣленъ. Такихъ коровъ завелъ, что ахнешь только. Идетъ—гора горою. Опять-же куры. Мохнатяя такія: словно въ штанахъ по двору ходять. Потомъ голуби—на подборъ. Ихъ гонять онъ очень любитъ. Скворцы у него чудесныя. Огородъ какой, садъ, кабы вы посмотрѣли! Каждой ягоды пудовъ по сту.

— Продаете?

— Нѣтъ. Все ему варенья варять. Ужь не знаю, что онъ съ ними дѣлаетъ: съѣсть нѣтъ никакой возможности. Вотъ еще на-дняхъ изъ Санктъ-Петербурга отъ торговой фирмы Штоль и Шмидтъ прислали пудъ глицерина.

— Это зачѣмъ-же?

— А онъ на глицеринѣ варенье варить: сиропъ гуще и не засахаривается. Очень возможно, что тутъ, какъ говорятъ, кроется и коммерческое предпріятіе, но я склоняюсь къ другому объясненію: безконечное радушіе и гостепрѣимство. У него ни одинъ посѣтитель безъ баночки не уйдетъ: хоть фунтовую, да вручить каждому. Благочинному, архіерею—всѣмъ онъ разсылаетъ, даже въ столицу отправляетъ. Тамъ есть отъ нашего монастыря часовня, такъ при ней въ подвалѣ очень много вареній сложено для благодѣтелей, которые вклады дѣлають.

— Ну, а вообще дѣла какъ идутъ при этомъ игуменѣ?

— Ничего, жаловаться грѣхъ. Свободно стало. Онъ только однажды въ день сюда со скотнаго приѣзжаетъ...

— Батюшка, запираю! раздался сзади голосъ.—Это

отставной, усатый солдатъ, съ огромнымъ ключемъ въ рукахъ, затворялъ визжавшія на ржавыхъ петляхъ ворота.

Мы встали со скамеечки. Вода померкла, дальній берегъ затянулся дымкою. Замбъ щелкнулъ два раза. Старикъ запряталъ куда-то ключъ и перекрестился на всѣ стороны.

Какъ небо глубоко и сине! Какая благоуханная, раздражающая прохлада, какъ широко она разлилась въ ночномъ воздухѣ! И звѣзды зажглись надъ головою: вотъ одна, другая, третья...

Августъ 1886 г.

ИЗЪ СТАРЫХЪ СКАЗАНИЙ.

авно, давно это было. Всюду шумѣли дѣвственные лѣса пальмы и бука, переплетенные цѣпями лианъ. Бѣдные люди жались въ гористыхъ ущельяхъ, поддерживая скудный огонь во тьмѣ мрачныхъ пещеръ. Тогда табуны дикихъ коней носились по тучнымъ пажитямъ невоздѣланныхъ земель. Стихійные боги одни только и являлись человѣку, грозно вставая изъ пѣны водопада, или изъ полмя разгорающагося костра. Ихъ чуяли смутно младенческимъ духомъ люди въ косматыхъ одеждахъ, стройные, сильные, неустрашимые, трепетавшіе только передъ чернымъ щитомъ луны, закрывающимъ солнце, и передъ грознымъ перекатомъ грома въ облачныхъ высяхъ, когда могучій тучегонитель полосовалъ своими огненными стрѣлами накаленный воздухъ.

Но тамъ, на югѣ и на востокѣ, въ горячихъ полуденныхъ странахъ, гдѣ въ бирюзовыя рѣки смотрѣлись дивныя деревья, гдѣ лѣса дымились опьяняющимъ благоуханіемъ таинственныхъ травъ, гдѣ яркія птицы, какъ живые цвѣты, кружились и переливались въ изумрудной чащѣ, тамъ боги были милостивѣе къ человѣку, и онъ воспрянулъ духомъ, воспрянулъ — и покорилъ

себѣ и птицѣ, и звѣрей и даже этихъ боговъ, испуганныхъ неожиданною силою, тоже божественною, того маленькаго смѣлаго существа, что въ скорлупахъ переплывало моря, со дна его набирало жемчугъ, и мчалось въ бой на разукрашенныхъ золотомъ слонахъ...

Не было тамъ, на югѣ, богаче, счастливѣе, могучѣе одного царства, на много дней пути тянувшагося на востокъ. Едва путникъ вступалъ въ его границы, какъ уже чувствовалъ онъ, въ какую необычную страну пришлось ему зайти. На ступеняхъ бѣло-мраморнаго храма стоялъ жрецъ въ бѣлой одеждѣ, опершись на высокій посохъ, и съ тихою ласкою благословлялъ пришельца.

— Да благословятея тебя боги! говорилъ онъ, возлагая руки на его голову.—Если съ чистымъ сердцемъ и безгрѣшнымъ помысломъ пришелъ ты къ намъ, то пусть страна наша, какъ родная, приметъ тебя на свое лоно и напитаетъ тебя тѣмъ млекоу, что одно даетъ и жизнь, и силу, и счастье.

И онъ подавалъ гостю маленькое полукруглое блюдо съ сухими покоробленными золотыми листочками. Гость бросалъ щепотку листьевъ на треугольный жертвенникъ, листья коробились еще больше, и отъ нихъ голубыми клубами поднимался тонкій дымокъ. Онъ окутывалъ гостя какъ облакомъ, и тотъ вдыхалъ его живительный аромать полною грудью. Глаза его расширялись, румянецъ сильнѣе вспыхивалъ на побѣлѣвшихъ отъ усталости щекахъ, кровь живѣе струилась по жиламъ, а въ груди что-то весело начинало и пѣть, и радостно плакать. Храмъ становился еще праздничнѣе, красивѣе, выше. Лицо жреца становилось еще добрѣе, а черные глаза его еще болѣе проникали въ душу. На темени пришельца лежала его ладонь, и изъ нея струилась такая прохлада, такое умиротворяющее спокой-

ствіе, что, казалось, всей прежней жизни какъ-бы не бывало, а есть одно радужное сіяніе, одно счастье, одна жизнь, вотъ здѣсь, въ этой странѣ свѣта и блеска.

* * *

И гость вступалъ съ своимъ караваномъ, если то былъ купецъ, или одинъ, если онъ былъ одинокій путникъ,—вступалъ съ весельемъ въ городъ черезъ широкіе ворота храма. Усталости какъ не бывало. Жаръ, истома отъ пути, голодъ—все это мгновенно прошло, отъ одной маленькой лепешки, отъ какого-то шарика, что далъ проглотить ему тотъ-же жрецъ. Блестящими глазами смотреть онъ на серебрястые фонтаны, на пурпурныя ткани, распластавшіяся въ воздухъ надъ верандами, на колесницы съ бѣлыми конями, быстро несущіяся по широкимъ площадямъ, на этотъ красивый, счастливый, спокойный народъ, гордо, неторопливо идущій по улицамъ. И точно каждое лицо съ полнымъ самодовольствомъ говоритъ: вотъ, глядите, каковы мы, и нѣтъ въ мірѣ иной земли, нѣтъ въ мірѣ ничего лучшаго, какъ здѣсь, у насъ, въ нашей благословенной странѣ!

И говорятъ они пришельцу:

— Мы сильны и славны. Мы безконечно сильны нашимъ единствомъ, нашею любовью другъ къ другу. Мы любимъ всѣхъ людей, домъ наши—домъ нашихъ гостей. Мы богаты—потому что намъ ничего не надо. Мы ничего не ищемъ, потому что природа сама даетъ намъ все,—а все, что дается намъ—мы беремъ. Все красиво у насъ, божественно-чудно. Это потому, что мы боговъ носимъ въ себѣ; мы творимъ только прекрасное, потому что ничего безобразнаго мы не признаемъ. Человѣкъ—это часть божества, какъ и весь міръ—это только капля крови въ огромномъ тѣлѣ. Ра-

дуйся, путникъ, что божество привело тебя къ намъ, и если хочешь—входи сюда полноправнымъ гражданиномъ. Мы не народъ, мы святое братство. Хочешь быть братомъ для насъ, оставайся; не хочешь,—мы наполнимъ виномъ твои мѣха, и ты уйдешь съ благословеніями и пожеланіями добраго пути.

И почти всегда случайный путникъ оставался въ счастливой странѣ, перевозилъ туда и жену, и дѣтей. А если дѣла звали его неотступно на родину, то покончивъ ихъ, онъ опять рвался всѣми силами души въ этотъ дивный, чудесный край.

* * *

Однажды, въ ясное, прозрачное утро, пришелъ туда путникъ. Онъ былъ пѣшій. Ни осла, ни верблюда не видѣлось за нимъ. Но усталости на лицѣ его не было и слѣда. Онъ пришелъ царственною, гибкою походкою, слегка опираясь на тонкое копье. Бѣлая, золототканая одежда его не была въ пыли; и щитъ, и лукъ небрежно были заброшены за спину. Сандалии свѣжи и не стерты. Черныя кудри рассыпались по плечамъ, а глаза смотрѣли не то гордо, не то насмѣшливо. Онъ не былъ юноша, не похожъ былъ и на мужа. По алымъ губамъ его ползала полускрытая улыбка. Когда жрець простеръ къ нему руки съ привѣтствіемъ, въ немъ замѣтно было колебаніе: подойти или не подойти. Онъ подошелъ, однако, и склонился передъ старцемъ, и листьевъ бросилъ на жертвенникъ.

— Куда лежитъ путь твой? спросилъ старецъ.— Не хочешь-ли отдохнуть и пожить у насъ?

— Нѣтъ, отецъ, не собираюсь,—отвѣтилъ незнакомецъ.—А куда лежитъ путь мой, не все-ли тебѣ равно?

— Не все-равно. Я могу тебѣ быть въ чемъ-нибудь

полезнымъ. У тебя нѣтъ коня, я тебѣ могу дать. Нашъ народъ помогаетъ пришельцамъ.

Незнакомецъ покачалъ головою.

— Я хочу свободы! Я не хочу никакихъ связей и обязательствъ. Вѣдь я, за ваши дары, долженъ быть вамъ благодарнымъ? А я не хочу имѣть никакихъ долговъ. Я никому не долженъ ничего.

— Мы не нуждаемся въ твоей благодарности,— укоризненно замѣтилъ жрецъ.—Мы хотимъ, чтобы всѣ были счастливы и свободны.

— И ты стоишь здѣсь каждый день и благословляешь пришельцевъ? Эту обязанность наложило на тебя государство?

— Да, сынъ мой!

— Это рабство. Каждый день, едва розовая заря помчится по небу, ты уже здѣсь?

— Я служу свободѣ.

— Это рабство. Всякое служеніе—рабство.

— Ты играешь словами, прищелецъ!

— А ты чувствами, старикъ. Чѣмъ ты лучше раба, который обязанъ обжигать кирпичи? Онъ обожжетъ ихъ извѣстное число въ день, а ты извѣстное число путниковъ благословишь. Рабъ счастливѣе тебя. Его мускулы заняты, а умъ свободенъ. Онъ беретъ въ руки глину, а самъ летитъ мыслью за предѣлы мірозданья. А ты—ты цѣлый день не допускаешь въ своемъ мозгу спокойнаго цвѣтенія мысли. Въ твою душу постоянно врываются посторонніе образы. Можешь-ли ты проныгнуться силою творческой мечты? Нѣтъ. Ты утѣшаешься тѣмъ, что посвятилъ себя на высокое служеніе любви къ людямъ. Нуждаются-ли они въ ней? Вотъ мнѣ—мнѣ не нужна твоя любовь. Любишь-ли ты, нѣтъ-ли—не все-ли мнѣ равно? Солнце свѣтитъ такъ-же

ясно, птицы поютъ также звонко, тигръ такъ-же свирѣль, а собака такъ-же ласкова. Отъ твоей любви и ненависти міръ не измѣнится. Чтò твои слова, чтò твои чувства?

* * *

У пропилей храма собралась толпа. И старцы, и юноши, и женщины яркимъ моремъ цвѣтовъ переливались въ этомъ живомъ потокѣ. Всѣ слушали незнакомца. Онъ говорилъ такъ спокойно, все съ тою-же полуулыбкою. Только голосъ его все крѣпчалъ, и глаза порою вспыхивали презрительнымъ, надменнымъ пламенемъ.

— Зачѣмъ придаете вы значеніе,—говорилъ онъ,—всякимъ словамъ, и дурнымъ, и хорошимъ? Чтò такое слова? Это звукъ, это потрясеніе воздуха. Не все-ли равно, тѣ или иные звуки раздаются? Такъ-же бесслѣдно исчезнуть они, какъ молнія, какъ эти облака, что вонъ тамъ несутся надъ нами. Гдѣ они будутъ завтра? Кто ихъ вспомнить? Кто о нихъ будетъ плакать? Зачѣмъ-же вы плачете надъ словомъ, зачѣмъ вы смѣтаетесь словамъ? Вы радуетесь, воздвигнувъ эти храмы, но вѣдь этихъ храмовъ не будетъ, вѣдь и они сотрутся съ лица земли, исчезнутъ, какъ и слова ваши,—только они нѣсколько дольше слова продержатся. А чтò такое <дольше>? Не все-ли это равно? Для васъ это еще разница, а для божества, вмѣщающаго весь міръ, все одно мгновенье.

Толпа молчала. Жрецъ поднялъ голову.

— Сынъ мой,—сказалъ онъ,—весь міръ дѣлится на двѣ части: на хорошее и дурное, на прекрасное и гнусное, на свѣтъ и тьму. Мы дѣти свѣта, мы стремимся къ добру и ненавидимъ зло. Это такъ просто.

Незнакомецъ засмѣялся.

— А кто вамъ сказалъ, что все, что вы творите — добро? проговорилъ онъ. — Можетъ быть вы во тьмѣ? Быть можетъ вы заблуждаетесь жестоко? Быть можетъ главное зло — ваша вѣра.

Ахнула въ ужасѣ толпа. Взоры всѣхъ устремились къ могучей статуѣ, воссѣдавшей за алтаремъ. Она смотрѣла грозно, руки сжимали судорожно жезлъ, брови были сдвинуты и насуплены.

* * *

— Боги сами пришли къ намъ, заговорилъ жрецъ, — сами открылись намъ въ таинственныхъ проявленіяхъ всѣхъ стихій. Они царятъ надъ нами; покровительствуютъ намъ. Мы имъ молимся, какъ молились наши отцы и дѣды.

— Они уйдутъ. — безжалостно продолжалъ незнакомецъ. — уйдутъ такъ-же, какъ пришли. Они обратятся въ ничто, въ пыль и прахъ, какъ и ваши храмы, какъ и весь вашъ городъ. Смотрите, какое ликованье. Дымъ отъ душистыхъ куреній, цвѣты... Цвѣты къ вечеру завянуть, и ихъ швырнуть въ огонь. Дымъ, о которомъ я говорилъ, гдѣ онъ? Его уже нѣтъ, это другіе, новые клубы. — А! вотъ, я вижу, несутъ черезъ площадь покойника... Стройная, печальная музыка... Это вдова, должно быть, плачетъ? А когда ее понесутъ такъ-же, она не заплачетъ, а только черви въ землѣ будутъ радоваться новой добычѣ. И музыка эта улетаетъ въ воздухъ безслѣдно. Будетъ время, здѣсь будутъ другіе звуки... Вокругъ будутъ лежать обломки, обломки — много всякихъ обломковъ. и голова вашего божества, что такъ сердито хмурится тамъ, упадетъ на землю съ отбитою щекою... А по нимъ, среди раскаленной пыли, будутъ ходить шакалы, и выть, не находя добычи. И змѣи, шипя, поползутъ по лицу вашего божества, и

страусъ будетъ ронять перья на обломанные жертвенники...

— Уходи, грозный пророкъ, произнесъ жрецъ. — Уходи скорѣе, не смущай нашего лигованья.

— Я не пророкъ, отвѣтилъ пришелець, — я только говорю, что думаю, а думаю то, что подсказало мнѣ божество...

— Демоны подсказали это тебѣ! крикнулъ жрецъ. — И неужели нашъ могучій владыко неба не уничтожить тебя, дерзновеннаго? Смотри, какъ онъ воззрился на тебя. Смотри, сейчасъ дрогнетъ перунъ въ его рубѣ...

Толпа въ ужасѣ отступила, но незнакомецъ улыбался, опираясь таеъ-же спокойно на копье.

— Онъ меня не уничтожить! проговорилъ онъ.

* * *

— Уходи, продолжалъ жрецъ. — Мы счастливы и свободны. Мы довольны жизнью и міромъ. Мы любимъ, и полны любовью.

— Вы несчастны! возразилъ путникъ. — Я жалѣю васъ. Я уйду, потому что не привыкъ жить въ клѣткахъ. Я привыкъ къ простору и свободѣ. А есть-ли у васъ свобода духа, когда вы всѣ прикованы къ вашей вѣчной заботѣ о счастьѣ? Вы въ каждомъ шагѣ, въ каждой мысли отдаете себѣ отчетъ. Вы воздвигаете дворцы и храмы, затрачиваете свою мысль на созданье какихъ-то колоннъ и ступеней. Вы несчастны!

И онъ сталъ спускаться отъ жертвенника внизъ, къ толпѣ.

— Незнакомецъ, остановись! раздалось за нимъ.

Онъ оглянулся. Жрецъ опять протягивалъ къ нему руки, — чело его разгладилось.

— Возвратись! говорилъ онъ. — Остаешься съ нами. Выбери прекраснѣйшую изъ женъ въ подруги. Красота

ея очаруетъ тебя, убаюкаетъ тихимъ, счастливымъ сномъ. Женская любовь очиститъ тебя.

— Красота! засмѣялся путникъ.— Красота въ природѣ. Море, отъ котораго вы ушли въ эти стѣны на много часовъ пути—вотъ красота. Лазурныя небеса—вотъ красота. На нихъ если набѣжить сумракъ бури, такъ потому они кажутся еще невиннѣе и чище. А женщина? Слѣды времени изглаживаются-ли съ ея лица? Нѣтъ, тѣ бѣрозды неизгладимы...

И онъ сталъ еще быстрѣе спускаться внизъ.

— Остановись, звучало сзади его.— Куда ты идешь? въ пустыню! Человѣкъ могучъ только сплоченою массою, одинокій онъ болѣе жалокъ и безпомощенъ, чѣмъ любое животное... Примени къ людям!

Онъ уже сошелъ на дорогу. Взгляды толпы сосредоточились на немъ. Сколько тутъ было дивныхъ, глубокихъ женскихъ глазъ, сверкавшихъ огнемъ распалюющей страсти.

— Здѣсь скучно и душно, пожавъ плечами сказала онъ, остановившись въ послѣдній разъ.— Живите подъ покровительствомъ вашихъ божествъ, я васъ не осуждаю. Любите другъ друга, быть можетъ это и лучше, чѣмъ ненавидѣть. Но не будьте тиранами: не заставляйте всѣхъ подчиняться вашей любви.

* * *

Онъ пошелъ тою-же гибкою, свободною походкою, не оглядываясь, не ускоряя шагъ. Золотою звѣздою горѣлъ на его спинѣ щитъ и скользилъ перебѣгающими лучами по безмолвной толпѣ. Въ дымкѣ яркаго дня онъ долго былъ видѣнъ, пока, наконецъ, не пропалъ гдѣ-то вдали, словно потонулъ въ сизомъ туманѣ.

— Кто-же это былъ передъ нами? съ трепетомъ спросилъ жрецъ.

Отвѣта не было. Толпа будто окаменѣла. Только огромное изображеніе божества, съ уходомъ незнакомца, словно съежилось, потускло. Гнѣва не было и слѣда на грозномъ челѣ: что-то робкое, какое-то пугливое недоумѣніе разлилось по всему изваянію.

И такъ это выраженіе навсегда и осталось на немъ.

ТАЙНА ЮЛІА ФЕДОРОВИЧА.

(Страница изъ дѣтскихъ воспоминаній).

Юлія Федоровича была тайна — это всё всякаго сомнѣнія. Насъ, дѣтей, было пятеро, и мы всё отлично знали, что Юлій Федоровичъ человѣкъ таинственный. Хотя онъ и не носилъ чернаго плаща со шпагою (что, по нашимъ понятіямъ, каждый человѣкъ, имѣвшій адскія откровенія, долженъ былъ дѣлать), но за то лицо его было положительно таинственно. Онъ былъ у насъ гувернеромъ, очень милымъ и хорошимъ гувернеромъ, и мы его ужасно любили. Онъ былъ очень веселый нѣмецъ; не смотря на шестьдесятъ лѣтъ, онъ прыгалъ за нами по саду, какъ жеребенокъ, зарывался въ сѣно съ головою и вылѣзалъ изъ копы на четверенькахъ, игралъ на гребенѣ вальсы, самъ танцовалъ, показывая, какъ танцуютъ въ Ригѣ, — ну, словомъ, общій былъ любимецъ. Но какъ только наступалъ четвергъ, онъ дѣлался торжественно-серьезнымъ: онъ надѣвалъ, послѣ утреннихъ классовъ, чистые воротнички и рукавички, приглаживалъ фиксауаромъ циплячій пухъ, росшій у него на затылкѣ, бралъ въ руки палку и исчезалъ до обѣда. У него выговорено было это время, и никакая погода, никакая слякоть, никакой морозъ не

могли остановить его. Возвращался онъ необыкновенно веселымъ, нѣсколько краснѣе обыкновеннаго, начиналъ дурачиться и шалить на пропалую, пускать необычайныхъ величинъ змѣевъ, устраивать торжественныя шествія съ фонарями, или учить кошку прыгать черезъ обручи.

* * *

Куда онъ скрывался? Старая няня говорила, что онъ ходитъ къ «своимъ нѣмцамъ» въ гости. Почему-же онъ ходилъ такъ ненадолго, и главное—по буднямъ, передъ обѣдомъ. Ну, какіе-же нѣмцы въ будни, передъ обѣдомъ, станутъ ходить другъ къ другу? И отчего онъ возвращается такимъ веселымъ. Сестра моя Катя рѣшила, что его кормятъ гдѣ-то молочною лапшею, которую онъ очень любитъ, отъ того онъ такъ и веселъ.

Пороку мы спрашивали у шатап, куда онъ ходитъ? Но ее этотъ вопросъ очень мало интересовалъ; она всегда отвѣчала:

— Да чтò намъ за дѣло? Онъ человекъ свободный, куда хочетъ, туда и идетъ.

Такое объясненіе насъ не удовлетворяло.

* * *

Наконецъ, однажды, старшій братъ Николай заявилъ намъ, что онъ знаетъ все: тайна была проникнута.

Мы обступили его въ дальнемъ углу гостиной, дрожа отъ страха, ожидая открытія давно волновавшаго насъ обстоятельства.

— У Юліа Өедоровича, торжественно проговорилъ Николай,—есть погребъ съ деньгами, и онъ ходитъ ихъ зарывать.

Мы такъ и онѣмѣли отъ этого открытія.

— Кто тебѣ сказалъ? Почему ты думаешь?

— Слушайте. Сегодня я подсмотрѣлъ сборы Юліа Федоровича. Онъ взялъ въ портъ-моне десять рублей и лопату...

— Лопату, какую лопату?

— Нашу дѣтскую, изъ подъ лѣстницы. Онъ взялъ ее очень осторожно, чтобы никто не видѣлъ, и назадъ поставилъ такъ-же тихо. Я видѣлъ, какъ онъ незамѣтно несъ ее подъ полою черезъ площадь. Утромъ она была совсѣмъ чистая, блестящая, а теперь,—посмотрите.

Онъ поведъ насъ подъ лѣстницу и показалъ лопату. Къ ней была приставши свѣжая, рыхлая, черная земля; эту землю пахло въ чуланѣ очень сильно.

— Такъ онъ кладъ копить! изумились мы.

— Кладъ! Я, когда онъ вернулся, нарочно посмотрѣлъ ему въ кошелечекъ: тамъ осталось только рубль двадцать копеекъ. А вѣдь онъ ничего не купилъ, ничего не принесъ. Рубль двадцать копеекъ онъ оставилъ себѣ на табакъ, а остальное зарылъ.

Сомнѣнія у насъ больше не было.

* * *

Но скоро намъ пришлось разубѣдиться въ этой геніальной догадкѣ. Не смотря на самыя тщательныя наблюденія, мы не могли подмѣтить, чтобы онъ когда-нибудь бралъ съ собою лопату: очевидно это было только одинъ разъ. Хотя сестра Катя рѣшила, что онъ копаетъ землю просто руками, но это предположеніе отвергли единогласно, зная чистоплотность Юліа Федоровича и его на-рѣдкость выложенные ногти. Впрочемъ, разъ онъ опять возбудилъ въ насъ подозрѣніе касательно копанья, потому что мы замѣтили на его свѣтлыхъ панталонахъ большое земляное пятно, увидѣвъ которое онъ очень сконфузился и тотчасъ пошелъ

мѣнять брюки. Отчего-же это пятно? Это не уличная грязь, а настоящая земля, вотъ что бываетъ на грядахъ.

Необычайная веселость Юліа Федоровича по четвергамъ приходила не сразу. Когда онъ возвращался, онъ входилъ, быстрою, неровною походкою и былъ сосредоточенъ. И только потомъ, побывъ немного въ своей комнатѣ, онъ уже выходилъ въ шаловливомъ настроеніи.

Разъ, возвратившись въ обычный часъ и торопливо проходя въ двери, онъ вдругъ пошатнулся, да такъ, что пришлось ухватиться за косякъ. Не успѣи онъ ухватиться—онъ грянулся-бы на полъ. Постоявъ съ минуту, онъ закрылъ лицо, и совсѣмъ пошатываясь прошелъ къ себѣ.

— Да онъ пьетъ! радостно сообразилъ Коля.—Его шатаетъ отъ наливки. Здѣсь онъ пить не смѣетъ, и ходитъ въ гостинницу. Вотъ куда и деньги идутъ.

— А земляныя пятна на панталонахъ? спросилъ я.

— А это онъ лежитъ на улицѣ, пока его будочникъ не подниметъ...

Самъ Николай чувствовалъ, что онъ хватилъ черезъ край. Никто не хотѣлъ вѣрить, что Юлію Федоровичъ пьетъ.

— Однако, онъ по четвергамъ красный, стоялъ на своемъ Николай.

— Такъ не въ баню-ли онъ ходитъ? спросила Катя.

— Съ лопатою? язвительно возразилъ я.

Катя была уничтожена.

* * *

Вдругъ, однажды Николай, послѣ того, какъ ушелъ Юлію Федоровичъ, влетѣлъ въ дѣтскую.

— За мною, скорѣе! крикнулъ онъ.

Мы гурьбою кинулись. На комодѣ въ комнатѣ Юлія

Федоровича стоялъ предметъ, котораго мы никогда раньше не видали. Это была бархатная рамка, а въ ней рисованный карандашемъ и слегка тронутый акварелью портретъ какой-то дѣвицы въ локонахъ. Съ боку была надпись «Emma».

— Вотъ куда онъ ходитъ, радостно говорилъ Николай,—къ Эммѣ. Это его невѣста.

— И онъ влюбленъ въ нее, отъ того и красный такой, подтвердила Катя.

— А лопата зачѣмъ-же? скептически спросилъ я.

— Фофанъ ты этакій, отрѣзалъ Николай.—Это совпаденіе, и не больше.

Николай употреблялъ уже умныя слова, такъ какъ принялся съ весны за геометрію.

— Ну, что-же—рѣшили мы въ концѣ-концовъ,—Юлій Федоровичъ на ней женится, и это будетъ прекрасная партія.

* * *

Вечеромъ въ тотъ-же день, когда Юлій Федоровичъ клеилъ огромный дѣтскій театръ и дурачился по обыкновенію, Коля вдругъ сказалъ:

— Юлій Федоровичъ, правда, какое славное имя—Эмма?

Юлій Федоровичъ выронилъ кисть, которою закрашивалъ предполагаемую занавѣсъ.

— Эмма, повторилъ онъ,—Эмма?

Онъ всталъ, стряхнулъ съ колѣнъ обрѣзки бумагъ и заходилъ изъ угла въ уголь.

— Хорошее имя, подтвердилъ онъ, потряхивая головою такъ, что очки начали спадать съ носа.

— Каково, какъ влюбленъ! радостно шепталъ намъ Николай, слѣдя за его нервно-двигавшеюся фигурою

восторженнымъ взглядомъ. — Ну, ужъ и подарокъ мы сдѣлаемъ ему къ свадьбѣ!

* * *

Но отчего такъ грустенъ Юлій Федоровичъ, когда идетъ къ своей невѣстѣ? Отчего это невѣста ждетъ его только по четвергамъ? Отчего онъ въ четвергъ рассказываетъ такіе веселые анекдоты по вечерамъ? И отчего у него въ землѣ колѣна?

Я рѣшилъ, что узнаю объ этомъ во что-бы то ни стало. Меня ужъ пускали одного ходить по улицамъ, и я рѣшился выслѣдить гувернера.

Въ ближайшій четвергъ, какъ всегда, онъ повязалъ свой черный галстухъ, прилизался фиксауаромъ, и вышелъ изъ подъѣзда. Я тихонько пошелъ за нимъ, наблюдая разстояніе, чтобы онъ меня не замѣтилъ. Но предосторожность эта была излишня. Онъ шелъ, низко опустивъ голову подъ широкополымъ цилиндромъ, никого не видя, не замѣчая, погруженный въ самого себя.

Шли мы скоро, но долго, шли на самую окраину. И дома хорошіе стали рѣже, и улицы уже, и извозчики непригляднѣе. Вотъ и города конецъ, а мы все идемъ, и Юлій Федоровичъ идетъ все скорѣе.

Онъ завернулъ въ кладбищенскія ворота.

* * *

Мимо великолѣпныхъ мавзолеевъ, не глядя по сторонамъ, шелъ онъ давно знакомымъ путемъ все вперед и впередъ. Мавзолеи смѣнились крестами, скалами, плитами; кресты и плиты становились все меньше и бѣднѣе. Пошли деревянныя рѣшетки и бѣлые кресты. Вотъ одна могила—вся въ цвѣту съ вѣнками имортелей на крестѣ, съ большою березою, шатромъ склонившеюся надъ нею. Юлій Федоровичъ вошелъ за рѣшетку,

сбросилъ на скамейку помятый цилиндръ, и повалился на колѣни.

Онъ не молился и не плакалъ; складки шинели лежали неподвижно. Глаза были направлены на одну точку. Меня онъ не видѣлъ, хотя я стоялъ чуть не рядомъ съ нимъ. Вокругъ больше никого не было. Деревья шумѣли, да птицы чирикали вверху.

* * *

Онъ поднялъ голову.

— Вы зачѣмъ здѣсь? изумленно проговорилъ онъ, быстро поднимаясь.

Я не могъ говорить. Слезы сжимали горло.

— Юлій Федоровичъ, лепеталъ я, — вы не подумайте, не подумайте...

Онъ внимательно посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Вы хорошій мальчикъ, сказалъ онъ, фамильярно опуская мнѣ на плечо руку. — Вы хорошій мальчикъ. Зачѣмъ вы сюда попали?

— Я за вами шелъ.

— Зачѣмъ?

— Мнѣ хотѣлось знать, куда вы ходите.

— Для чего же вамъ это знать?

— Я хотѣлъ объяснить себѣ, отчего вы бываете такой веселый по четвергамъ.

— Отчего я такой веселый? Ну, такъ вотъ смотрите сюда. Вотъ здѣсь подъ крестомъ лежитъ моя жена Эмма, которая умерла восемь лѣтъ назадъ. Я любилъ ее больше всего въ мірѣ, и за это она отнята у меня. Восемь лѣтъ со дня ея смерти, каждый четвергъ, въ половинѣ третьяго я прихожу сюда, потому что она умерла въ четвергъ, въ половинѣ третьяго. И у меня сердце разрывается, когда я вспоминаю и представляю эту удивительную женщину. И я здѣсь плачу, на этихъ

цвѣтахъ, которые я самъ посадилъ, и потомъ иду до-
мой, и стараюсь быть особенно веселымъ. Вы спросите,
милый мальчикъ, отчего-же именно я весель въ этотъ
день? Оттого именно я весель, что никому дѣла нѣтъ
до моего горя.

— Мы васъ такъ любимъ, попробовалъ замѣтить я.

— О, у васъ прекрасное семейство, и я глубоко
цѣню и уважаю вашихъ родителей, но, скажите пожа-
луйста, ну какое имъ дѣло, что у меня была жена—
красавица Эмма, что я молился на нее, что она умерла,
и похоронена здѣсь, а эти цвѣты растутъ и такъ хо-
рошо пахнутъ? Ну, зачѣмъ-бы я сталъ рассказывать
вамъ все это, что мнѣ такъ дорого, а вамъ такъ мало
интересно. Я отлично знаю, что у васъ никто не умеръ,
и дай вамъ Богъ жить какъ можно дольше, зачѣмъ-же
я буду говорить о смерти и смущать васъ? Нѣтъ, я
буду рѣзвъ, какъ бабочка, и буду порхать съ вами и
хохотать, и веселиться.

* * *

Онъ поднялъ глаза къ небу.

— Эмма знаетъ, сказалъ онъ, — что я такъ свято
храню ея память, что никогда никому не позволю до
нея касаться. Эмма все видитъ. Вы думаете, умерла
она? Нѣтъ, я вижу ее на этомъ голубомъ сіяющемъ
небѣ — она плыветъ вонъ тамъ свѣтлымъ облачкомъ.
Это она, она — я навѣрно знаю. Ну, и зачѣмъ-же я
кому скажу, что по четвергамъ прихожу сюда бесѣдо-
вать съ нею? Мнѣ скажутъ, что я сумасшедшій, и про-
гонятъ изъ дома, а я нишій, и жить мнѣ вѣчѣмъ.

Онъ посмотрѣлъ на продавленный цилиндръ и на-
дѣлъ его на голову.

— Я три года у васъ, и три года никто не знаетъ,
что я еженедѣльно плачу здѣсь. И мнѣ весело было.

что никто не знает моего горя, и что я одинъ его знаю. Теперь вы узнали. Мнѣ это непріятно. Я люблю васъ, но мнѣ непріятно, что вы знаете, зачѣмъ и куда я ухожу по четвергамъ. И я больше не могу у васъ быть...

* * *

И онъ, дѣйствительно, ушелъ отъ насъ черезъ пол-мѣсяца. Онъ не любилъ, чтобы провикали въ его тайны.

1887 г.

ОРАТОРЫ.

I.

ь большомъ южномъ городѣ Х., въ сороковыхъ годахъ, главою мѣстной епархіи былъ одинъ извѣстный проповѣдникъ, личность глубокообразованная и почтенная. До сихъ поръ во всѣхъ хрестоматіяхъ можно встрѣтить образцы его проповѣдей, какъ идеалы краснорѣчія въ своемъ родѣ. Говорилъ онъ всегда чрезвычайно убѣдительно, иногда сжато, и даже слишкомъ сжато, но обладалъ неотразимою силою ораторства, и впечатлѣніе всегда и на всѣхъ производилъ изумительное.

Владыка очень заботился о своей епархіи, и по возможности силился насаждать духовное образованіе и среди пастырей, и среди пасомага стада. Но съ этой стороны его дѣятельность не всегда приносила соотвѣтствующіе плоды. Даже болѣе того: владыку постигала постоянная неудача на этомъ поприщѣ. Въ концѣ-концовъ онъ сильно разочаровался въ своихъ начинаніяхъ.

Вотъ о главномъ-то его разочарованіи я и хочу теперь поразсказать, тѣмъ болѣе, что исторія эта полузабыта, и ее вспоминаютъ развѣ нѣсколько старо-

жиловъ, узнавшихъ о ней случайно: и въ свое-то время она огласки не получила.

Преосвященный на сельскую паству давно махнулъ рукой:—ужь очень туго поддавались хохлы его культурѣ. Затѣялъ онъ было по селамъ воскресныя бесѣды: чтеніе евангелія съ объясненіями. Ничего какъ есть не вышло. На одну бесѣду самъ пріѣхалъ. Хуторъ богатый, казаки все умные.

- Туго, владыко, туго! предупреждаетъ попъ.
- Бери книгу, читай имъ. Увидимъ, какъ туго.
- Откуда начать, владыко?
- Съ начала—такъ, по порядку.

Развернулъ попъ евангеліе. Отъ Маттея, глава первая.—«Книга родства Иисуса Христа, сына Давидова... Авраамъ роди Исаака, Исаакъ-же роди Іакова».

Поморщился владыка: «Экъ, не догадался попъ со второй главы начать».

Вся хата полна, слушаютъ чубы внимательно... «Озія-же роди Іоасама»...

— Ну, зато понятно для нихъ: никакихъ тонкостей нѣтъ: родословная на что ужь яснѣе: всѣ поймутъ.

«... Іехонія роди Салаѳіила. Салаѳіиль-же роди Зоровавеля»...

Вдругъ изъ угла восклицаніе:

— От-то чудо, то чудо!

Оглянулся преосвященный, — сѣдой чубъ въ углу изумленіе высокое на лицѣ выразилъ.

— Постой, отче Василій, — комментарий потребны. Поди сюда, старче.—Ты чему-же такъ удивился?

— Да какъ-же не чудо?

— Салаѳіиль роди Зоровавеля?

— Чудо! Соловій—така маленька птичка, а журавель-то якій!

Краска въ лицо винулась владыкъ. — Продолжай, говоритъ попу. Потомъ, безо всякихъ комментаріевъ, уѣхалъ и никакихъ подтвержденій воскресныхъ бесѣдъ по епархіи не разсылалъ. — Рѣшилъ онъ обратить лучше вниманіе на пастырей. Ну, и обратилъ.

II.

Разсуждалъ онъ такъ: Выходить попь изъ семинаріи, обученъ всякимъ наукамъ—и богословію. и риторикѣ, и логикѣ, и догматикѣ, и элоквенціи. Все это у него въ головѣ свѣжо и ясно. Достанетъ онъ мѣсто, поженится, народитъ дѣтишекъ, засядетъ на свою пастѣбу и на баштанъ, править службы, править требы; а риторика и элоквенція, съ позволенія сказать, чуть не подъ постелью лежать. Жалко! Знаніе гибнетъ.

А и то сказать: ну, чего развивать эту самую элоквенцію предъ бабами да мужиками? Имъ проповѣдь нужна простая, несложная, съ отсутствіемъ витійства. Нельзя-же имъ хриіи и синеeldoхи подводить, — все одно—ушами будуть хлопать. Какъ-же быть?

И пришла владыкъ въ голову мысль блистательная: Если послать предписаніе такое, чтобы всѣ попы, не достигшіе пятидесятилѣтняго возраста, прибывали по очереди къ намъ въ городъ и произносили проповѣди въ моемъ присутствіи по воскресеньямъ въ соборѣ? Во-первыхъ—опредѣлится этими рѣчами степень развитія каждаго изъ поповъ, и я ознакомлюсь съ ними, каждаго узнаю; а во-вторыхъ, — и они-то плѣсневѣтъ не будутъ: нѣтъ, нѣтъ да и подтянутся.—Порядокъ простой. Получилъ отъ меня за два дня тему—ну и развивай ее какъ умѣешь. Вѣдь не семинарія: не высѣ-

буть тебя, коли ты плохъ. Ну, а коли хорошъ — жди благодѣтели.

Очень понравилась преосвященному эта идея. Губернаторша ее одобрила чрезвычайно. — Вы, говорить, представить не можете, какимъ жаргономъ въ иныхъ мѣстечкахъ священники произносятъ слово. Вотъ близъ нашего хутора, отецъ Тихонъ живетъ, такъ онъ всегда начинаетъ такъ: «а послушайте, міряне, что я вамъ скажу»... Ужась, ужась!

Вѣсть о замыслахъ владыки какъ громомъ поразила весь округъ. Духовенство въ конецъ растерялось. Положимъ, что преосвященный пользовался славой человека гуманнаго и обходительнаго, — но вѣдь Богъ его вѣдаетъ, какъ онъ къ краснорѣчію отнесется. Первый ораторъ въ Россіи, — вѣдь это не шутка! Губернаторъ, всѣ власти, все соберется слушать, какъ сельскій пошъ въ соборѣ начнетъ поучать паству. Вѣдь это что-же! — Многіе іереи захворали не на шутку. Они согласились бы какую угодно болѣзнь вынести, поститься годъ, въ Кіевъ пѣшкомъ сходить, по тысячѣ поклоновъ въ день отбивать, только-бы не ѣхать на этотъ страшный судъ великаго оратора...

А вѣдь надо ѣхать, какъ ослушаться! Ужъ прислано распредѣленіе, кому и когда явиться.

Первый жребій палъ на попа Мартына, который двѣнадцать лѣтъ въ губернскомъ городѣ не былъ, кромѣ благочиннаго и изъ начальства-то никого не видалъ. Ходилъ себѣ по хуторку въ бѣломъ подрясникѣ, вышитомъ попадѣей по рукавамъ и подолу пѣтухами и елочками (причемъ онъ увѣрялъ, что это птицы райскія и древо жизни), постукивалъ своимъ посохомъ по ульямъ, надѣвъ предварительно сѣтку и рукавички, — пчелы почемуто жалили его немилосердно; гналъ наливки чу-

деснѣйшія: вишневка такая у него была, что ни одинъ засѣдатель не могъ проѣхать мимо его домика, чтобы не завернуть выкурить трубочку. Попадья у него была красивая, толстошеяя, на груди монисто. Свины жирныя, индѣйки еще того жирнѣе, кони крѣпкіе. Наслаждался пощъ идилліей, и вдругъ такое несчастье на голову!

III.

Горько плакала попадья, да и самъ онъ обливался горячими слезами, выѣзжая изъ своего завѣтнаго уголка. Онъ словно на вѣки прощался со своими подсолнечниками, вербами и вишнями. Словно на казнь вели его, на казнь неминуемую, безъ помилованія.

Остановился онъ у своей родственницы, вдовы протоіерея, попадья зажиточной, умной. Выслушала она его стенанья, да и говоритъ:

— А ты не кисни,—Богъ милостивъ. Иди къ владыкѣ сейчасъ-же,—еще до воскресенья три дня. Утро-то вечера мудренѣе,—можетъ что и надумаемъ. Отстой вечерню, да и отправляйся къ преосвященному. Тамъ видно будетъ.

Завздыхалъ Мартынъ, пошелъ къ вечернѣ. Приютился въ темномъ уголѣ, чтобы никто его не видѣлъ, и почти всю службу на колѣняхъ простоялъ. Плачетъ, просить помощи свыше.

Владыка въ саду его принялъ: онъ обычный моціонъ предъ ужиномъ дѣлалъ. Ходитъ по дорожкѣ, увидѣлъ попа, благословилъ, осмотрѣлъ и опять зашагалъ. Мартынъ идетъ на шагъ отъ него отставши, шляпу въ рукахъ вертитъ, каждое слово уловить старается.

— Если ты по элоквенціи хорошъ былъ, какъ твой

аттестатъ утверждаетъ, то долженъ ты мнѣ развить тему интересную, посмотрю, какъ-то ты справишься.

— Боюсь, владыко, надеждъ не оправдать.

— А ты не бойся. Главное подойди къ предмету просто, и въ то-же время насколько можно разукрась эту простоту силою рѣчи. Вотъ тебѣ тема.—«О нравственномъ состояніи прародителей до грѣхопаденія».

Чувствуетъ попъ Мартынъ какъ душа его уходитъ въ пятки, въ головѣ все путается, въ виски бьетъ...

— Поле обширное. Можешь разобрать нравственную и божественную сторону души нашей.

— Боюсь, владыко.

Владыка ногою даже топнулъ.—Затвердила сорѣба Якова... Я не спрашиваю тебя—боишься ты, или нѣтъ. Въ семинаріи ректоръ тебя не спрашивалъ, а дралъ по субботамъ, коли не такъ.

Отецъ Мартынъ вдругъ бухъ въ ноги.

— Пощади, владыко, — пятеро дѣтей, малъ-мала меньше.

Преосвященный усмѣхнулся.

— Чего ты мнѣ какъ Богу земные поклонны твоиришь? Ты лучше времени не теряй, шей тетрадку, перышко очини, да и углубись въ созерцаніе нравственной природы прародителей. Помолись усерднѣе, — простыхъ рыбаей Господь просвѣщаль, не токмо іереевъ. Встань, встань, нечего ползать.

Шатаясь вышелъ онъ изъ садика; какъ добрель до дому, — и самъ не помнитъ. Все въ глазахъ помутилось: пропали дѣтεια малыя, пропали!

У попады ужъ за чай всѣ сѣли. Самоваръ кипитъ, уходитъ. Сальныя свѣчи такъ весело горять; у всѣхъ лица довольныя, а Мартынъ и слова сказать не можетъ. Видитъ, уставился на него какой-то юнецъ, — лѣтъ

двадцати-двухъ, не больше, съ усиками,—въ первый разъ видитъ онъ его.

— А позвольте узнать, какую тему задалъ преосвященный?

Мартынь и говорить не хотѣлъ: ну на кой прахъ знать этому вертуну, какая тема? только себя раздражать! Однако все-же сказалъ.

— Такъ-съ. Тема чудесная. Развить ее можно отлично.

«Еще смѣется, шельма», думаетъ попъ. А тотъ, хоть-бы что, продолжаетъ:

— Ежели такую мысль провести. Всѣ животныя одарены разумомъ, какъ и человѣкъ. Они строятъ себѣ жилище, изыскиваютъ кормъ, рождаютъ дѣтей, но дѣлаютъ все это по инстинкту. Человѣкъ-же одаренъ способностью помимо этого *творить*, творить нѣчто новое, въ природѣ до него не существовавшее. Онъ создаетъ музыку, живопись, храмы, статуи,—пишетъ книги. Онъ творецъ: онъ можетъ мысль, мелькнувшую въ умѣ, облечь въ дѣйствительную форму,—отсюда божественное подобіе человѣка...

Мартынь даже ротъ раскрылъ отъ изумленія.— Ну-съ, ну?

— Тутъ можно нарисовать картину современныхъ изобрѣтеній: телеграфъ, примѣненіе пара, — словомъ, картину божественнаго творческаго начала человѣческаго духа...

— Ну-съ, а какъ-же тутъ прародители-то?

— Прародители? Молодой человѣкъ запнулся.—Ну, можно къ нимъ свести. Видите: они сорвали плодъ познанія добра и зла, и, по словамъ змія, стали какъ боги. Они познали зло, но въ то же время получили и знаніе творчества. Питаясь-же древомъ жизни, до грѣхо-

паденія они были нравственно чисты, но лишены творческаго начала...

У Мартына все вертѣлось въ мозгу... Послѣ чая онъ заперся съ молодымъ человѣкомъ въ своей комнатѣ.

IV.

А ужъ какъ проповѣдь удалась! Правда, — читаль попъ Мартынъ по тетрадкѣ, но достаточно смѣло и увѣренно. Губернаторша, губернаторъ, владыка — всѣ были чрезвычайно довольны. Губернаторша еле удержалась отъ аплодисментовъ. Преосвященный облобызалъ Мартына трижды.

— Не думаль, говорить, чтобы у меня въ епархіи были такія свѣтлыя головы. Ты и за наукой слѣдишь, и тетрадки школьныя не забылъ. Одобряю, одобряю.

А ужъ попъ отъ радости не понимаетъ ничего. Кинулся на шею къ Николаю Федоровичу, тому студенту, что у его родственницы дѣтей обучалъ, да и говорить:

— По гробъ жизни обязанъ вамъ, почтеннѣйшій, — вынули изъ петли.

— За что-же, — отвѣчаетъ тотъ, — благодарите, отецъ Мартынъ: я вамъ за тѣ-же двадцать-пять рублей и въ слѣдующій разъ напишу, коли нужда встрѣтится.

— Прямо къ вамъ тогда, прямо. Только чередъ теперь мой не скоро...

Научилъ Мартынъ женѣ и дѣтишкамъ гостинцевъ на всѣ наличныя деньги, и тронулся во свояси.

Но Николаю Федоровичу недолго пришлось ждать писанія новой проповѣди, а всего дня три. Скрип-

нула къ нему дверь, является пописъ тощенькій, гнуслявый, съ поклонами.

— Наслышаль, яко-бы вы моему предшественнику помогли,—отець родной, не отважите. Я ту-же сумму съ превеликою благодарностью...

Николай Федоровичъ и отнѣживаться не сталъ. Покрутилъ усь и спрашиваетъ:

— А тема какая?

— О безплодной смоковницѣ.

— Можно.

— Отець родной,—всѣхъ насъ облагодѣльствуете.

И впредь къ вамъ всѣ повалять.— такъ гуськомъ и пойдуть. Вы человекъ современный, ученый, а мы отсталые... Опять же вамъ... въ сотню рублей вознагражденіе ежемѣсячное... невредно...

— Хорошо, хорошо... Завтра къ утру приготовлю. Вы зайдите, батюшка, заняться надо будетъ съ вами, подготовить дикцію и прочее... Владыка останется доволенъ, повѣрите...

V.

Да, владыка былъ доволенъ,—цѣлые полгода доволенъ былъ.—Его изумили начитанность и блестящій умъ представителей его епархіи.

— Безконечныя сокровища таятся въ нѣдрахъ Россіи,—не разъ размышлялъ онъ.—Кто-бы могъ подумать, чтобы простое сельское духовенство, и на такой высотѣ знанія. Случайный-ли то подборъ, или превосходное преподаваніе мѣстной семинаріи? Вопросъ очень затруднительный для разрѣшенія.

А оказалось, что вопросъ рѣшался чрезвычайно просто. Мѣсяцевъ черезъ семь послѣ первой проповѣди, при-

былъ въ Х. какой-то дальній священникъ, и по общей проторенной тропинкѣ направился къ Николаю Оедоровичу. — Скуповать-ли онъ былъ, приходъ-ли у него былъ бѣдный, только онъ уперся на пятнадцать руб-ляхъ, больше не даетъ. Николай Оедоровичъ былъ на веселѣ—пирушка у него шла съ товарищами; посадилъ онъ попа за столъ, затанули «Gaudeamus».

— Такъ не дашь, батька, больше?

— Не могу, Николай Оедоровичъ,—видитъ Богъ не могу. Вы коротенькую напишите, только сильную.

— Сильную? Ладно. Приходи завтра.

Вотъ собрались всѣ въ соборъ,—праздникъ большой. Проповѣдь дана на текстъ «Воздадите кесарю».

Вышелъ попъ, начинаетъ. Прислушался преосвящен-ный. Что такое онъ говоритъ? Неясно мысли вяжетъ, все періоды, періоды, а подлежащее и сказуемое словно ускользаетъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ туманнѣе. Владыка уже сожалѣть начинаетъ, что рукописи заранѣе не про-смотрѣлъ.

И вдругъ пережѣна: періоды пропадаютъ, рѣчь краткая, выразительная, да еще какая! Такія слова и выраженія начинаетъ онъ подтасовывать, что преосвя-щенный не знаетъ, куда дѣваться. Посматриваетъ на губернатора, тотъ къ нему.

— Это что-же, говоритъ, такое?

Кое-какъ дослушалъ владыка «слово», да и по-манилъ попа въ алтарь.

— Ты что, что ты читалъ? Несчастный!

— Я...

— Ты!.. Вѣдь тебя въ Сибирь за это!.. Вѣдь на каторгѣ тебѣ мѣста нѣтъ! Откуда ты со всѣми запад-ными идеями познакомился? Что у тебя за библіотека? Какія цитаты ты приводишь?.. Да я тебя!..

Тотъ въ ноги.

— Не я, владыко, не я... Николай Ѳедоровичъ это...

— Какой Николай Ѳедоровичъ?

— Онъ постоянно пишетъ...

Все объяснилось. Пораженъ былъ преосвященный глубоко, въ самое сердце.

* * *

Онъ слышалъ о Николаѣ Ѳедоровичѣ, что тотъ стихи писалъ, и смѣшные аттестаты выдумывалъ, яко-бы выданные студіозусамъ семинаріи по окончаніи курса. И стихи, и аттестаты ходили въ рукописяхъ по городу. Пожелалъ знаменитый проповѣдникъ съ нимъ познакомиться.

— Талантъ, государь мой, въ васъ талантъ, — вамъ-бы пастыремъ быть, — далеко-бы пошли.

— Не чувствую себя способнымъ на подвигъ духовный, говоритъ Николай Ѳедоровичъ.

— А жестоко вы со мною поступили. Столько времени держали въ заблужденіи... Я-то хвалился, и недоумѣвалъ. Положимъ, замѣчалъ я порою нѣкоторое однообразіе въ изложеніи, но и въ голову мнѣ не приходило...

Махнулъ съ этихъ поръ преосвященный и на развитіе духовенства. — А Николай Ѳедоровичъ, скажу въ заключеніе, сдѣлался весьма извѣстнымъ русскимъ поэтомъ, и стихотворенія его можно найти во всѣхъ хрестоматіяхъ: — наравнѣ съ нашимъ владыкой его считаютъ образцовымъ...

Теперь они оба давно умерли, — да и исторія только что рассказанная почти всѣми забыта. Но все-же о ней кое-кто помнить, да ученики въ классахъ изучаютъ произведенія обоихъ моихъ героевъ.

ВЪ ТРЯСИНѢ БОЛОТНОЙ.

I.

ъ теплую, свѣтлую іюньскую ночь, на огромномъ балконѣ Палкинскаго трактира, томъ балконѣ что выходитъ прямо на Невскій и, держась на чугунныхъ столбахъ, нависаетъ надъ широкимъ тротуаромъ, за небольшимъ круглымъ столикомъ сидѣло два господина: одинъ—красивый дородный мужчина лѣтъ пятидесяти, съ грудой сѣдыхъ трепаныхъ волосъ и роскошною бородой; другой—гораздо его моложе, немного подслѣповатый, блѣдный, съ жидкою бороденкой, въ золотомъ пенснэ, плохо державшемся на носу. Перваго звали Адрианъ Ѳедоровичъ Ракитинъ; онъ былъ когда-то далеко не безъизвѣстенъ въ литературномъ мірѣ, но теперь уже лѣтъ восемь, десять не писалъ, и о немъ почти забывали. Другой—былъ редакторъ одного изъ петербургскихъ журналовъ, Викторъ Алексѣевичъ Веркутовъ.

Они только что пріѣхали съ желѣзной дороги: были на открытіи загороднаго театра. Ракитинъ очень мало зналъ Веркутова. Но въ театрѣ кресла ихъ пришлось случайно рядомъ. Послѣ второго антракта они разгово-

рились, сѣли послѣ спектакля въ одно купе и прѣѣхали наконецъ сюда ужинать. Какъ это часто бываетъ при первой встрѣчѣ людей изъ пишущаго круга, разговоръ принялъ хотя и самыя узкія рамки, но тѣмъ не менѣе необрывался ни на минуту. Цензурный комитетъ, редакціонныя сплетни, газетныя перебранки, все это, выливая одно за другимъ, давало темы. Еще въ вагонѣ бесѣда ихъ приняла этотъ характеръ, и дачникъ-нѣмецъ (вѣроятно со Святой забравшійся въ свою лѣтнюю резиденцію) съ большимъ любопытствомъ настораживалъ уши, когда въ разговорѣ выпрыгивало какое-нибудь извѣстное литературное или административное имя. Впрочемъ, говорилъ по преимуществу редакторъ, выслѣживавшій тонкимъ нюхомъ натасканнаго сеттера всю дичь, носившуюся въ журнальной атмосферѣ. Въ вагонѣ онъ еще нѣсколько сдерживался, но тутъ, когда онъ попалъ въ эту привычную обстановку фрачныхъ лакеевъ, щелкавшихъ пробокъ и ароматическаго пара всякихъ яствъ, рѣчь его полилась потокомъ...

— Вы говорите, энергически возражалъ онъ совершенно спокойно курившему Раевину, который ничего не говорилъ,—вы говорите: читать! Да развѣ я могу прочесть всю труху что каждый день приходитъ изъ провинціи? Рву и швыряю въ корзинку, не читаю! Я навѣрно знаю, что перловъ тамъ нѣтъ и быть не можетъ... Если-же изъ сотни мелочишекъ я одну сносную заимствую, такъ развѣ она вознаграждаетъ меня за то потерянное время, пока я читалъ девяносто девять бумаженовъ годныхъ только для корзинки?.. Таланты въ провинціи! Скажите!.. Да съ чего имъ быть тамъ? вы скажите, ну скажите: кой чортъ занесетъ талантъ въ Чебоксары или въ Конотопъ? Совсѣмъ не та почва!..

Онъ выпучилъ глаза и ужасно посмотрѣлъ чрезъ

очки на собесѣдника, словно вызывая его на какое-нибудь утвердительное или поощрительное междометіе. Но Ракинъ разсѣянно взглянулъ на него и уставился опять на першавый затылокъ какого-то чахоточнаго господина, ѣвшаго за сосѣднимъ столомъ пожарскія котлеты. Онъ такъ давно отсталъ ото всей этой сутолоки журнальнаго міра, что она вовсе его не интересовала. Онъ думалъ о чемъ-то совсѣмъ другомъ, и если не хотѣлъ прервать влочущаго потока рѣчей Веркутова, то должно-быть изъ лѣни: его утомилъ и громъ поѣзда, и оркестръ, и толпа, и пѣніе.

— Всѣ такъ дѣлаютъ, всѣ! кипятился тотъ.—Покойный Некрасовъ мою собственную, мою собственную рукописью форточку затыкалъ, да-съ! А ужъ если онъ такъ дѣлалъ, намъ и Богъ велѣлъ. Да что мы, наконецъ, каторжные что-ли? Вѣдь если намъ читать, перечитывать да отвѣчать на всѣ письма,—министерство придется цѣлое учреждать при каждой редакціи. Надо, батенька, знать какъ дѣло поставлено, а потомъ обвинять насъ. А надувальства, мошенничества, выдаванье чужихъ произведеній за свои? Ну что тутъ говорить о провинціи, когда своихъ собственныхъ, постоянныхъ сотрудниковъ опасаясь: продадутъ, подлецы, за грошъ... Вѣдь это все шушера такая...

— Зачѣмъ-же вы ихъ принимаете? спросилъ Ракинъ, пуская клубы дыма и продолжая смотрѣть мимо. Веркутовъ развелъ руками.

— Люди съ дарованіемъ, батенька, — они нужны! Все это голь, рады примазаться ко всякой дряни въ клубѣ, чтобы ихъ ужиномъ накормили, да двѣ, три бутылочки поставили. А какъ его къ себѣ непустишь, когда у него всегда цѣлый коробъ новѣйшихъ скандаловъ? И онъ живетъ этимъ, и я живу; онъ меня кормить, а за

это я его кормлю. Это водовозныя влячи: безъ нихъ нельзя жить, и вѣздить на нихъ надо, и бить для острастки, и прикармливать...

Ракитинъ на этотъ разъ поднялъ на него глаза.

— Какъ «бить»?

Веркутовъ точно нѣсколько сконфузился.

— Вы не подумайте, Адрианъ Федоровичъ, что я принадлежу къ числу тѣхъ... что я ихъ когда-нибудь.. Но вѣдь каждый изъ нихъ непремѣнно битый. Кто-нибудь, когда-нибудь да побилъ ихъ... Я ужь удостоверяю васъ въ этомъ, какъ отвѣтственный редакторъ...

Господинъ за сосѣднимъ столомъ сердито постучалъ ножомъ по стакану и, сердито глядя на подбѣгавшаго и согнувшася «человѣка», еще болѣе сердито спросилъ себѣ чаю съ лимономъ. «Съ лимономъ» онъ сказалъ такъ строго и такъ сдвинувъ брови, что лакей даже спотынулся, опрометью бросившись къ двери.

— Вѣдь этой шушеры въ прежнее ваше время не бывало, продолжалъ отвѣтственный редакторъ.— Она завелась вотъ за послѣднее время при развитіи журналистики. Это совсѣмъ новые типы. Многіе изъ нихъ, особенно изъ поэтовъ, чертъ знаетъ, что такое: не то неудавшійся актеръ, не то подмастерье фотографа... Я ихъ къ себѣ въ кабинетъ и не пускаю. Расписывается тамъ у секретаря, получаетъ деньги... Вѣдь кто ихъ разберетъ, можетъ и стащить что-нибудь... хоть журналъ или книжку... словно по ошибкѣ пальто свое перемѣнить: у него на бѣличьемъ мѣху, а онъ бобровую, да енотовую шубу тащить, чтобы хотя день въ порядочномъ платьѣ походить...

— Послушайте, а какъ ея фамилія? внезапно спросилъ Ракитинъ.

— Чья? нѣсколько опѣшилъ редакторъ.

— Этой пѣвицы, сегодняшней дебютантки? ■

— А-а!.. Эрде.

— Она нѣмка?

— Чисто русская. Ея фамилія просто Дементьева, а зовутъ Раисой. Инициалы ея Р. Д., ну и вышель псевдонимъ Эрде.

— Вы, кажется, знаете ее.

— Знаю, она зимой въ залѣ Кононова пѣла.

— Она не замужняя?

— Нѣтъ, дѣвочка совсѣмъ. Она съ отцомъ живетъ. Темненькая личность, какой-то отставной учитель танцованія.

— Она премилая. Въ глазахъ огонекъ, жизнь...

— Эге! прищелкнулъ языкомъ редакторъ, — вы еще не угомонились... Хотите познакомлю? Высьемте только еще джинджеру.

Ракитинъ какъ-то неопредѣленно тряхнулъ волосами. Веркутовъ подозвалъ лакея и велѣлъ налить еще по рюмкѣ. Тотъ осторожно наклонилъ бѣлый кувшинчикъ съ пестрымъ этикетомъ и сталъ цѣдить густую, какъ масло, золотистую жидкость. Ракитинъ давно не пилъ и чувствовалъ, что выпилъ много. Окружающіе предметы какъ-то странно рябили въ глазахъ, ощущение отъ сигары было какое-то новое, на улицѣ колеса шумѣли тоже совсѣмъ по новому, не такъ какъ всегда, даже у редактора лицо сдѣлалось совсѣмъ другое.

— Серьезно: она васъ интересуеть? спросилъ Веркутовъ.

— Да, отвѣтилъ Ракитинъ, прямо смотря ему въ глаза, — и даже очень...

— Вы не женаты?

— Къ чему этотъ вопросъ?

— Если вздумаете ухаживать, такъ поосторожнѣе: отецъ какъ разъ женить, это такая шельма.

— Да я ухаживать не намѣренъ.

— Ну и ладно!.. А знаете съ этимъ джиджеромъ хорошо-бы миндальнаго пирожнаго, а? Человѣкъ, миндальнаго пирожнаго, живо!

Тотъ сверкнулъ фалдочками, звякнулъ балконною дверью и торопливо пробѣжалъ къ буфету. Шершавый господинъ всталъ изъ-за стола, грозно кивнулъ головой лакею и направился было къ выходу, да вдругъ замѣтилъ Веркутова. Лицо его мгновенно ослабилось и отъ глазъ во всѣ стороны пошли сборки, точно съ боковъ носа у него были стягивающія тесемки. Онъ подошелъ и протянулъ редактору руку.

— Трапезуете? спросилъ онъ, радостно хихикая.

— Трапезую,—отвѣтилъ Веркутовъ, даже не привставъ.

— Вѣрно съ открытія?

— Съ открытія.

Тотъ собралъ сборки, хихикнулъ, шлепнулъ, редактора по плечу, помялся на мѣстѣ, посмотрѣлъ на Равитина, внезапно вытащилъ изъ кармана часы съ дыркой на верхней доскѣ, посмотрѣлъ на нихъ, забеспокоился и сталъ прощаться.

— Вотъ вамъ тоже сотрудникъ и вдобавокъ фельетонистъ въ одной большой газетѣ, проговорилъ Веркутовъ, когда тотъ скрылся за дверью.—Смотрите какой общипанный, а между тѣмъ какъ всѣ его боятся, какъ за нимъ ухаживаютъ! Вздилъ онъ на открытіе волжскаго моста корреспондентомъ, такъ ему чуть ни отдѣльный поѣздъ на желѣзныхъ дорогахъ отводили. Боятся ужасно всякихъ обличеній.. Не выношу этихъ пошло-

стей! Я самъ всегда ѣду по желѣзнымъ дорогамъ инкогнито.

Онъ это сказалъ такъ просто и искренне, какъ могъ сказать развѣ императоръ, путешествующій подѣ чужимъ именемъ.

— И знаете что смѣшно, продолжалъ онъ, — вѣдь онъ тщательно скрываетъ, что работаетъ въ моемъ изданіи. Больше того, если вы со стороны начнете выспрашивать; а что, молъ, вы работаете у Веркутова, онъ трижды отречется отъ меня. А вотъ деньги беретъ, не отрывается.

Ракитинъ погасилъ докуренную сигару. Ему дѣнь было встать съ мѣста и въ то-же время хотѣлось поскорѣе добраться до постели. Еслибы можно было лечь вотъ здѣсь на балконѣ, на открытомъ воздухѣ, онъ-бы съ радостью это сдѣлалъ и тотчасъ-же заснулъ-бы въ этомъ утреннемъ холодѣ подѣ грохотъ катившихся экипажей.

— Когда-же вы меня съ ней познакомите? спросилъ онъ, пересиливая дремоту.

— Да если хотите, завтра.

— Завтра? гдѣ?

— Она будетъ у меня.

Ракитинъ поморщился. Но то чтобъ ему не хотѣлось зайти къ Веркутову, а просто ему не нравилась мысль: съ какой стати милая розовая дѣвочка поѣдетъ къ этому козлу, что сидитъ тутъ, смакуя ликеръ и тряся бородежкой?

— Она обѣщала быть у васъ?

— Да. Отецъ хотѣлъ ее прислать, благодарить меня.

— За что?

— За то, что былъ на дебютѣ, обѣщаль похвалить ее.

— Да за что-же тутъ благодарить?

Веркутовъ пожалъ плечами.

— Такъ всегда дѣлается; эту моду они взяли съ французскихъ актрисъ, которыя всегда благодарятъ рецензентовъ. Это глупо, но до извѣстной степени располагается къ актрисѣ.

— Даже къ плохой?

— Даже къ плохой. Ну, обойдешь ее въ рецензии, скажешь вообще объ исполненіи; развѣ ужъ ошибаются если со скандаломъ, такъ замѣтишь, что артистка мѣстами провела роль неровно... Нельзя, батенька, въ нашемъ журнальномъ механизмѣ такъ все одно за другое и цѣпляется: другъ безъ друга не проживешь.

— Въ которомъ-же часу къ вамъ заходить?

— Приходите къ завтраку. Можетъ-быть и она подоспѣетъ къ этому времени. Тамъ и познакомитесь. Только, повторяю, ухаживать не совѣтую.

Ракитинъ всталъ, подошелъ къ периламъ балкона, перегнулся и посмотрѣлъ влѣво, вдоль улицы. Вытянутый словно по стрункѣ Невскій замиралъ предъ утромъ. Недвижимыя фіолетовыя громады домовъ знакомою перспективою убѣгали на сѣверо-западъ, туда, къ этому розовому фону неба, на которомъ призрачнымъ силуэтомъ рисовался тонкій шпиль Адмиралтейства. Даже городовые ушли съ перекрестка Литейной и Владимірской—спать куда-нибудь на тумбу подъ ворота.

— Не пора-ли? спросилъ онъ своего собесѣдника.

— Да пожалуй пора, согласился тотъ и велѣлъ подать счетъ.—Вы не находите, что джинджеръ отрезвляетъ? спросилъ Веркутовъ.

— Не нахожу, отвѣтилъ Ракитинъ, чувствуя, что языкъ поворачивается далеко не съ такою свободой, какъ всегда.

— Положительно отрезвляетъ, подтвердилъ Веркутовъ и взялъ по ошибкѣ, вмѣсто своей, его шляпу, но тотчасъ-же замѣтилъ и перемѣнился.

II.

Когда Ракитинъ, раздѣвшись, легъ въ постель и закрылъ глаза, передъ нимъ вдругъ выступила опять загородная сцена, съ красными подборами занавѣсей и пестрою обстановкой. Въ ушахъ опять раздался мотивъ оперетки и съ такимъ яснымъ, отчетливымъ пиликаньемъ скрипокъ и густыми хрюканьями контрбаса. Опять запѣлъ нарумяненный, освѣщенный рампой хоръ, и опять она, какъ живая, явилась предъ нимъ.

Это была дѣвушка лѣтъ восемнадцати, съ носикомъ слегка вздернутымъ, блѣдненькая, съ черными роскошными волосами и глазками, какъ угли сверкавшими изъ-подъ бровей. Она такъ просто, мило, немножко робѣя, вышла въ своемъ блестящемъ костюмѣ. Ея начали апплодировать. Особенно хлопалъ изъ боковой ложи слѣва какой-то морякъ въ бѣлой фуражкѣ, онъ даже за барьеръ перегибался. Она слегка улыбалась и кланялась, да не головой, а какъ дѣти вѣтъ корпусомъ, и это удивительно мило выходило. Потомъ она запѣла. Голосокъ у нея былъ звонкій, плохо поставленный, но сильный. Она брала больше манерой и наивностью. Когда она, окончивъ, перешла на разговорную рѣчь, вышло еще милѣе. Она такъ непринужденно, такъ просто и такъ граціозно говорила, точно она не первый день была на подмосткахъ, а всю свою жизнь такъ болтала, въ этой мишурѣ, съ подведенными бровями. Въ ней было что-то свѣжее, непочатое. Ракитинъ

смотря на нее и чувствовалъ, что ему на душу вѣетъ весной, такою мягкою, душистою. Самыя далекія, забытыя впечатлѣнія вдругъ поднялись откуда-то и свѣтлыми тѣнями заносились вокругъ него... Только зачѣмъ она завтра поѣдетъ въ эту пошлую редакціонную труппу? Какое отношеніе можетъ имѣть эта миленькая, маленькая дѣвочка къ площадной печати? Неужели и она должна гнуться, подличать предъ ней?

Эти мысли его возмущали. Нервное сердцебіеніе мѣшало ему спать. Онъ повертывался, качаясь въ металлической сѣткѣ своей кровати. Въ головѣ все путалось. Соображенія, что онъ завтра ее увидитъ, очень утѣшали его, хотя онъ положительно не могъ понять, зачѣмъ ему, отживающему и сѣдому, нужно это знакомство.

Онъ заснулъ на какомъ-то очень важномъ соображеніи, какомъ — онъ совершенно забылъ, проснувшись на другой день. Но онъ одѣвался съ радостнымъ сознаніемъ, что сегодня будетъ что-то хорошее, сѣренькая полоса жизни прервется чѣмъ-то новымъ, и это новое наступитъ, когда онъ увидитъ маленькую розовую дѣвочку. Онъ машинально выпилъ кофе, машинально прочелъ всѣ газеты, что нашлись въ газетномъ ящикѣ между дверей: и также машинально вышелъ на улицу.

Редакція помѣщалась неподалеку отъ него. Конторщикъ, молодой человекъ, предложилъ ему раздѣться въ прихожей и не безъ любопытства прослѣдилъ процессъ снятия пальто безъ посторонней помощи.

— Тамъ никого нѣтъ? спросилъ Равитинъ, кивая головой на дверь.

— Аеровъ тамъ, — отвѣтилъ конторщикъ, хотя Равитинъ не зналъ никакого Аерова.

— А туда можно? спросилъ онъ.

— Можно, туда всёхъ пускають.

Онъ вошелъ въ редакціонную комнату, обставленную быть-можетъ нѣсколько роскошно для редакціи, съ большимъ акваріемъ у окна, люстрой и коврами. У письменнаго стола рыночной работы сидѣлъ Веркутовъ, противъ него помѣщался кудлатый господинъ въ влѣтчатохъ шарфѣ и нечищенныхъ сапогахъ. Веркутовъ вскочилъ съ мѣста и скорчилъ обрадованное лицо:

— Ну вотъ! сказалъ онъ.—Исполнили обѣщаніе.

Онъ посмотрѣлъ Раекитину прямо въ глаза, и глаза его говорили: «а актриса-то тебя щипнула; небось я не знаю, что ты не для меня сюда пріѣхалъ...»

— Садитесь,—предложилъ онъ, указывая на кресло и садясь на свой стулъ предъ столомъ.

Раекитинъ вопросительно глянулъ на гостя: кто-бъ это могъ быть—метранпажъ изъ типографіи или сотрудникъ?

— Это господинъ Аеровъ,—помогъ его недоумѣнію Веркутовъ,—одинъ изъ тѣхъ талантливыхъ сотрудниковъ, о которыхъ я вамъ вчера такъ много говорилъ.

Аеровъ протянулъ руку съ чернильнымъ пятномъ на указательномъ пальцѣ и пошаркалъ ногами подъ стуломъ.

— Одинъ изъ самыхъ талантливыхъ нашихъ сотрудниковъ,—повторилъ редакторъ, и легкая доза насмѣшки зазвучала въ его тонѣ:—пишетъ прекрасные стихи—на всё случаи. Банкъ лопнетъ, адвокатъ проврется, піесу ошибають, ужъ онъ на другой день и несетъ стишки.

«Талантливый сотрудникъ» строго посмотрѣлъ на него и попросилъ папироску.

— Вчера пришла телеграмма, что на Гнилошпальной дорогѣ поѣздъ погибъ; изъ пассажировъ уцѣлѣлъ

между прочимъ директоръ правленія этой дороги. У Аерова сегодня ужь и готово, послушайте какъ мило:

Поездъ съ насыпи свалился,
Кучи, груды мертвыхъ тѣлъ!
Лишь директоръ ухитрился,
Уцѣлѣть одинъ сумѣлъ...
И провалъ безъ сожалѣнья
Поглотилъ честной народъ...
Ахъ, директоровъ правленья
И провалъ-то не беретъ!..

— Не правда-ли, мило?

Ракитинъ похвалилъ.

— У васъ Талалаевъ былъ? внезапно спросилъ Аеровъ.

— Нѣтъ, да я его не знаю.

— Ну такъ прїѣдетъ.

— Зачѣмъ?

Аеровъ мрачно стряхнулъ пепель.

— Онъ всюду ѣздитъ съ палкой... бить хочетъ.

— Кого?

— Редакторовъ.

Веркутовъ какъ-то повелъ плечами.

— За что?

— На него пасквиль готовится... то-есть не пасквиль... Что-то про него, біографію что-ли, печатають... про него и его жену...

Аеровъ замигалъ и сталъ затягиваться...

— Да не тяните вы за душу, торопилъ его редакторъ.

— Онъ не знаетъ, гдѣ «это» появится... ну и ѣздитъ теперь по всѣмъ редакціямъ просить, чтобы не печатали...

Веркутовъ вдругъ покотился со смѣху и даже по ляжкамъ себя отъ удовольствія захопалъ.

— Каковы нравы, другъ Гораціо? обратился онъ къ Ракитину.

— Кое-гдѣ редакторы дѣйствуютъ успѣшно, продолжалъ Аеровъ тѣмъ-же невозмутимымъ тономъ.

Веркутовъ сразу стихъ, задумался и потеръ лобъ.

— Хорошо, что вы мнѣ сказали, — сквозь зубы проговорилъ онъ, и сощурившись посмотрѣлъ на него: — вы не хотите-ли черкнуть слова два? прибавилъ онъ.

Аеровъ ткнулъ папиросу въ пепельницу, быстро всталъ и словно про себя сказалъ: «потомъ сочтемся»...

— Пройдите въ контору, тамъ спросите бумаги и чернилъ, вмѣсто отвѣта сказалъ Веркутовъ. — Отца роднаго жиду заложить и подѣ квитанцію денегъ займетъ, — прибавилъ онъ, когда дверь за Аеровымъ затворилась.

— Какой это Талалаевъ? полюбопытствовалъ Ракитинъ.

— Бывшій конногвардеецъ, теперь въ отставкѣ, извѣстный богачъ.

— Такъ за что-же на него пасквиль?

— Богатъ! рѣшилъ Веркутовъ и, позвонивъ въ колокольчикъ, освѣдомился, поданъ-ли завтракъ. — Пойдемте заморить червячка, какъ разъ время.

III.

Собственникъ того изданія, гдѣ Веркутовъ состоялъ редакторомъ, Блюменфестъ, былъ въ это время съ семействомъ за границей, и безъ него Веркутовъ распоряжался какъ дома, обѣдая и завтракая въ заднихъ комнатахъ, непосредственно прилегавшихъ къ конторѣ. Небольшой круглый столикъ былъ покрытъ поверхъ джутовой скатерти салфеткой съ горчичными пятнами. По стѣнамъ висѣли какія-то голыя дамы въ самыхъ

отчаянныхъ ракурсахъ и съ невозможными лядвеями. Въ углу крикалъ попугай въ огромной клѣткѣ. На кронштейнахъ обнимались нимфы и сатиры. Равитинъ отказался отъ водки, сказавъ, что онъ до обѣда не пьетъ никогда.

— Ну рябиновой,—серьезно трясъ головой предложилъ редакторъ,—или оранжъ-амеръ? Ну, хотя нюи?..

Онъ налилъ ему стаканъ бургонскаго и принялся за циценка.

— Должно-быть барышня сейчасъ пріѣдетъ, сказала онъ.—Она сегодня всѣ редакціи объѣзжаетъ. Такое появленіе своего рода праздниѣ. Хорошенькая женщина въ журнальномъ департаментѣ, это ужасная аномалія...

Онъ съ ожесточеніемъ перегрызалъ кости, такъ что попугай каждый разъ вздрагивалъ и однажды даже присвистнулъ.

— Вы кажется не совсѣмъ ясно поняли, что мы говорили о Талалаевѣ? спросилъ Веркутовъ. — Очень просто: дуракъ этотъ ѣздитъ по редакціямъ, потому что надъ нимъ подшутилъ какой-нибудь пріятель, написалъ ему анонимное письмо: вотъ, молъ, тебя обличать хотить. Понятно, онъ готовъ тысячу заплатить, чтобы только не напечатали. Глядишь, рублишекъ триста и въ карманѣ.

— Зачѣмъ-же ему ѣздитъ по разнымъ конторамъ, если ужъ онъ въ одномъ мѣстѣ заплатилъ и успокоился?

— А кто ему поручится, что редакторъ не передастъ статейку въ другой органъ?

— Да вѣдь это омутъ какой-то! невольно вырвалось у Равитина.

— Омутъ, спокойно подтвердилъ Веркутовъ, наливая себѣ нюи и держа бутылку двумя пальцами, чтобы

не запачкать горлышко масломъ.—Эхъ, батенька, наша рыночная пресса, вѣдь это не толстый журналъ... Дневи довлѣетъ злоба его...

«Гонораръ хочешь?» ни съ того ни съ сего спросилъ попугай и, подумавъ, прибавилъ: «миленькій, почеши головку, ну, ну поскорѣй!»

— Вы отъ насъ отстали, проживая за границей, а вы поплавайте въ нашей тинѣ. Чукчи, батенька, чукчи. Ужъ кажется ихъ-то-бы, людей печатнаго слова и должень-бы свѣтъ коснуться, а между тѣмъ...

Изъ-за двери выглянулъ конторщикъ.

— Спрашиваютъ васъ, проговорилъ онъ, протягивая карточку.

Веркутовъ глянулъ на билетикъ, и лицо его просіяло.

— Просите, просите, крикнулъ онъ.—Я двери настежь раствору, любуйтесь, сказала онъ Раткину:— это Талалаевъ.

«Кто-бъ это могъ быть!» протяжно и задумчиво замѣтилъ попка.

Талалаевъ былъ розоватый, пухлый, добродушнѣйшій человекъ, съ круглымъ, какъ маленькая картофелина носикомъ и залпывшими жиромъ глазками. Ему было очень жарко, и онъ пыхтѣлъ какъ паровикъ.

— Вы редакторъ? Я по дѣлу очень важному и серьезному, — заговорилъ онъ такъ скоро, что всѣ три фразы сумѣлъ сказать какъ-то одновременно...

— Присядьте, отвѣтилъ Веркутовъ, и сѣлъ такъ, что Талалаевъ остался совсѣмъ на виду у Ракитина, въ отворенную дверь.

Талалаевъ вытеръ платкомъ мокрое лицо и закачался всѣмъ корпусомъ на диванѣ.

— Вы знаете меня? внезапно спросилъ онъ.

— Слыхалъ-съ...

— Ну, такъ вотъ я...

Онъ запнулся.—Вдругъ говорятъ, что вы... то-есть не вы, а вообще... будто хотите про меня и жену печатать... про мою жену... печатать.

— То-есть что-же именно?

Талалаевъ нѣсколько затруднился, подыскивая выраженіе. Онъ покраснѣлъ еще больше. Потъ крупными смородинами усыялъ его лицо

— Да вообще... Что вотъ я... жена... и больше ничего.

— Изволите видѣть, господинъ Талалаевъ,—заговорилъ мягкимъ, ласкающимъ голосомъ Веркутовъ,—мы если печатаемъ про кого-нибудь, такъ не иначе какъ про людей дѣйствительно выдающихся изъ общаго уровня посредственности, про людей такъ-сказать талантливыхъ или хоть чѣмъ-нибудь себя заявившихъ... А вѣдь согласитесь сами: ни вы, ни ваша супруга...

— Да, да! обрадовался Талалаевъ,—я то же говорю! Я говорю: «мы съ тобой, Катя, что же!» она не вѣритъ, говоритъ: «непремѣнно напечатаютъ—все! какъ мы прежде, какъ мы теперь, все»... И у меня источники есть, и даже достовѣрные, что именно вы хотите это напечатать...

— Какія же у васъ данныя?

— Да ужь есть.

Талалаевъ очевидно вралъ: никакихъ данныхъ у него не было, онъ говорилъ на удачу.

— Голубчикъ, не печатайте... Если нужно: я все что вамъ угодно... ну.. я... я...

«Гонораръ хочешь?» крикнулъ попугай, и такъ громко что Талалаевъ даже спросилъ:—кто это?..

Веркутовъ вдругъ понизилъ голосъ до полупшепота и придвинулся близко-близко къ Талалаеву.

Равитинъ только руками развелъ и еще разъ повторилъ:

— Чукчи, Чукчи!

Разговоръ продолжался довольно долго. Попугай разъ пять предлагалъ почесать у него головку. На улицѣ звонили колокольчики трамвая, солнце теплыми золотыми лучами било черезъ окно на паркетъ, зацѣпляя по дорогѣ уголь зеленаго бархатнаго стула. Равитину было какъ-то не по себѣ,—да ему все это время какъ-то не по себѣ чувствовалось. Какая-то неувѣренность въ чьемъ-то, отсутствіе почвы подъ ногами. Онъ совсѣмъ забросилъ службу, на которую, впрочемъ, и безъ того онъ являлся очень рѣдко; такъ противно тянулся строго-систематическій день, все надоѣло: и обѣды въ ресторанахъ, и обѣды у знакомыхъ. Онъ хотѣлъ ѣхать за границу, да лѣнь ему было, да и не зачѣмъ: все имъ въ Европѣ давно видано и перевидано. Ему хотѣлось какихъ-нибудь новыхъ, неизвѣданныхъ впечатлѣній, и негдѣ было ихъ искать, не отъ кого ждать... Онъ именно хотѣлъ познакомиться съ этою актрисой, потому что она ему нравилась, потому что ему казалось, что она быть-можетъ хоть на мгновеніе вырветъ его изъ этой апатіи.

Онъ лѣниво потягивался въ креслахъ и даже досадовалъ, зачѣмъ ему было прѣзжать въ эту труппу. Его бѣсилъ сѣрый попугай и полусѣпотъ въ сосѣдней комнатѣ. Наконецъ, онъ не выдержалъ, схватился за шляпу и въ это время увидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ входившую Эрде. Онъ положилъ шляпу на мѣсто и почувствовалъ, что очень хорошо сдѣлалъ оставшись.

Талалаевъ расшаркался и уѣхалъ. Веркутовъ представилъ ей Равитина. Вблизи она была очень хорошенькая, такая свѣженькая, молоденькая, душистая. Верхняя

часть ея лица была въ полутѣни отъ широкополой шляпы, можетъ-быть слишкомъ модной для такой у молодой дѣвушки. Глаза не сверкали какъ вчера искрами, а сіяли такимъ ровнымъ, лучистымъ свѣтомъ. Она конфузилась, что пріѣхала одна, и все озиралась по сторонамъ.

— Меня папочка прислалъ, онъ велѣлъ, чтобъ я васъ... начала она, да вдругъ поправилась: — я хотѣла заѣхать, поблагодарить васъ за вашу рецензію.. что вы напишете... Вы такъ хорошо отзывались вчера обо мнѣ.

— Да кто же можетъ про васъ дурно отозваться? возразилъ Веркутовъ, — про хорошенькихъ, молоденькихъ актрисъ ни одинъ рецензентъ дурно не отзовется.

Она вдругъ вспыхнула, кровь горячими потоками залила ей щеки.

— Неужели же я такая бездарность? сказала она, и слезы зазвенѣли въ ея голосѣ.

— Сохрани Богъ! воскликнулъ редакторъ, ловя ея руку и цѣлуя. — Да вѣдь вы же, наконецъ, знаете мое мнѣніе о васъ. Въ васъ пропасть таланта, бездна. Я увѣренъ, что современемъ вы будете украшеніемъ нашей казенной сцены. Вотъ здѣсь (онъ показалъ на Ракитина) — сидитъ вашъ поклонникъ: онъ тоже въ восторгѣ отъ вашей игры и вашего голоса.

Она потупилась. Ракитинъ ласково посмотрѣлъ на нее.

— Вы мнѣ ужасно понравились, подтвердилъ онъ. — Въ васъ столько жизни и простоты.

Она покраснѣла еще больше.

— Я театральнй сторожилъ, подтвердилъ Веркутовъ, — и я не zapomню такого колоссальнаго успѣха при дебютѣ. И одно, одно единственное мнѣніе у всѣхъ..

— Ахъ, ко мнѣ очень снисходительны, очень! со-

всѣмъ по-дѣтски сказала она.—Вы прїѣдете въ воскресенье на второй мой дебютъ? И вы тоже?

Ракитинъ сказалъ, что прїѣдетъ, и все смотрѣлъ на ея маленькое розовое ушко безъ серьги, что мягко круглилось между крутившихся прядей волосъ.

— Что вашъ папа дѣлаетъ? полюбопытствовалъ Веркутовъ.

— Папочка? Да ничего, какъ всегда. Ахъ, какъ онъ боялся за мой вчерашній дебютъ! Онъ очень добрый. Въ воскресенье опять будетъ для него мѣка. А какъ страшно выходить на большой сценѣ!.. Я вчера три раза предъ спектаклемъ плакала... Предъ самымъ выходомъ никакъ не могу вспомнить первыхъ выходныхъ словъ. Режиссеръ меня толкаетъ: «выходите», — а я боюсь. Ужасъ что такое!.. Вотъ теперь при одной мысли меня бьетъ лихорадка.

— Не хотите ли нюи? внезапно предложилъ редакторъ.

— Что вы, что вы! законфузилась она.—Я не нюи вина. Да я къ вамъ на минутку, мнѣ пора.

— Посидите, куда вы...

— Нѣтъ... я вотъ вамъ привезла билетъ.

Она вынула изъ крохотнаго портмоне синенькую бумажку, сложенную вчетверо. — Вы ужъ будьте добры прїѣхать: это крайнее кресло.

— Непремѣнно, непременно. Ну что, скажите, антрепренеръ вашъ?

— Ахъ, все тотъ же!

И она вдругъ рассказала про антрепренера анекдотъ весьма двусмысленнаго свойства, но рассказала съ такимъ невиннымъ, дѣтскимъ видомъ, что вышло даже мило. Да и самое лучшее что въ ней было, это какалто дѣтская чистота. Грѣхъ не могъ коснуться ея: она,

казалось, вся была соткана изъ этой чистоты и свѣжести...

Ракитинъ воротился домой подъ страннымъ впечатлѣнiемъ. Давно ужъ этого съ нимъ не было. Онъ видѣлъ второй разъ эту дѣвочку. Ничего умнаго, выдающагося она не сказала, а между тѣмъ въ ней было что-то такое, что заставляло о ней думать и думать постоянно. Чѣмъ-то милымъ, давно отжитымъ пахнуло. Молодые, горячія грѣзы растутъ и крѣпнутъ. Глаза застилаются словно дымкой, на лобъ надвигаются складки, и дышется какъ-то чаще, порывистѣе, чѣмъ всегда. Комната окрасилась радужнымъ цвѣтомъ, и блескъ его такъ и остался. Волшебный фонарь, невѣдомо какой и откуда, наводилъ свои узорныя тѣни всюду, куда ни упадалъ его взглядъ. И такъ хорошо—хорошо стало...

Онъ страдалъ полнымъ сознаниемъ одиночества, тѣмъ сознаниемъ, которое охватываетъ человѣка, привыкшаго съ дѣтства къ семейной жизни и осужденнаго на одинокую старость. Точно онъ брошенъ, забытъ всѣми. Гдѣ, куда дѣвались тѣ люди, что составляли когда-то жизнь его, радости, горе? Ихъ словно вѣтеръ развѣялъ. Нѣтъ ихъ,—и такъ пусто, такъ пусто вокругъ. Онъ рвался куда-то, къ какому-то свѣту, къ какому-то выходу. Когда онъ въ первый разъ увидѣлъ Эрде, ему показалось что-то похожее на проблескъ вдали. Онъ отлично сознавалъ, что ничего особеннаго въ ней нѣтъ: она не особенно хороша, вѣроятно не умна и ужъ конечно лишена всякаго образованiя. И все-таки, несмотря на эту логику, его манило, влекло къ ней...

Онъ поѣхалъ на ея второй дебютъ. Въ душномъ театрѣ было очень гадко; послѣ лѣтнаго прозрачнаго вечерняго свѣта невыносимо скверно чадила керосиновая рама. Оставалось удивляться, какъ могла сойтись

эта разномастная толпа въ этотъ барабъ, чтобы дышать воздухомъ, пропитаннымъ углекислотой и копотью, вмѣсто того чтобы гулять въ душистомъ паркѣ. Взвизгиванье скрипокъ и красная колыхавшаяся занавѣсь могли быть милы развѣ однимъ завсегдатаямъ оперетки, которые, вытянувъ непомѣрные воротнички, стояли у барьера перваго яруса, громко разговаривая и поглядывая въ ложи подмалеванныхъ барынь, выставившихъ себя на выставку. Публика входила довольно лѣнливо, словно дѣлала кому одолженіе своимъ присутствіемъ. Кривоногій капельдинеръ нахально отрывалъ уголки билетовъ. «Ну, я приѣхалъ потому что она мнѣ нравится, думалъ Ракитинъ, — а этотъ весь сбродъ здѣсь зачѣмъ?»

Онъ терпѣливо поворачивалъ голову направо и налѣво. Маленькій, сѣденькій старичекъ, редакторъ большой политической газеты, прошелъ во второй рядъ и тотчасъ заговорилъ съ полковникомъ, который, мило ослабившись, наклонился къ нему съ высоты гренадерскаго роста. Извѣстная драматическая *ingénue* помѣстилась въ ложѣ съ какимъ-то солиднымъ господиномъ, обладателемъ непомѣрныхъ усовъ. Мохнатый капельмейстеръ вертѣлся на стулѣ и поглядывалъ на публику. Впечатлѣніе давалось не то клуба, не то балагана, не то какого-то провинціального захолустья. Во всякомъ случаѣ, всѣмъ было очень скучно, всѣ чего-то ждали, что ихъ можетъ развеселить, только ужь отнюдь не той оперетки, которую собрались слушать.

Сотрудникъ въ клѣтчатомъ шарфѣ подошелъ къ Ракитину почему-то въ резиновыхъ калошахъ, хотя погода была совершенно сухая.

— А я не зналъ, что вы любитель Буффа, сказалъ онъ, хотя рѣшительно не могъ знать и противнаго. —

Скажите, чѣмъ вчера кончилась исторія съ Талалаевымъ?

— А право не знаю, отвѣтилъ Ракитинъ.

— Я думаю, Веркутовъ сорвалъ шерсти клокъ, такъ и надо съ паршивыхъ собакъ. Это коровы дойныя: кто можетъ тотъ и дои, и дои ихъ.

— Чтò онъ вамъ сдѣлалъ? За чтò вы на него такъ озлоблены?

— На Талалаева? Капиталистъ — брюхачъ! Всѣхъ бы ихъ, собачьихъ дѣтей, въ бараній роги!

Ракитинъ оглянулся, ему очень не нравился жаргонъ собесѣдника, особенно здѣсь, въ театрѣ.

— А еслибы вы случайно сдѣлались капиталистомъ, такъ и васъ туда же?

«Сотрудникъ» изумленно посмотрѣлъ на него.

— Да откуда-же мнѣ сдѣлаться капиталистомъ, чтò вы бредите! возразилъ онъ, и мягко ступая калошами, отошелъ куда-то въ сторону.

Въ антрактѣ Веркутовъ дотронулся до плеча Ракитина.

— Пойдемте къ «папочкѣ».

У выхода изъ театра въ садъ ихъ дожидался старичекъ лѣтъ за пятьдесятъ, гладко бритый, съ улыбающимся ртомъ и двумя черными зубами любопытно выглядывавшими оттуда. Глаза у него были сѣренькіе, масляные. Ходилъ онъ пріятно пошаркивая и изгибаясь, какъ въ старину ходили въ контрдансѣ. Отъ него сильно пахло камфорой: должно быть сюртукъ его висѣлъ гдѣ-нибудь въ шкапу, тщательно запакованномъ отъ моли. Онъ совсѣмъ расплылся отъ восторга, когда его представили Ракитину.

— Очень, очень радъ знакомству, — какимъ-то носовымъ голосомъ заговорилъ онъ, въ родѣ того какъ го-

ворять заспавшіеся, только что проснувшіеся люди.— Моя дочь должна считать за честь... Вотъ господинъ Веркутовъ былъ настолько благосклоненъ, что соблаговолилъ отозваться сегодня о моей дочери въ самыхъ лстныхъ выраженіяхъ...

Онъ все шаркалъ и даже немного присѣдалъ. — Я такъ забочусь, такъ, знаете, принимаю къ сердцу ея карьеру. Вѣдь кромѣ ея у меня никого нѣтъ.

Онъ вынулъ платокъ и собирался заплакать, но это у него не вышло, и онъ вмѣсто того высморкался.

— И вдругъ сегодня въ газетѣ такой по-охвальный отзывъ господина Веркутова. Я былъ тронутъ, тронуть до глубины души.

Онъ поймалъ руку Веркутова и сталъ съ остервененіемъ ее трясти, схватя въ обѣ ладони. Веркутовъ принялъ это какъ должную дань и даже не улыбался...

— Я это цѣню, я самъ былъ артистомъ,— продолжалъ «папочка», серьезно закрывъ глаза и покачивая головой:— двадцать лѣтъ слишкомъ прослужилъ на императорской сценѣ. Я знаю, что значитъ рецензія, я ее цѣню.

Онъ еще разъ дернулъ Веркутова за руку и переѣнилъ тонъ.

— Вамъ не угодно ли заглянуть въ уборную къ Раиньѣ? Вы ей не помѣшаете, она въ этомъ антрактѣ не переодѣвается.

Онъ повелъ Ракитина и редактора полутемными сѣнями и какими-то закоулками на сцену. На лицѣ его была написана снисходительная радость, точно гувернеръ дѣтямъ собирался показать фокусъ. Предъ желтенькою досчатою дверью онъ остановился, стукнулъ въ нее два раза сухою костяшкой указательнаго пальца и прислушался.

— Entrez! раздался чей-то басъ.

Въ маленькой уборной, напоминавшей стойло, предъ складнымъ зеркаломъ, вокругъ котораго на столѣ разложены были принадлежности гримировки въ стеклянныхъ баночкахъ съ мельхиоровыми крышками, стояла въ розовенькомъ коротенькомъ платьицѣ Рая Тугой корсажикъ стянулъ до-нельзя ея маленькую гибкую талию, изъ-подъ юбочки выглядывали двѣ крошечныя ножки въ ажурныхъ чулкахъ. Она держала въ рукахъ заячью лапу и хохотала надъ черноусымъ красивымъ брюнетомъ, у котораго весь носъ былъ въ краскѣ.

— Смотрите, ха-ха! кричала она, — у князьки носъ какой, носъ!

Князька улыбался очень глупо, но не безъ достоинства, указывая этимъ, что если онъ и позволяетъ такъ обращаться со своею физиономіей, то къ этому принуждаетъ его неизбѣжное стеченіе обстоятельствъ.

— Ахъ, ахъ! забеспокоился папочка, — Раинька, развѣ такъ можно!.. Ваше сіятельство извините ее...

— Ничего, ничего, — слегка вздыхая отвѣтилъ тотъ и вытеръ носъ полотенцемъ, вѣроятно, находя что при постороннихъ ему неприлично быть въ такомъ видѣ.

— А я опять!.. порывалась къ нему Рая.

— Рая! строго замѣтилъ папочка и нахмурился, — Рая, ты переходишь границы...

Рая стихла и начала здороваться съ вошедшими.

— Вы, ваше сіятельство, помажьте носикъ кольдъ-кременомъ, совѣтовалъ папочка, — а то такъ не отста-нетъ. Вотъ неудобно-ли изъ этой баночки?

Князь началъ намазывать свой носикъ, изъ котораго могло выйти по крайней мѣрѣ три обыкновенные носа и который очевидно былъ кавказскаго происхожденія. Папочка дѣятельно помогалъ ему въ этой операци.

— Вы сегодня очень милы, браторствовалъ Веркутовъ,—но въ вашей игрѣ мало экспансивности, обратите на это вниманіе.

Князь натеръ себѣ носъ до ярко-багроваго цвѣта Папочка предложилъ попудрить, тотъ отказался.

— Я пойду,—сказалъ онъ, обмахиваясь тончайшимъ батистомъ, отъ котораго нестерпимо несло пачули. Ему видимо неприятно было присутствіе постороннихъ.—Я пойду, меня ждуть. Вы позволите мнѣ въ слѣдующій антрактъ?

— Очень рада, отвѣтила Рая.

— Вы подумайте о томъ, что я говорю и дайте отвѣтъ что лучше... Ну-съ, до свиданія.

Онъ наклонился и поцѣловалъ ея руку такъ крѣпко, что она даже покраснѣла.

— Проваливайте! отрѣзала она,—васъ ждуть.

Когда дверь за нимъ затворилась, папочка такъ сжалъ себѣ руки, что онѣ даже хрустнули.

— Что ты дѣлаешь, Рая!.. страшнымъ шепотомъ заговорилъ онъ, поглядывая на дверь съ такимъ видомъ точно за нею дремалъ ужасный драконъ, котораго онъ боялся разбудить.

— Онъ мнѣ надоѣдаетъ, папочка, не безъ испуга заговорила та,—все ходитъ и ручки лижетъ.

— Рая, Рая... ты меня губишь...

Онъ отчаянно качнулъ головой и ринулся изъ уборной.

Рая посмотрѣла ему вслѣдъ прищурившись и стала бить носкомъ правой ноги по полу.

— Скажите пожалуйста, отчего всѣ мужчины такая дрянь? обратилась она къ Ракитину.

Тотъ не ожидалъ такого вопроса.

— Неужели всѣ?

— Всѣ, всѣ... такая дрянь, такая... Я думала что лучше...

— Если вы судите по князю, то правы, отозвался Веркутовъ:—ого нельзя пускать на порогъ.

Она ничего не отвѣтила и повернулась къ зеркалу.

— Онъ давно съ вами знакомъ? не отставаль Веркутовъ.

— Недѣли три.

— Часто бываетъ?

— Каждый день.

Веркутовъ свистнулъ.

— Та-акъ-съ, приемъ извѣстный. За границу не собирается-ли?

— Да, онъ говоритъ, что ему зачѣмъ-то въ Миланъ надо. Онъ ѣдетъ туда на той недѣлѣ.

— Та-акъ, та-акъ, подтверждалъ ухмыляясь редакторъ:

Das ist eine alte Geschichte

Doch bleibt sie immer *alt*..

А вамъ онъ нравится?

— Онъ красивъ, только такой противный, когда въ глаза смотреть. Мнѣ непріятно, что папочка такъ за нимъ бѣгаетъ.

— Вы знаете, что онъ миллионеръ?

— Неужели?

— Страшно богатъ и деньгами сорить.

— Онъ сейчасъ приходилъ спрашивать, что мнѣ послѣзавтра подарить, послѣзавтра день моего рожденія. Хотите обѣдать ко мнѣ? Пожалуйста! Вы будете? обратилась она къ Ракитину.

Тотъ сказалъ, что постарается.

— А вы? спросила она у Веркутова.

— Я не могу, я послѣзавтра весь день въ Павловскѣ.

— Ну, чортъ съ вами! Такъ вы прїѣзжайте, попросила она снова Ракитина. — пожалуйста, вы мнѣ доставите большое удовольствіе... Кромѣ того... кромѣ того мнѣ надо съ вами поговорить... посовѣтоваться въ одномъ дѣлѣ...

Она взяла его за руку и крѣпко стиснула.

— Вы такой, такой хорошій, я съ перваго раза вижу. Вокругъ все такая дрянь... Прїѣзжайте.

Онъ сказалъ, что непременно будетъ.

IV.

Конецъ оперетки Ракитинъ дослушалъ совершенно машинально. Онъ былъ глухъ даже къ успѣху Раи, которую публика безъ конца вызывала. Онъ не аплодировалъ, разсѣянно поглядывалъ по сторонамъ, отвѣчала невпопадъ. Аеровъ разсказалъ ему, что въ виду посѣщенія Талалаева одна изъ редакцій вывѣсила объявленіе: «при входѣ въ редакціонную комнату трости и зонтики оставляются въ прихожей», и что редакторъ другого изданія спитъ теперь не иначе какъ съ шестью заряженными револьверами и между двумя подручными дворниками, которые одною рукой пятнадцать пудовъ поднимаютъ. Все это дѣлалось изъ предосторожности «личнаго объясненія». Ракитинъ на это отвѣтилъ одобрителнымъ «а!» и, противъ ожиданія Аерова, даже не улыбнулся.

Онъ ясно сознавалъ, въ какую сторону клонится судьба несчастной дѣвочки. Онъ придумывалъ, какъ-бы спасти ее, но какъ-то мысли путались, разбѣгались. Вопросъ былъ очень большой и сложный.

Хоръ пѣлъ не предъ нимъ, а гдѣ-то очень далеко отъ него, за какою-то туманною дымкой. Онъ не помнилъ, какъ онъ вышелъ изъ театра, пріѣхалъ въ городъ, легъ въ постель. И на другой день опять все та-же мысль, неотвязная, назойливая, монотонная. Гдѣ выходъ? Отвѣта не было. Отвѣтъ должна была жизнь подсказать.

Она и подсказала.

Когда онъ пріѣхалъ на третій день на дачу Дементьевыхъ и поднялся по печально скрипѣвшей лѣстницѣ во второй этажъ, его встрѣтила въ сѣняхъ толстая, масляная кухарка съ грязнымъ полотенцемъ черезъ плечо. Папочка растаялъ, расшаркался и повелъ гостя въ гостиную, гдѣ уже былъ накрытъ обѣденный столъ и гдѣ сидѣли въ сообществѣ Раи двое: князь и «комическая старуха» мѣстной труппы, съ очень добрымъ и глупымъ лицомъ. У князьки цось сегодня казался еще длиннѣе. Держался князь прямо, точно аршинъ проглотилъ, но часто опускалъ глаза и задумывался. Рая очень обрадовалась Ракитину.

— Какъ я рада, какъ я рада! говорила она вспыхивая и не зная куда дѣвать врученную ей коробку конфетъ.—Я такъ ждала васъ и боялась, что вы не пріѣдете. Мнѣ вы очень нужны ..

Князь былъ ужасно почтителенъ предъ Ракитинимъ и даже далъ ему вскользь замѣтить, что ему не безъизвѣстна его прежняя литературная дѣятельность. Папочка плавалъ какъ въ растопленномъ маслѣ предъ обоими гостями, игнорируя совершенно «комическую старуху». Рая казалась такою нервною. На ней было бѣленькое платье съ широкою голубою лентой. Это въ ней не шло и она казалась хуже чѣмъ всегда, щеки у нея были блѣдненькія, брови все дергались.

Обѣдъ оказался плоховатымъ: ростбифъ подгорѣлъ, рыба была какая-то сомнительная, но за то вина недурны. Папочка раскутился, должно быть изъ какихъ-нибудь своихъ расчетовъ. Хересъ былъ даже очень хорошъ. Подъ конецъ обѣда откупили *помери-секъ*.

— Представьте себѣ, сказалъ папочка, — что при одномъ взглядѣ на это шампанское у меня поднимается ломота въ плечѣ.

Князь постарался удивиться.

— И вѣдь отъ какого обстоятельства...

Онъ началъ рассказывать, что это было давно, когда еще онъ ѣздилъ въ провинцію на гастроли. «Комическая старуха» усомнилась въ томъ, чтобъ его когда-бы то ни было приглашали провинціальныя антрепренеры, но папочка только посмотрѣлъ на нее и продолжалъ свой рассказъ. Онъ рассказалъ какъ однажды послѣ спектакля (онъ игралъ *Ришелье*, — и удивительно игралъ!) актеры, чувствуя его, «упились» *помери-секъ*. Упившись, они стали пробовать револьверъ, для чего приколотили на дверь бубнового туза.

— Я взялся слѣдить за стрѣльбой, повѣствовалъ онъ. — Первый выстрѣлъ сдѣлалъ резонеръ Ивановъ. Я ищу пули. нѣтъ нигдѣ, ни на картѣ, ни около, ни на стѣнѣ... Потомъ мнѣ говорить: «а откуда у тебя кровь»?.. Пуля-то въ плечѣ оказалась...

— Ну, и вы, значить, хороши были, — замѣтилъ князь, — коли не чувствовали.

— А я слышала, что это не съ вами былъ случай, а съ однимъ извѣстнымъ актеромъ, возразила опять «старуха».

Папочка даже сѣлъ къ ней совсѣмъ задомъ, показывая этимъ свое полнѣйшее презрѣнiе къ ея словамъ.

Князь рассказалъ къ случаю, какъ онъ ранилъ себя

въ руку, заряжая пистолеть, и въ доказательство показалъ, приподнявъ обшлагъ, шрамъ. «Комическая старуха» постонала, папочка заволновался, Рая осталась равнодушною.

— А другая пуля у меня тутъ, онъ показавъ куда-то въ бокъ.—Она катается, ее можно даже прощупать.

Послѣ обѣда, когда подали апельсины, князь напомнилъ Раѣ объ ея желаніи кататься и сказалъ, что достанетъ коляску. Рая попросила достать хорошую, только чтобы лошади были не вороныя, а сѣрыя. Князь выправилъ свои бѣлоснѣжные воротнички, провелъ рукой по роскошной бородѣ, встряхнулся съ полнымъ сознаниемъ довольства самимъ собой, надѣлъ блестящій какъ зеркало цилиндръ, раскланялся и исчезъ.

Папочку заклонило. Онъ перемогался-перемогался, наконецъ извинился и пошелъ отдыхать. «Комическая старуха» объявила, что ей надо учить роль въ шесть листовъ, и что завтра репетиція, а потому съѣла три апельсина и, сложивъ симметрично зернышки на край тарелки, ушла, завернувшись въ невозможную шаль. Ракитинъ и Рая остались одни.

— Пойдемте въ садъ,—предложила она, и повела его въ маленькій, густо заросшій палисадникъ, съ молодыми первыми цвѣтами на клумбахъ и зеленою кривою скамейкой подъ акаціей. Она закрылась отъ вечерняго солнца маленькимъ зонтикомъ на алой подкладкѣ и вздохнула.

— Какъ тяжело мнѣ сегодня! сказала она. — Я не запомню такого грустнаго дня моего рожденія. Сердце сжимается какъ предъ бѣдой, и здѣсь, — она показала на грудь,—такъ пусто, пусто.

Ракитинъ молчалъ, пристально глядя на нее.

— Вы знаете, я можетъ-быть на дняхъ уѣзжаю отсюда?

- Куда это? встрепенулся онъ.
- Далеко, очень далеко... за границу.
- Зачѣмъ?
- Князь зоветъ меня...
- Князь? По какому праву?
- Она пожала плечами. — Онъ богатъ.
- И вы... началъ Ракитинъ, да остановился. Она отвернулась, чтобъ онъ не видѣлъ ея лица.
- Какъ вамъ не грѣхъ? могъ только выговорить онъ.
- Она отняла зонтикъ, которымъ прикрывалась.
- Грѣхъ? Предъ кѣмъ?
- Предо всѣми...
- Папочка самъ этого хочетъ.
- Предъ собой, наконецъ... У васъ талантъ.
- Она усмѣхнулась. — Талантъ!.. Чтò талантъ! Чтò онъ мнѣ принесетъ?.. А тутъ обезпеченность, богатство...
- Обезпеченность?..
- Да, онъ передастъ папочкѣ какія-то бумаги на мое имя.
- И вы такъ хладнокровны? не возмущены?
- Чѣмъ?.. Я себѣ принадлежу, и моя собственность: чтò хочу, то и сдѣлаю съ собой...
- А сцена?
- Я люблю сцену! она подняла глаза и какимъ-то восторгомъ они засвѣтились, — это жизнь моя!.. чтò-жь, я вернусь къ ней.
- А этотъ... его вы любите?
- Она повачала тихо головой. — Нѣтъ... Да неужели-же жить въ этой обстановкѣ лучше: заискивать у Веркутова, ѣздить по редакціямъ, плакать, когда какой-нибудь пьяный будетъ шикать послѣ спѣтаго номера... неужели лучше?.. Скажите по совѣсти, откровенно, —

ну?.. Вы молчите, молчите потому, что сами знаете, что это пошло, все пошло, все... Меня никто не спасеть...

— Встряхнитесь, уйдите отъ этого «всего».

— Уйти? куда?.. куда я уйду?.. Я молода, я жить хочу.

— Выйдите замужъ.

— За кого?.. кто меня возьметъ? Опереточная пѣвица! какая завидная невѣста!..

Онъ поникъ головой. Какая-то тупая боль пронизывала его всего, захватывала дыханіе. Онъ оглядывался вокругъ, эта залитая солнцемъ листва не шевелясь стояла въ знойномъ воздухѣ, могильный покой былъ разлитъ вокругъ. Медленно ползли на верху обрывочныя, сверху жемчужныя, снизу фіолетовыя облака. Птицы куда-то забились, притихли. Мертвая тишь. Ни звука.

— Чтò мнѣ дѣлать, чтò мнѣ дѣлать! повторяла она.

Зонтикъ выпалъ и опрокинулся на песокъ. Она не плакала; глаза ея были сухи, и съ жесткимъ, холоднымъ блескомъ смотрѣли въ даль. Лицо какъ восковое.

— Подождите, подумайте...

— Князь говорить, что отвѣтъ ему нуженъ теперь... Смотрите, чтò онъ подарилъ мнѣ.

Она протянула руку, на которой сверкалъ новенькій драгоценный браслетъ.

— Зачѣмъ же вы взяли это отъ него?..

— Папочка велѣлъ.

Ракитинъ схватилъ ее за руки.

— Дѣточка моя, бросьте ихъ, уйдите отъ нихъ!.. Чтò вамъ здѣсь... Оставьте ихъ, пусть они здѣсь копошатся въ этой тинѣ..

Онъ прижалъ ея пальцы къ своимъ губамъ, глядя на нее съ юношескимъ жаромъ. Сѣдина и морщины

словно слетѣли съ него. Шляпа упала на землю, кудри рассыпались. Она схватила его шею руками и, прижавшись къ нему, поцѣловала его такъ крѣпко, крѣпко...

— Милый, хорошій! говорила она.— Въ васъ одномъ я нашла сочувствіе, вы одинъ сказали мнѣ доброе слово...

— Ну и что же что же?

Она отшатнулась отъ него.

— Поздно, поздно, теперь мнѣ нѣтъ поворота.

— Какъ нѣтъ? да почему же? Всегда есть выходъ.

— Поздно.. повторила она. — Смотрите вотъ и князь воротился, идетъ сюда.

* *
*

Она взяла съ него слово, что онъ при первой возможности прійдетъ къ нимъ. Онъ думалъ черезъ день заглянуть, но дѣла его задержали какъ нарочно. Прошло нѣсколько дней. Между тѣмъ на афишахъ появился анонсъ, что она по болѣзни не можетъ участвовать.

Наконецъ, онъ вырвался, поѣхалъ. Онъ подѣзжалъ къ ихъ дому съ предчувствіемъ всего дурного, но того, что его встрѣтило, онъ не ожидалъ.

Папочка вышелъ къ нему въ халатъ, съ огромною заплатой назади. но посмотрѣлъ на него совсѣмъ не такъ ласково, какъ прежде, и протянутую руку пожалъ сухо.

— Раи нѣтъ, Раи нѣтъ,—заговорилъ онъ, видя, что гдѣсь собирается снять пальто: —она уѣхала совсѣмъ.

Кровь кинулась ему въ голову.

— Куда?

— Въ Карлсбадъ. Доктора говорятъ, что ей надо лѣчиться.

— А театръ какъ-же?

— Что жь дѣлать, неустойку придется уплатить. Тяжело, очень тяжело...

— Какъ же это такъ вдругъ, неожиданно...

— Да, да, удивительно.

Ракинъ раскланялся и растерянно спустился внизъ...

Для черезъ два онъ встрѣтилъ на елагинской Стрѣльв Веркутова: онъ сидѣлъ въ коляскѣ съ Талаевымъ, съ которымъ очевидно былъ уже пріятелемъ.

— Слышали? весело говорилъ онъ, держа Ракина за руку.— Папочка-то дочку пристроилъ! Молодецъ! И неустойку князенька заплатилъ, и вѣселя выдалъ

— А кто этотъ князь? съ усиліемъ спросилъ Ракинъ.

— Дрянцо, шулеръ, били ужь его. Очень богатый. Ну что-жь—она счастлива будетъ.

— Вы полагаете?

— Да отчего же нѣтъ?

— Онъ женится на ней?

— Да онъ женатъ. Онъ каждый годъ кого-нибудь увозитъ за границу,—старая пѣсня... Впрочемъ, онъ обезпечиваетъ. Не Богъ вѣсть что, а тысячь двалцать дастъ и въ моду введеть. Папочка это тонко распорядился.

Онъ еще разъ хихивнулъ и протянулъ ему руку. Коляска, попрыгивая на каучуковыхъ шинахъ, покатилась.

Ракину очень скучно. Хотѣлъ ѣхать за границу, да рѣшилъ, что это глупо и остался. Впрочемъ, можетъ-быть чрезъ нѣсколько недѣль онъ и поѣдетъ.
